

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

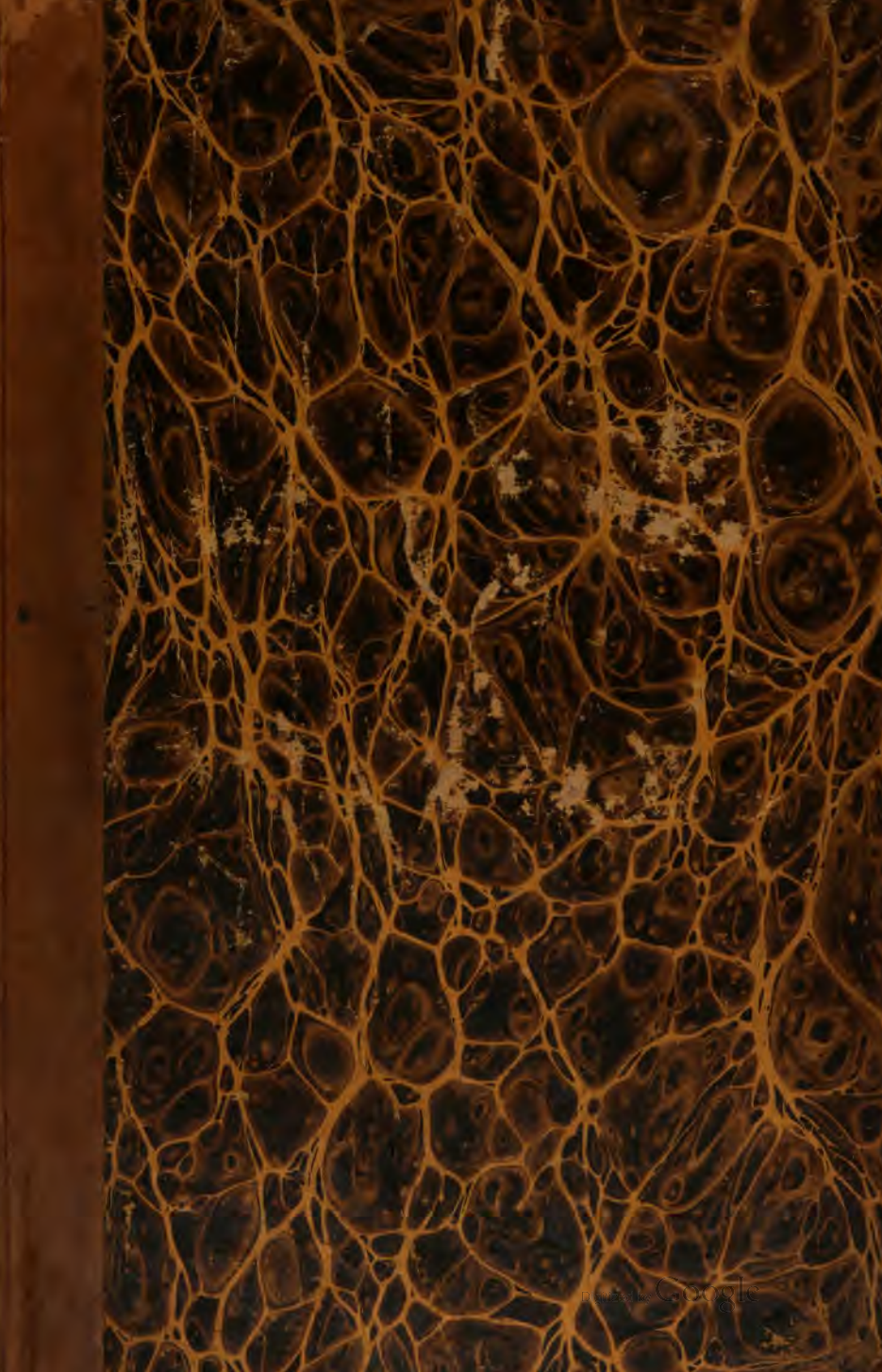
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1828

9, 11-12

(119)

~~Page 6 (111-12)~~
Vet. DK4. S 276.085

Vet. Surv. P. 2.

1828
Y119 (9, 11-12)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 23 дня 1828 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ
П. Гаевскій,*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № IX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОСУДАРЬ И ГРАЖДАНИНЪ.

(*Продолженіе.*)

Нашупилъ Іюль мѣсяць, и съ нимъ, далекозвучными, исполинскими шагами приближалась война къ Брауншвейгскимъ землямъ, на которыхъ, предшечею оной, побывали уже съ разрушительными пламенниками лешчія орды Мансфельдовы. Альбрехтъ Бранденбургскій, приццатицльшній Ахилъ, разгромилъ спъны Каполическихъ городовъ, и въ то время, какъ Герцогъ Гейрихъ, полагая найши его во Франконіи, выступилъ въ Нордгаузенъ, онъ очутился уже, съ отборнымъ войскомъ у Ганновера, соединился съ арміею Эриха, и въ шестое Воскресенье послѣ Троицына дня, именно 9 Іюля, пошелъ скорымъ маршемъ къ Брауншвейгу. Ему хотѣлось, вторгнувшись въ беззащитную неприятельскую землю, повторить еще разъ то, что удалось нѣкогда Гессенскому Ланд-

графу, то есть выгнать Вольфенбюшельца из собственных его владений. Однако отважный полководец ошибся в расчеты: противники заранее узнали план его, и смотрь войску, назначенный Альбрехтомъ, превратился в сраженіе, самое кровавое въ то время и означенное именемъ Сиверсгаузенскаго въ летописяхъ народной Исторіи.

И вспомогательный корпусъ города Брауншвейга выступилъ наконецъ, девятого же Іюля поутру, чтобы при небольшомъ городкѣ Бургдорфѣ примкнуться къ Маркграфу. Съ горестію, но въ безмолвіи передъ суровымъ Барнеромъ, которому походъ былъ совершенно по душѣ, смотрѣли Юста и Ева съ балкона, когда военачальникъ вышелъ садиться на вороного коня своего. Старый и страшный, какъ привидѣніе, Мейзебукъ стоялъ у ворошъ; на лицѣ его изображалась смерть, но во впалыхъ глазахъ сверкала огонь.

„Что, братъ, куда дѣлась твоя надежда?“ сказалъ онъ, злобно усмѣхаясь. „Видишь ли теперь, что твоего Юнкера Эйшеля нѣтъ, какъ нѣтъ?“ —

„Его заперли въ Вольфенбюшель“ — пробормоталъ Барнеръ съ досадою, зацѣпывая крѣпче свою опояску и заспегивая ремень своего желѣзнаго шишака: „но я

такъ выручу себя зятя: прежде всего двинемся мы съ Маркграфомъ къ замку, кошорый защищенъ слабо.“

„Поклонись опъ мени бородашному Гейнриху, коли съ нимъ сполкнешься“ — продолжалъ спарикъ: „да напомни ему, пожалуйста, кто позабылся его надоумишь. Принцы его будущъ съ нимъ; и Филиппа со всею командою призывалъ онъ онышь въ Нордгаузенъ. Клаусъ, не пропусти благопріятнаго случая! Долой со свѣша волчье племя, и ты, для зятя своего, достанешь Герцогскую шапку!“ —

Барнеръ содрогнулся опъ этой мысли, но на лбу его собрались спрашныя морщины. „Проигранной, покинушой невѣстой называюшь Брауншвейгцы дочь мою“ — бормоталъ онъ про себя: „и это все опъ него! Моженъ бытъ, мы будемъ квишы, и онъ почувствуешь себя еще болѣе покинушымъ. — Спарый грызунъ!“ — примолвилъ онъ громче, занеся ужё ногу въ спремя: „развъ не видалъ ты въ саду, какъ дождикъ въ ночи покрылъ деревья и праву кровавыми каплями? Это предвѣспіе самого неба; совѣшую гордецамъ подальше держашься опъ сшрѣлковъ моихъ! Пули обмакнушы въ ядъ моей злобы, а въ дббавокъ, ты изрыгнулъ на нихъ свои адскіе помыслы. — Прощайте!“ за-

кричалъ онъ вверхъ къ балкону и поскакалъ на рынокъ, гдѣ бодро спалъ передъ рядами мужеспивенныхъ рейшаровъ, не помышляя, что ближайшая ночь заспанешъ его у пѣхъ же ворошѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ, — какъ бѣглеца, покрытаго свѣжими ранами.

На Бургдорфскихъ равнинахъ встрѣпились оба непріятельскія войска, съ равною для обоихъ нечаянностью. Съ полудня до вечера продолжалась кровопролитная сѣча. Маркграфъ побилъ Саксонцевъ, но Герцогъ Вольфенбюшельскій сразилъ его и оставилъ за собою плачевное поле битвы, на которомъ, съ ужаснымъ опчаяніемъ, увидѣлъ онъ распроспертые шрупы обоихъ сыновей своихъ. Оба поражены были прямо въ грудь мѣшкимъ свинцемъ стрѣлковъ, и блистательная побѣда обратилась въ разительное печальное шоржество, которое грозило совершеннымъ низложеніемъ крѣпкому шарцу герою.

Унымый звонъ колоколовъ раздавался въ стѣнахъ Вольфенбюшеля; вокругъ церкви собирались шолпами народъ и похоронная свита, въ праурной одеждѣ; разверзся наконецъ зѣвъ могильнаго свода и поглотилъ навсегда надежду всего края, пышный цвѣтъ

знавшійшаго Герцогскаго дома. Эйшель Гейрихъ фонъ Кирхбергъ выпущенъ былъ изъ подъ ареста, и присутствовалъ при горешномъ обрядѣ, когда брашневъ его опускали въ могилу. Онъ помышлялъ объ опчаянномъ опцѣ, сокрушенномъ горестію; забывъ объ его суровости, о гнѣвѣ его, забывъ о себѣ самомъ, о своихъ пламенныхъ желаніяхъ и обо всемъ происходившемъ прежде, онъ сѣдовалъ только влеченію сыновняго долга, и опередивъ всю свішу, возвращавшуюся во дворець съ похороннаго шествія, бросился шуда первый.

Въ небольшой пощаенной комнаѣ, гдѣ висѣлъ портретъ, во весь росъ, Герцога Льва, нашель онъ несчастнаго опца своего. Старикъ лежалъ, какъ бы въ безпамяствѣ, въ креслахъ; покрасившіе глаза его успремлены были неподвижно на изображеніе прародителя; по щекамъ и по густой бородѣ капились слезы. Эйшель вошелъ въ комнату; пораженный печальнымъ зрѣлищемъ, бросился онъ къ ногамъ Герцога и склонилъ кудравую свою голову на колына опца. Ничто въ цѣломъ мірѣ не можешь быть разительнѣе для души, какъ видѣшь мужа, истиннаго мужа, умѣвшаго прошивустояшь ударами судьбы и съ улыбкою сносить ея гоненія, въ слезахъ о чемъ-либо, навѣки опшоргну-

шомъ опъ его сердца! Когда шакіе окръишіе глаза умягчашся и прольютъ слезы, шо по неволѣ чувствуешь всю ничтожность существа человѣческаго, и слабѣйшій должень шрелешашь, когда видишь сильнаго согбеннымъ подъ гнетомъ судьбы.

Медленно опустилъ Герцогъ свою голову, и какъ бы пробуждаясь опъ сна и собираясь съмыслями, долго смошрѣлъ въ безмолвіи на юношу. Пошомъ вдругъ повелъ онъ ладонью по слезящему лицу своему, шакъ, чшо брызги полешѣли на обращенное къ нему съ умиленіемъ лице Эйшеля. Обѣ руки положилъ онъ тогда на златыя кудри козбно-преклоненнаго.

„Ты ободряешь меня? ты вызываешь меня изъ вялаго онѣмѣнія шоски?“ сказала онъ съ жаромъ. „Ты правъ. Они преданы землѣ, дѣши моего Герцогскаго ложа; но ты оспался, ты, сынъ любви моей; шебя еще пощадилъ кровопійцы. И какой варваръ не удержался бы опъ выспрѣла на эши черны юноспи и невинноспи? Но берегись; не ходи безъ двойнаго панцыря, какъ эши дерзновенные, наслѣдовавшіе упрямство своей матери! О, какіе изверги эши ерешики! драконы, порожденные адомъ! Они знаютъ, гдѣ попасть, чтобъ и самый богашырь не усшоллъ на ногахъ. Сыновья мои! О Барнеръ!

Барьеръ! отдай мнѣ сыновей, и пусть спарая грудь моя будетъ мишенью для твоихъ убійственныхъ жерлъ!“

Объими руками закрылъ онъ лице; потомъ легонько отспоронилъ отъ себя юношу, и спалъ ходишь мѣрными шагами по комнатѣ.

„Богъ допустилъ это!“ сказалъ онъ твердо, остановясь передъ поршпретомъ Льва. „Эйшель! Онъ покаралъ меня, и я чувствую въ себѣ эту кару, о кошорой говорила умирающая мать твоя; чувствую ее здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые бросилась она въ мои объятія, здѣсь, гдѣ отозвалось первое гнѣвное слово, обращенное на злѣйшаго врага моего. Спранно! Кто бы повѣрилъ такому ужасному сцѣпленію случаевъ, если бы самъ не испыталъ ихъ?“ Бросивъ потомъ величавый взглядъ на поршпретъ: „Не печалься, благородный мой предокъ!“ продолжалъ онъ, возвыся голосъ. „Ни судьба, ни злость человеческая не унижатъ пошомка гордаго Льва, и не содѣлаютъ его тебя недостойнымъ. Печальные колокола прервали заунывный свой спонъ; замолкла и горестъ Гейриха! Нѣтъ, племя Генриховъ не угаснетъ, мой благородный предокъ: земля, бывшая сердцемъ твоихъ владѣній, не достанется родшвенникамъ ерепикамъ!“ — Онъ схва-

шилъ съ жаромъ правую руку Эйшеля. „Вошь наследникъ швой! для него еще разъ обнажился мечъ стараго Гейнриха и разгромилъ послѣднимъ шяжкимъ ударомъ коварныхъ прошивниковъ швоей вѣры и короны швоей, чшобъ вшощъ кропкій юноша владычествоваль однимъ шолько скипетромъ любви, наследованнымъ ошъ его мапери.“ — Съ блѣднымъ лицомъ, смотрѣлъ Эйшель въ крупящіеся глаза Герцога. „Бапюшка!“ сказала онъ зашпливо: „что съ вами сдѣлалось? вы говорите непоняшно и спранно. Не прикажете ли позванъ чернаго Цида или вашего лейбъ-лакея?“ —

„Если сказанное для тебя загадка, по выслушай и разгадку“ — отвѣчала старый Гейнрихъ. „Я хотѣлъ завоевать для тебя область; теперь самъ Богъ даровалъ тебѣ обширныя владѣнія. Папская булла признала тебя законнымъ моимъ сыномъ; и такъ, ты наследуешь Герцогскую мою шапку и всѣ мои земли. Можешь быть, благослы Провидѣнія отсрочить еще земное быніе старика отца швоего на столько лѣтъ, чшобъ могъ онъ ушвердить тебя на престола, пока не созрѣютъ собшвенныя швоей силы, для огражденія швоего ошъ свирѣпыхъ гоненій свѣша.“

Объими руками съ омерзвнiемъ махнулъ отъ себя Эйшель. „Боже избави!“ — вскричалъ онъ съ пренепомъ: „чтобъ я сдѣлался хищникомъ прешола и чужимъ добромъ осквернилъ свои руки! Еще живъ сынъ вашъ Принцъ Юлiй, и онъ истинный вашъ наследникъ!“

„Молчи! молчи, или шрепещи моего гнѣва!“ возопилъ въ сильномъ пошрясенiи Герцогъ. „Не называй мнѣ его! Въ цѣпи заковалъ бы я ерешика, еслибъ онъ осмѣлился явиться сюда. Онъ посрамилъ родъ мой и далъ мнѣ первый полчекъ къ могилѣ! Сынъ Гейнриха между раскольниками, опшверженными Церковью! О это ужасно, несштерпимо!“ —

Съ попокомъ гнѣвныхъ рѣчей, спремипельными шагами мѣрилъ спарику комнашу. Эйшель не прерывалъ его, пока наконецъ, громами мещущiя уста не спали издавать шолько глухiе, прерывистые звуки, пока сомкнушые кулаки не околшпились объ широкую грудь и не разжались на ней, пока волканомъ горящiе и крушящiеся гдаза не ушавились въ недвижимоспи, пока не укршпились буйные шаги его, и не появидасть черта размышления на воспаленномъ лицѣ. Медлiтельно подошелъ онъ тогда къ отцу и прислонясь головою къ плечу ошпановившагося въ безмолвиi спарца, посмошрѣлъ

умильно ему въ глаза, со всею нѣжностію, врожденною въ немъ отъ природы. Спарикъ обнялъ его правою рукою, а лѣвою взялъ его за подбородокъ, и сказала крошко, въ необыкновенномъ движеніи: „Евва, милая Евва, чего желаешь ты? О чемъ хочешь просишь меня устами своего сына?“ —

„Башюшка!“ лепетала Эйшель: „нѣтъ, можешь ли ты быть столь жестокъ и несправедливъ? Если гнѣваешься на сына, единственную, законную опрашу своего дома, то все не можешь отказать внуку въ его собственности, въ своихъ владѣніяхъ, а еще болѣе въ любви своею, какъ любви дѣда.“

„Внукъ? дѣдъ?“ спросилъ, изумясь, Герцогъ.

„Гейнрихомъ зовушь его, и на дѣда похожъ онъ, сказываюшь, какъ одна виноградина на другую“ — сказала съ улыбкою юноша. „Ему принадлежитъ твоя Герцогская шапка, и если хочешь меня почтить, то научи военному искусству, сдѣлай первымъ рыцаремъ и стражемъ спокойствія твоего внука.“

„Ты, какъ мать твоя“ — прервалъ его Герцогъ уныло. „И она отвергала пышность и пурпуръ; смиренное пребываніе въ пошаченномъ мракѣ предпочитала блеску вели-

ція. Въ старомъ замкѣ, въ кругу дѣтей, жила она“

„Для любви!“ пролепешалъ Эйшель со вздохомъ и крѣпче прижался къ груди отца. „Да, батюшка, я весь по мамери!“ прибавилъ онъ въ подголоса: „и отъ тебя зависишь сдѣлать меня вполнѣ счастливымъ. Отдай мнѣ Шпауфенбургъ и“ —

„И ты не стыдишься сего-дня давать мѣсто въ душѣ своей такимъ помышленіямъ! И твои братьевъ не устрашаютъ тебя, когда ты бросаешь взглядъ въ адскій вертепъ убійцы? — Кто мой, пошпъ должень ненавидѣть и враговъ моихъ!“ Такъ восклицалъ Герцогъ, въ пылу негодованія.

„Любовь — моя наследственная доля!“ возразилъ съ нѣжностію Эйшель. „Неужели надобно мнѣ учиться ненависти? До сихъ поръ я не имѣлъ въ томъ нужды, не видя ни въ комъ врага себѣ; и какіе ужасы пораждаешь ненависть, только здѣсь узналъ я, какъ ни крашко мое пребываніе въ этомъ замкѣ. Ахъ, батюшка! предоснавь мнѣ только любви — любишь себя, и брата Юлія, и маленькаго Гейнриха, и все, что тебѣ принадлежитъ. О, дай лучамъ любви проникнуть въ ледяную кору, покрывающую благородную грудь швою. Здѣсь уже многіе тебя ненавидятъ, и швой гнѣвъ лишь почишь

стрѣлы, со всѣхъ сторонъ направляемыя на драгоцѣнную твою голову. Попробуй прощась, уступи душевной добротѣ своей, возврати Юлію права его; ошдай корону свою маденькому Гейриху, а мнѣ предославъ лелеяшь твою старость и украшашъ ее всѣми вѣнками любви, кошорыхъ ты лишился, съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать моя.“

Видимо мѣнялись краска и чувешво на лицѣ Герцога. Уже вспыхивалъ онъ, и успа грозили пошохомъ жесткихъ рѣчей, но взгляды на прекрасныя черты юноши, просвѣтлѣвшія до умиленія ангельскаго, окуивалъ пылокое негодованіе, прежде нежели оно превращалось въ слова. „Прощашъ!“ бормоталъ онъ. „Эшого никшо ошъ меня не дождеши. Въ землѣ ерешиковъ, при пышномъ и суешномъ дворѣ Бранденбургскомъ, они помышляють о старомъ Гейрихѣ шолько съ ненавистью и шрепешомъ, и ни во что не ставяшь благословеніе дѣда на голову его внука!“ — Эйшель вспрыгнулъ ошъ радости, но явленіе пошпороннаго помышало разговору. Дверь ошворилась и шоропливо вбѣжала Арабъ Цидъ, съ горящими глазами, покрывшій пылью и пошомъ на лоснящемся черномъ лицѣ. Герцогъ бросился къ нему на встрѣчу.

„Что скажешь ты мнѣ, вѣрный слуга и вѣспникъ?“ спросилъ онъ. „Напугалъ ли мяжежниковъ Императорскій посланникъ? Придушь ли они къ Великому Карлу, чшобы на Сеймъ возспановишь шишину и дашь покой мечу моему, какъ шребуешь ошь меня Имперашоръ?“

„Нѣшъ, Государь, еще не повѣсишь ты панцыря на гвоздикъ.“ отвѣчала Цида, преклонивъ голову и скрестя руки на груди своей. „Пока барсъ видаешь хвостомъ, хошя бы двадцать ранъ покрывали его шѣло, ни одинъ умный охошникъ не подойдетъ къ нему. Твой благородный Генераль, Гершъ фонъ Кампе опсправилъ меня къ шебѣ изъ своего спана. Посланникъ былъ въ Брауншвейгъ, и получилъ въ опшвѣшь одно поруганіе: „мы пишемъ, сказано ему Городскимъ Совѣшомъ: „шодько оспрымъ желъзомъ на кожъ человѣческой, ошь чего родяшся красныя нисъмена; а черныя, на пергаменшѣ, разучились мы чипашъ съ шѣхъ поръ, какъ прогнали ошь себя Папскихъ писакъ.“ Тогда Барворшъ фонъ Раушенплашъ бросилъ къ ногамъ его Имперашорское письмо, а Браунъ фонъ Бушваръ велѣлъ мальчишкамъ гнашь его изъ дому. Слышно, чшо Маркграфъ Альбрехшъ прибылъ въ Брауншвейгъ и сыплашь деньги горшями изъ окна. Городъ, собравъ

жобитыхъ ратниковъ, спѣшишь снаряжаться вновь на войну и еще съ большею спротивостію. Надавно напали они на Юста фонъ Голла и Шшалмейснера Форста; раненыхъ, кинули ихъ въ городъ, гдѣ какъ говоришь молва, сняшы имъ головы, шакже какъ нѣкогда Георгу Тейфелю и Гакенгольцу. — Кромѣ того, до шридцати лѣсныхъ охотниковъ швоихъ, Государь, захвачены въ лѣвнѣ. Вошь о чемъ поручено мнѣ повѣстишь опѣ Генерала, кошорый ждешъ скорыхъ опѣ тебя приказаній.“ —

Ярость Льва изобразилась на брадашомъ лицѣ Берцога. „Эшо ли надежды швои на примиреніе, мой женоподобной сынокъ?“ спросилъ онъ насмѣшливо Кирхберга. „Вонъ изъ ноженъ, мой спарый мечъ, и клянусь Богомъ, опшщающимъ неправоту, дошолъ не вложу шшой шпала, пока не смиряшся дерзкіе, ползая въ прахъ передо мною, пока зачинщики мяшежа не будущъ плавать въ крови передъ моими глазами! Пускай эшошъ городъ Льва съ его прекрасными башнями преобращишся въ кучу золы и пепла, или пущь я самъ разшибу спарую, съдую свою голову объ шши шѣвны, построеныя Государями, но служащія оградю буншовщикамъ! — Сшупай!“ — сказала онъ пошомъ, подумавъ: „разошли рейшаровъ во весь концы. Генераль

долженъ двинуться къ городу, забрать по пуши всѣхъ людей изъ деревень, окружишь городъ, занявъ прежній лагерь у Эгидовыхъ воронъ, окопаться отъ въпряной мельницы до Грисберга. Я сегодня послѣдую за нимъ со всею рыцарскою свитой, кошурую, какъ бы въ предчувствіи, собралъ здѣсь, чшобы свершишь погребеніе сыновей моихъ со всѣми почестями, какія подобають героямъ. Маршала и Полковниковъ, собери сей же часъ въ рыцарской залѣ.“

Арабъ слушалъ, выпуча глаза, а потомъ подешвъ, какъ спрѣла на оплешѣ, внизъ по лѣстницѣ. „Не ужели такъ скоро заживили вы раны Сиверсгаузенскаго сраженія?“ съ дикимъ смѣхомъ воскликнулъ Герцогъ, обращая къ окну грозящій перстъ. „Эрихъ со мною въ ладу, съ шѣхъ поръ, какъ замокъ его исчезъ въ пожарномъ пламени, и вы безъ Ганноверцевъ отваживаетесь на бишву, шюгда какъ и съ ними не пожали лавровъ? Ну, Генрихъ все пошъ же, и шеперь ужъ не уйдешъ онъ домой, хотя бъ довелось ему изрышь собственную могилу подлѣ вашего пограничнаго столба.“ —

„Бапюшка!“ сказала юноша шоскливо и умоляющимъ голосомъ: „бишва будешъ опчаянная; вокругъ васъ нѣтъ сыновей, гошювыхъ своимъ щитомъ покрышь грудь вашу;

возмише жь съ собой меня! Вы дали мнѣ почешное мѣсто вблизи Герцога; удоспойте жь наградить меня и шпорами Принца!“

„Спуй!“ сказала спарикъ, подумавъ: „возьми Магнусово знамя съ изображеніемъ сѣраго волка; полько берегись Барнеровыхъ спрѣлковъ. У меня шы одинъ, а беречь наслѣдника земель моихъ ешь высочайшая для меня обязанность.“ —

Съ намернувшимися на глазахъ слезами обнявъ могучій герой нѣжнаго юношу; а между шѣмъ галлерей замка оживились: загремѣла походка вооруженныхъ Полковниковъ, собирающихся въ рыцарскую залу, а на дворахъ раздавались звуки военной шрубы, сзывающей бранныхъ коней.

Жишели Брауншвейгскихъ земель едва полько вздохнули посвободнѣе на своихъ пелищахъ; кровь, пролишая на ихъ поляхъ, и груди шѣль, въ кошорыя рыцари и горожане сложили шысячами свои головы, подавали надежду мирнымъ поселянамъ, что на сей годъ уже избавяшся они ошь ужасовъ и шыгосшей войны. Но вдругъ, на каждомъ пограничномъ распушии, глухо зазвучали сборныя шрубы Герцога Гейнриха, вездѣ пронудили подки съ кварширь своихъ, град-

скіе гарнизоны подняли знамена, и шѣ земли, которыя дымились еще и лежали въ опустѣннѣи ошѣ испребительной руки неисповыхъ наездниковъ Мансфельда, снова приведены были въ ужасъ грозными шайками рейшаровъ, изъ которыхъ каждый, закованный въ желѣзо, казался спрашилищемъ, несущимъ смерть за сѣдломъ, пожаръ и голодъ у спремени.

Но Герцогъ, принявъ планъ кампаніи, ошибался на сей разъ въ расчетахъ. Маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургскій, самый храбрый и неукротимый изъ Государей своего времени, былъ вовсе не шаковъ, чшобъ запершись въ сѣвнѣхъ Брауншвейга, довольствовашься низложеніемъ вражьихъ рядовъ посредствомъ однихъ карпауновъ, далеко мещущихъ свои громаы. Война, какъ воздухъ и вода, сдѣлалась необходимостью жизни его; рашованіе на открышомъ полѣ и личная схватка, грудь съ грудью и рука съ рукой, считались имъ лучшею забавою и наслажденіемъ. Его геройская осанка, подобная Ахиллесовой, его рѣзкая рѣчь, исполненная силы и точности, его, безъ всякой мѣры распочаемое золото, подвинули вновь орбѣлыя сердца Брауншвейгцевъ къ надѣянности на побѣду. Клаусъ Барнеръ помогашъ разжигашъ потухающее пламя ненависти

*

въ гражданахъ, а самъ онъ денно и ноцно подспрекаемъ къ тому былъ злымъ духомъ, поселившимся у него въ домъ подъ гробовымъ призракомъ спараго, несчастнаго Мейзебука. Со времени Сиверсгаузенскаго сраженія, Клаусъ не переславалъ бытъ задумчивымъ и мадоръчивымъ, и когда сморпрълъ онъ на дочь свою, начавшую примъпно увидать послъ дерзкой игры на спрълецкомъ праздникъ, и помипсья пою же скрыпную шоскою, какую испышала машь ея во время бурныхъ юношескихъ лъшь Барнера, тогда онъ вшайнъ скрежесалъ зубами и бориомалъ про себя: „неужели не дождусь возмездія? Неужели всегда удача будеть на споронъ дьявола, кошорый въ моей жизни называется Гейрихомъ?“

Едва узналъ Маркграфъ черезъ своихъ ла-
зущиковъ, что бълые Вольфенбюшельцы
собираюпсь, какъ высшупилъ онъ изъ го-
родскихъ стънъ и помъшалъ Герцогову Ге-
нералу окружить Брауншвейгъ. Зная, что
войску Альбрехта, обильному славными, по-
съдълыми во брани рейшарами, недослаеть
лѣхоты, опытный военачальникъ оспере-
галъ его и совъшовалъ бытъ оспорожнымъ,
но ничто не могло укропшить волкана, пы-
щащаго въ груди Маркграфа; и когда онъ
услышалъ, что прошивникъ его нуждается

въ деньгахъ, что возникаетъ ропотъ между войсками его, неполучающими жалованья, — когда удалось ему даже переманить къ себѣ ошъ Герша фонъ Кампе нѣсколько перебѣжчиковъ, тогда, жажда побѣдъ, оставилъ онъ вѣрную позицію подъ стѣнами Брауншвейга; и въ жестокихъ стычкахъ закипѣла война.

Но счастливая звезда Гейриха еще не поухла. Въ рѣшишельный день, десятаго Сентября, привезено было обѣщанное золото изъ Бамберга, Вирцбурга и Ниренберга; розданное жалованье разохошило войско къ сраженію, и Герцогъ, пользуясь симъ первымъ пыломъ наемниковъ, отправилъ двадцать знаменъ съ отборною пѣхошою навстрѣчу Маркграфу.

Оба войска сошлись поутру двѣнадцатаго Сентября 1553, между Гейсфельдомъ и монастыремъ Шшедербургомъ. Холодный осеній шуманъ покрывалъ поля, и густыя дождливыя тучи зашмѣвали солнце. Маркграфъ воспользовался сумрачною погодою и ему удалось — скорымъ движеніемъ своихъ отличныхъ всадниковъ и быстрымъ напоромъ, смять передовую непріятельскую кавалерію и даже привести въ безпорядокъ первыя колонны пѣхошны. Но масса непрерывно вышупающихъ изъ лѣсу ратниковъ была слишкомъ обширна; самъ Герцогъ пред-

водительствовалъ ею. Вскорѣ Вольфенбюшельцы такъ просянули свою боевую линію, что она широкими своими крыльями гошова была окружишь всю небольшую рашь Бранденбургцевъ и Брауншвейгцевъ, и самыя смѣлыя нападенія Альбрехша находили оппоръ въ пвердоспи бѣлыхъ копьеносцевъ, а между шѣмъ спрѣлки Вольфенбюшельскіе дѣлали большой проспоръ въ рядахъ черныхъ его лашниковъ.

Клаусъ Барнеръ предводительствовалъ лѣвымъ крыломъ, соспоявшимъ изъ союзныхъ съ городомъ дворянъ и опборныхъ Брауншвейгскихъ спрѣлковъ. Планъ Альбрехша былъ таковъ, чшобы пробитьсь сквозь ценшръ непріятеля, подъ защишою крыльевъ своего войска, кошорыя должны были однако оставашься безъ участія въ эшомъ ошважномъ дѣлѣ. Но вскорѣ удостовѣрился Барнеръ, что предположеніе полководца его не можешъ бышь удачно; уже рашь Альбрехшова была разспроена непріятелями, и чшобы предупредить ихъ скопленіе и дать дѣлу выгодный оборотъ, Барнеру надлежало наложить шуть свою руку. Онъ былъ одѣшъ въ сей день болѣе по-рыцарски, нежели когда-либо, съ шѣхъ поръ, какъ сдѣлался гражданиномъ, а почему? не умѣлъ и самъ себѣ дать въ шомъ опчеша. На годовѣ — оп-

цовскій серебряный шлемъ, съ вырѣзнымъ лежащимъ медвѣдемъ на гребнѣ; безъ нагрудника и нашейнаго кольца, но съ шонкою, мешалической поверхъ кожаного колеса съшкою, которая издали уподоблялась оплично-рабошанному серебряному панцирю, и съ пышною пунцовою перевязью, которая съ широкаго плеча перегибалась до самаго бедра.

Медленно вѣхалъ онъ на конѣ передъ рядами своихъ воиновъ, устремляя пронизательный взглядъ въ глубь окрестности. „Кордъ фонъ Даммъ“ — сказала онъ опривисно: „примите вмѣсто меня команду на короткое время: всю конницу вамъ оставляю; цо-ешройше ее фрунзомъ, чшобъ непріятель не замѣшилъ, когда ошдѣляшся пѣшіе. Я хочу съ ними удержашъ Маркграфовыхъ рейшаровъ. Прапорщикъ Гансдельманъ ошпанешся здѣсь съ росою сшрѣлковъ. Разспавъше ихъ между лошадьми; берегите лучше всего городское знамя, и когда приблизитесь непріятель, сшрѣляйте мѣшко. Правое крыло непріятельское, вонъ на эшомъ показомъ холмѣ, кажешся, имѣешъ шакого предводителя, который не слишкомъ любитъ бросашся въ пыль. Онъ по видимому не спанешъ безпокоишь васъ до моего прибышя. На знамени вижу я сѣраго волка. Оно

принадлежало Принцу Магнусу, и на немъ
была надпись:

Der graue Wolf bin ich genannt;
Mein Vater hat mich ausgesandt.

Подъ Бургдорфомъ видѣлъ я, какъ валя-
лось оно, окровавленное, въ грязи. Этомъ
молодчикъ, кошорый поднялъ его и кошо-
рый въ своемъ блестящемъ уборѣ, суешливо
разъѣзжаетъ передъ рядами, совсѣмъ не такъ
смолришь, чшобы хошлось ему смышь съ
него грязь нашею кровью. Если не ошиба-
юсь я, шо въ этомъ геройскомъ вооруженіи
засѣлъ малодушный ребенокъ. Господинъ Пра-
порщикъ! если они осмѣляшся подойти по-
ближе, шо спрѣлйше, прямо и мѣшко въ
знамя сѣраго волка; надѣюсь, что вы не да-
дите промаха по этому хищному звѣрку,
кошорый позаялъ уже Герцогскихъ добро-
дѣшелей ошь ошца своего и выпшвердилъ
урокъ, что высокородные не должны дер-
жать кляшвы, данной гражданамъ и что
нѣшь ничего благороднѣе, какъ ходишь по
ихъ головамъ и шопшать ихъ въ грязь. Вме-
редъ, дѣши мои, за мною, скорымъ маршемъ!"—

Тушь надѣлъ онъ на лицо половинча-
шое забрало, выпшроилъ опдѣльно свою пѣ-
хошу, раздѣленную на небольшие взводы, и
между шѣмъ, какъ конница расширилась и

наполнила убылые ряды, повелъ опрядь храбрыхъ своихъ Брауншвейгцевъ къ центру.

И дѣйствительно подоспѣлъ онъ въ самую пору. Маркграфъ Альбрехтъ одержалъ сначала верхъ надъ противниками; центръ Вольфенбюшелевъ, опъ сильнаго напора славныхъ его рейшаровъ, подкрѣпляемыхъ огнемъ артиллеріи, подакъ назадъ, и Альбрехтъ считалъ побѣду вѣрною. Но какъ въ позже время увидѣлъ онъ, что лѣвое крыло Гейнриха сильно наступаетъ на его правое, съ каждою минутою просираваетъ вдаль свою линію и, подобно кольцеобразной змѣѣ, грозить обхвастить его съ тылу, онъ передалъ пощасъ команду Графу Фольрашу фонъ Мансфельду, къ которому наиболее имѣлъ довѣренности, а самъ, съ отборными всадниками, поспѣшилъ на помощь къ правому крылу. Мансфельдъ былъ отличный полководецъ для опдѣльнаго опряда, но благородіе и осмошрительность не принадлежали къ числу воинственныхъ его доблестей. Съ жадностію, какъ шигръ на молодую лань, кинулся онъ съ своими эскадронами на опсшающую пѣхоту, и не видалъ, какъ изъ одной долины, покрышой еще ушреннимъ шуманомъ, придвинулся резервъ Гейнриха сомкнуемыми колоннами, — не видалъ, цока не цосынались на него со

всѣхъ споронъ удары мечей непріятельскихъ: раздвинушая ошъ быспраго его напора инфантерія сомкнулась позади его, ружейный выспрѣль скинулъ его самого съ лошади, и онъ со всѣми своими попался въ западню, изъ кошорой, громко и надменно изрыгаемыя имъ ругашельства не могли его выручить. Сн-шо неудачи побудили Барнера спѣшитъ на помощь. За плавною рысью коня его придвигались, скорымъ маршемъ, превосходныя спрѣлецкія ропы. Вмигъ поспроились онъ на мѣстѣ, къ нимъ примкнулись бѣгущіе Бранденбургскіе лашники; громкій залпъ ужаснулъ Вольфенбюшельцевъ; покинутыя Бранденбургцами полевыя орудія снова были захвачены гражданами и упошреблены въ дѣло; съ гремящими залпами, съ шумными военными кликами Люшеранъ: „чаша и свобода!“ кинулась вдругъ цѣлая линія, чшобы рѣшишь, кому долженъ принадлежать успѣхъ роковаго дня.

„Самъ дьяволь сидишь въ эпомъ рыцарѣ съ чернымъ перомъ и кровавою перевязью; эшошъ полководецъ не чеша сумасбродному Маркграфу!“ закричалъ Герцогъ Генрихъ Генералу Кампе, вхавшему подлѣ него. „Кшо бы онъ былъ шаковъ? Эшакого воинскаго убора не видалъ я еще въ войскѣ Альбрехша! — Паршизаны, впередъ! Мы заплашимъ ему шою

же монешою!“ — Раздался шрубный звук, загремѣли къ напisku полковыя лишавры, и какъ два испочника, выстуля изъ береговъ и вспрѣшясь въ одной долинь, сдвигаются бурливыми вадами, хлещущъ брызгами и пѣною, и ярься, взгромождаются высокою сшѣною, — подобно ятому, обѣ боевыя линіи сполкнулись и ущемились одна въ другую въ жесточайшей борьбѣ. Тушь не помогаль уже коварный порохъ, посредствомъ котораго слабосильный шрусъ побѣждаешь наравнѣ съ храбрѣйшимъ Голяеомъ; нѣшь! шысячами схвашывались тушь храбрѣйшіе въ упорномъ единоборствѣ; тушь рашовади одни коренастыя мышцы и желѣзные кулаки; тушь разсѣченные члены и разможенные головы рѣшали побѣду въ каждой опдѣльной чешѣ борцевъ. Мѣшкій выспрѣль одной Бранденбургской пушки, при самомъ началѣ попалъ въ Герцогскаго коня и подожилъ его на мѣстѣ бездыханнымъ, задѣвъ нѣсколько и самого Герцога. Но снова поднялся неустрашимый герой, съ помощію своего Африканскаго стрѣлка, который никогда не осавлялъ его. Нѣкогда уже было искашь другаго коня; старый вишязъ бросился къ лучшему пѣхопному полкусвоему и, какъ будшо боевая блажь скинула у него двадцашъ лѣшь съ плечъ долой, бой-

ко и смѣло вѣсился, съ бѣлыми своими копыеносцами, въ жесточайшую сѣчу.

Тамъ раповаль непріятельскій военачальникъ съ кровавою перевязью, и подобно колосьямъ, пожинаемымъ остримъ серпомъ, валились передъ нимъ, справа и слѣва, его прошивники. Вдругъ не вдалекъ отъ себя увидѣлъ онъ давно извѣстнаго ему Герцога, и съ громкимъ восклицаніемъ, которае черезъ забрало послышалось какъ бы ревомъ хищнаго звѣря, бросился къ нему на встрѣчу. Три раза махнулъ онъ саблею вокругъ собственной головы своей, шакъ, что полетѣли врозь обстриженныя перья на шлемъ, и первый ударъ его разрился надъ чернымъ Африканцемъ, который, съ разможеною головою, полетѣлъ съ лошади и упалъ въ песокъ, по лѣвую сторону своего господина. Еще съ большею яростію успремился тогда мощный врагъ на самого Герцога, мѣлъ его конемъ, поражалъ ударами, и по всему казалось уже, что послѣдуетъ несчастный конецъ этого яростнаго нападенія; ушомленный Герцогъ принужденъ былъ только заслонять щитомъ свою голову и опражашъ мечемъ жестокіе удары меча. Вкругъ него уже не много оставалось паршизановъ его, и шѣ оказывали ему шодько временную помощь: ихъ самихъ шѣснили и губили чер-

ные Бранденбургцы, и ряды ихъ съ каждою минушою становились рѣже.

Вдругъ зашумѣло справа, какъ бы сильный порывъ вѣтра въ глухомъ лѣсу, или рѣка, прорвавшая плотину. На чаломъ конѣ неся опшуда Эйшель Гейнрихъ фонъ Кирхбергъ. Готовясь къ битвѣ, Герцогъ ввѣрилъ ему, подъ надзоромъ стараго Маршала фонъ Шшейнберга, правое крыло свое, которому, по плану его, надлежало принимать только малѣйшее участіе въ кровавомъ дѣлѣ. Но едва загрѣмѣла первая полевая пушка, какъ сердце юноши запрыгало отъ нетерпѣнія. Уважая приказаніе опца, оставался онъ въ мучительномъ ожиданіи на своемъ мѣстѣ, но во все время не спускалъ глазъ съ бѣлаго коня и съ дѣвскою горячностію преслѣдовалъ взоромъ развѣзжавшаго на немъ опца своего. Какъ препешало въ немъ сердце, когда шуманъ хошь на минушу скрывалъ отъ него коня и всадника! Какъ рвались руки его, потрясая мечемъ и уздечкою! Когда же передъ зоркими глазами его сгустились колонны, окружавшія Герцога, и началась та страшная, истребительная битва, когда пропалъ и бѣлый конь — уже ничто не могло удержать юношу; онъ не слышалъ громкихъ призывовъ Маршала; какъ быстрая серна, пустился на прищпоренномъ

чаломъ конѣ, и Шшейнбергу оставалось только командовать: маршъ! маршъ! и со всею конницею лешъшь въ сѣдѣ за вѣреннѣмъ ему пшпомцемъ. Блѣдный, съ распущенными по вѣпру злыми кудрями и незастегнувшимъ налчннкомъ, мчался юноша, не спрашась Брауншвейгскихъ сшрѣлковъ, мимо самыхъ ружей, на него направленныхъ. Лишь только достигъ онъ ошца, какъ сшрыгнулъ съ коня своего и предложилъ его испомленному, окровавленному Герцогу; а между шѣмъ гибко и ловко успѣвалъ уклоняться ошъ ударовъ разъяренныхъ Бранденбургцевъ.

Увидѣвъ его, непріятельскій военачальникъ съ пунцовою перевязью, на мигъ сдержалъ нешомимую въ ударахъ руку свою и закрушя уздечку коня, вскричалъ: „день мести и наслажденія! ошець и сынъ! все шранское гнѣздо да сокрушится въ часъ единый! Двойкое мщеніе за Евву и Евву!“ и шущь снова сверкнулъ мечъ его, занесенный крѣпкою рукою на ударъ убійшвенный.

Эйшель окаменѣлъ ошъ знакомаго голоса; помупившимися ошъ ужаса глазами неподвижно взиралъ онъ на непріятеля, упавъ на одно колено и едва держа передъ собою мечъ въ шрепещущей рукѣ; а между шѣмъ Герцогъ, подъ защпшою нѣсколькихъ копье-

носцевъ, спарался вскочить на брыкливаго чалаго коня. Въ это мгновение вдругъ что-то сильно завизжало въ воздухъ; непріятельскій военачальникъ закричалъ дикимъ, хрипящимъ голосомъ и, закинувъ голову, склонился спиною назадъ; кровь багровымъ ручьемъ хлынула изъ его шеи и брызги полетѣли на ближайшихъ къ нему воиновъ; конь, задернуый крѣпко уздою ошъ опрокинушой лѣвой руки, сперва крушо вздыбился, потомъ вдругъ грохнулся съ сѣдокомъ навзничъ, и глухо заснонала земля ошъ ихъ паденія. Всѣ смошрѣли въ изумленіи на свершившееся чудо. Эйшель векочилъ и бросился къ ошцу, копорый только лишь сѣлъ на коня; схватя подъ ушцы чалаго, юноша пустился бѣжать, и какъ меду шѣмъ цѣлый свѣжій полкъ нагрязнулъ со стороны и врѣзаясь, съ громкимъ крикомъ и сильными ударами, въ ряды Бранденбургцевъ и Брауншвейгцевъ, шо Эйшелю удалось вышашить изъ сумяшицы и увлечь далеко за фруншъ окровавленнаго Герцога.

Мудрено и спранно распоряжала судьба успѣхами бишвы по своимъ прихошямъ; вѣрную побѣду исхишила она изъ длани шоржешствующаго Барнера и наслала ему роковой ударъ въ самое мгновение высокошѣрнаго шоржешства его. И кто же? презрѣннѣшій

изъ враговъ избранъ былъ орудіемъ причудливой судьбы. Въ ту минушу, когда Эйшель, подскакавъ къ опцу, бросился долой съ коня своего, выпаль у него кинжаль, кошорый всегда носилъ онъ съ собою, и это оружіе степныхъ сыновъ Африки легло подлѣ низверженнаго любимца Герцогова — Арапа, зашопаннаго и людскими ногами и конскими копытами, издыхающаго отъ жестокой головной раны, но все еще преслѣдующаго крупящимися глазами своего господина и злѣйшаго врага его. Когда увидѣлъ онъ родной кинжаль лежащимъ у хладящей правой руки своей, еще разъ вспыхнула въ немъ искра жизни. Собравъ ошатокъ силъ, оперся онъ на лѣвую руку, а правой ухвата кинжаль, пушилъ его, мѣшко и вѣрно, по обычаю своихъ соопшичей, въ ошкрышю шею неприяшельскаго военачальника. Остріе вонзилось у самаго края стальной нагрудной съшки, и когда кровь ручьемъ брызнула изъ раны, вдругъ раздася страшный и дикій хохощъ Африканца, заставившій опшупитъ всѣхъ воиновъ, а въ слѣдъ за тѣмъ свершилось его послѣднее хрипѣніе, въ одно время съ поверженнымъ подлѣ него врагомъ.

Съ паденіемъ храбраго Барнера уже не ошавалось сомнѣнія, кому принадлежишь побѣда. Тщешно освободившійся Мансфельдъ

и самъ Маркграфъ старались возстановить порядокъ, щещно думали они, посредствомъ какой-либо удобной пѣсины, удержавъ непріятеля, котораго превосходство въ числѣ пушъ вполнѣ обнаружилось. Въ Брауншвейгцахъ, съ упрашою военачальника, исчезло всякое довѣріе и самый призракъ надежды; они, сомкнувшими колоннами, двинулись назадъ во-свои. Маркграфъ Альбрехтъ, изрыгая ругательства, по своему обычаю, принужденъ былъ покориться несчастному жребію, и во второй разъ уступилъ поле сраженія ненавистнѣйшему изъ враговъ своихъ. Онъ собралъ остатки рейшаровъ и поехалъ на Брауншвейгъ, но не османавливаясь шамъ, пустился далѣе, во Франконію, откуда вынесъ нѣкогда зажженный свѣшильникъ войны. Такое скорое опшупленіе послужило ему въ пользу, ибо Вольфенбюшельскій Генераль Гертъ фонъ Кампе не замедлилъ обложить городъ. Его сильныя укрѣпленія вознеслись вскорѣ кругомъ городскихъ стѣнъ, и громовыми ударами возвѣсили въ нихъ гражданамъ неумолимый гнѣвъ жестоко раздраженнаго ихъ Государя.

Между тѣмъ въ монастырѣ Шпеденбургѣ перевязывала Герцогу раны сестра его

Пріорисса Елитавеша. У ногъ его, пригорю-
 нясь, сидѣлъ юный Эйшель, но вскорѣ про-
 яснилось пасмурное лице его, когда мудрая
 женщина, осмошрѣвъ раны, нашла ихъ во-
 все неопасными, и когда Гейнрихъ, подкрѣ-
 пивъ себя бокаломъ шараго вина, поднялся
 бодро и весело съ кресель, выслушала ра-
 поршны своихъ офицеровъ и попомъ съ ро-
 дишельскою нѣжносшію заключилъ сына въ
 своихъ объятіяхъ. „Божіе благословеніе да
 будешь надъ тобою, мой милый сынъ, спа-
 сись моей жизни!“ сказалъ старикъ. „Вид-
 но духъ мащери швоей послалъ тебѣ ко
 мнѣ на помощь и вмигъ содѣлалъ тебѣ му-
 жемъ изъ ребенка! Завтра же получишь ры-
 царскій ударъ и шпоры передъ цѣлымъ вой-
 скомъ и въ виду мятежнаго города; ты
 заслужилъ ихъ, сразивъ храбрѣйшаго, ужас-
 нѣйшаго изъ непріятельскихъ полководцевъ.
 Щишь его велю я сего-дня же опыскашь на
 полѣ сраженія; мы узнаемъ имя его и поро-
 ду; его оружіе повѣсится въ рыцарской
 моей залѣ подъ швоимъ.“ — Блѣдностъ по-
 крыла лице Юнкера, и шрепешъ объядъ его
 членами. „Нѣшь! нѣшь!“ вскричалъ онъ въ
 испугѣ. „Боже избави, чшобъ я могъ пора-
 зить этого человекъ! Мой кинжалъ засвер-
 каль на груди его — это правда! но не
 моею рукою кинушо это смертоносное ору-

жіе.“ — Въ изумленіи смошрѣлъ Герцогъ на сына, едва переводящаго духъ ошъ сильнаго душевнаго движенія.

„Если швой кинжалъ, шо и швоя рука спасла и опмстила ошца швоего“ — ошвъчалъ онъ. „Къ чему эша ребяческая робость, когда шебъ должно гордишься своимъ пошупкомъ? Мужъ духа швердаго не спанешъ жеманишься и смиренничашъ, обагривъ руку въ крови врага своего.“

„Нъшъ!“ вскричалъ ошашъ Эйшель. „Клянусь Богомъ, я невиненъ въ эшомъ дѣлѣ, и проклялъ бы свою руку, если бъ она поднялась на такое злодѣйство! Оно свершено самимъ сапаною, кошорый мешиудъ эшомъ кинжалъ, именно мой и егѠ кинжалъ.“

„Не въ горячкѣ ли шы, бѣдняжка?“ спросилъ заботливо Гейприхъ. „Или заняла и у шебя какая нибудь скрышная рана?“ — Эйшель съ тяжелымъ вздохомъ бросился къ ошцу и скрылъ лице на груди его.

„Неужели въ самомъ дѣлѣ не знаешь, неужели не угадываешь, кшо шаковъ пораженный военачальникъ?“ произнесъ онъ, спонная. „Развѣ не слыхалъ, какъ онъ проклиналъ насъ и произносилъ имя Еввы? О, благодареніе Богу Всемогущему, что я чиспъ и непричасенъ крови ошца невинной, несчастной Еввы!“

„Сынъ, душа мое, что говоришь ты?“
закричалъ, внѣ себя, Гейрихъ. „Будто это
Барнеръ? Будто онъ, злѣйшій врагъ мой,
лежишь мершвый въ полѣ?“

И когда юноша, сложивъ руки крестомъ,
слезящими глазами взглянулъ къ небу и уш-
вердительно кивнулъ головою, тогда возра-
довался Герцогъ, непришворною, шумливою
радостью.

„Эйшель Гейрихъ!“ вскричалъ онъ.
„Честъ и слава моя! Спасишель жизни мо-
ей! Мстишель своихъ братьсяевъ! мстишель
всего своего племени! Если швоя рука по-
разила Барнера, ты будешь возвеличенъ и
превознесенъ въ глазахъ всей Германіи; на
всякое желаніе швое даю впередъ свою волю;
городъ Брауншвейгъ, со всѣми его доходами,
дарю тебѣ на швои прихоти. Если Барнеръ
паль, тогда я во впорой разъ дѣлаюсь Гер-
цогомъ: пока онъ жиель, Герцогская шапка
не швердо сидѣла на головѣ моей. Если Бар-
неръ поверженъ въ могилу, шо миръ возвра-
шнися обласпямъ моимъ: корень мяшежа изъ
поля вонъ. Тогда шолько вздохну я свободно:
вдругъ для него и для меня, недосшавало мѣста
въ Германіи. Но скорѣе, скорѣе! удостовѣ-
римся собшвенными глазами, пока не по-
шухъ послѣдній лучъ дневной. Хочу эшу пер-
вую ночь вполнѣ насладиться покоемъ.“

Онъ бросился вонъ изъ монастырской залы. Юнкеръ не могъ удержашь его, и самъ, съ расперзанной душею, за нимъ послѣдовалъ. Къ нимъ присоединилось, по приказанію Герцога, нѣсколько драбаншовъ.

Солнце ужé закатилось за горизонтъ, но вечерняя заря бросала еще шускый свѣтъ на гладкую поляну, и въ то же время луна, восходящая съ противоположной стороны неба, замѣняла, по возможности, дневное свѣтло. Герцогъ неушомимо шель по взрытой земль, переспуналъ окровавленные прунны, блуждалъ между разбишыми пороховыми ящичками и покинушыми орудіями, пока не нашель мѣсна, къ которому влекло его сильное внутреннее движеніе.

Тушъ лежалъ военачальникъ съ кровавою перевязью, свѣтло озаренный лучами мѣсяца. Лице его было блѣдно, но все еще выразительнo; глаза сомкнушы какъ бы рукою забопливаго друга; шлемъ упаль съ головы; въ закинушой шеѣ порчалъ еще роковой кинжалъ; правою рукою держаль побѣдоносный воинъ спрашный свой мечъ, а въ лѣвой крѣпко сжалась уздечка браннаго коня, который, съ переломленнымъ хребтомъ и прошанушыми окоченѣлыми членами, лежалъ подѣ своего господина.

„Онь, онь!“ закричалъ Герцогъ, какъ скоро бросилъ взглядъ на покойника. „Хоть и давно не видалъ его, но эти черны для меня незабвенны. Victoria, старый Гейнрихъ! теперь можешь ты спать покойно!“

Вдругъ всѣ опстнули въ ужасъ: лежавшая, въ низъ лицомъ, подлѣ трупъ человѣческая фигура, приняшая сперва за одного изъ многихъ побитыхъ вокругъ солдатъ, спала приподнимаясь и распи все выше, и выше отъ земли; наконецъ явилась, какъ безпълесное привидѣніе, съ распятіемъ въ рукъ, въ смуромъ монашескомъ одѣяніи, съ обнаженною на головѣ лысиною и исключенною длинною бородою; впалые, злобу мещущіе глаза крушились къ ужасу всѣхъ предспоящихъ.

„Не лидуи, окаянный грѣшникъ“ — сказало спрашилище. глухимъ, гробовымъ голосомъ, подыавъ сжатый кулакъ, но не приводя въ движеніе основа. „Праведникъ повержень, а пиранъ попираешь его ногами. Все игра случая! все подгибаетъ выю подъ свинцовое иго его! Какое прегрѣшеніе этого несчастливца, какое мое прегрѣшеніе, что мы брошены въ твои желѣзныя когти, что ты могъ безъ стыда и страха бичевать насъ, какъ погонщикъ муловъ своихъ? Но не восклицай Victoria! ты, ввнценосный убій-

ца! И ты поведешь подъ гнѣшь случая, и онъ задавишь шебя, прежде нежели думаешь. Знай же: лежащій здѣсь въ прахъ не имѣлъ истинно вражьяго сердца; онъ былъ ребенокъ въ дѣлѣ меспи — дыша, вздрагивающее ошь порыва кинжала! Но я испощалъ брѣнную жизнь свою на твою погубель, я согрѣвалъ ошпашокъ цѣпяющей крови на возбужденіе прошивъ шебя враговъ, я, Мейзебукъ фонъ Гундерюкъ, какъ на правѣ, накликавшей на шебя сихъ кабановъ, чшобъ они убили дѣшей твоихъ, — чшобъ они заставили шебя шрепенать въ самомъ замкѣ твоёмъ. Его не спало; отрублена сильная рука ошь мспящей души моей, и адъ воспоржешповалъ; но послѣднее мое слово да будешь проклятіе, вѣчное проклятіе на ширана и безпощаднаго гонителя!“ — Оба кудака занесъ ужасный человекъ, какъ бы къ удару, но вдругъ пошухли глаза его, руки опустились, ошповъ медленно склонялся къ землѣ, и наконецъ все длинное спрашилище просшерлось въ прахъ подлѣ поверженнаго рыцаря и спало, подобно ему, бездыханнымъ шрупомъ.

Безмолвно споялъ Герцогъ, внимая могильнымъ ошголоскамъ привидѣній. Эйшель, просшершый на колѣнахъ, молился изъ глубины души. Первый опомнился Гейнрихъ и

преодолялъ замѣшное волненіе чувствъ своихъ.

„Поднимите храброго военачальника!“ закричалъ онъ споящимъ въ онѣмъни драбаншамъ: „и опнесите его бережно въ монастырь Шпедербургъ. Онъ былъ героемъ на войнѣ; почтимъ же его достойнымъ погребеніемъ. Пустъ на могилѣ его, надъ оружіемъ, поставится надпись: „здесь лежишь злѣйшій врагъ Гейнриха!“ „Думаю, что съ такимъ видомъ дадутъ ему почешный пропускъ въ пошомство.“—Тутъ смиренно склонился онъ къ сыну и помогъ ему подняться съ земли. „Смерть примиряетъ!“ шепталъ онъ юношѣ мягкимъ голосомъ. „Если Гейнрихъ виновенъ по закланіямъ спрашнаго опшельника, да найдешь онъ покаяніе въ прощеніи, въ забвеніи, въ исправленіи!“ — Робко приступили драбаншы къ шрупу Клауса Барнера, и положивъ его на сцѣпленныя алебарды, понесли въ слѣдъ за обоими пушеводцами, которые шли рука объ руку безмолвно и задумчиво, средъ сумрака лунной ночи, къ монастырскимъ башнямъ.

(*Окончаніе впрѣдъ*).

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О РАЗЛИЧИИ ВЪ ПИЩѢ, УПОТРЕБЛЯЕМОЙ РАЗНЫМИ НАРОДАМИ (*).

Первое и самое природное обихалище человеческого рода надобно полагать въ теплыхъ климатахъ; пошому что мы рождаемся нагими и неспособными къ перенесенію суровости зимъ въ одномъ природномъ состояніи: сльдовашельно колыбель людей была между тропиками. Тамъ же находится опечештво и обезьянъ. Въ энихъ роскошныхъ климатахъ рука природы разсыпала свои дары съ изобиліемъ: деревья шамъ всегда опягощены пріятнаго вкуса плодами; земля безпрешанно покрывается лишашельными произведеніями прозябаемыхъ, какъ шо доказываешся множешвомъ водящихся шамъ травоядныхъ и плодояныхъ живопныхъ, и удивительнымъ количешвомъ растений сльдныхъ, замъченныхъ въ энихъ странахъ Бошаниками. Человкъ, обезьяны,

(*) Изъ книги: *Histoire naturelle du genre humain*, par Virey. 1824. Tom. II.

попугаи, населяющъ во множествѣ эти счастливыя земли и питающася одинаковою пищею. Индеецъ покоится при корнѣ пальмы, обезьяна лазить по ея стволу, а попугай сидитъ въ ея листьяхъ, и всѣ кормятся ея плодами (1).

Обычаши пропитанія сушь главнѣйше плодоядныя; къ тому ихъ неволишь ихъ сложеніе и побуждаетъ инстинкъ: земля шамъ никогда не скупится на произведенія прозябаемыя. Извѣстно, что животная пища спановишся пагубною челоуѣку въ этихъ жаркихъ странахъ, раждая гнилость, производя въ жизненной экономіи полнокровіе и воспаленія, поносъ и разжиженіе мокротъ. Эти болѣзни губящъ ежедневно множество Европейцевъ, кои упорно сохраняющъ въ Индіяхъ горячешельное и мясное пищеупотребленіе, пригодное только въ странѣ холодной, какова Европа. Дѣши, въ коихъ природный инстинкъ дѣйствуетъ сильнѣе, нежели въ челоуѣкѣ взрослому, постоянно предпочитаютъ плоды мясу, и оставляющъ лучшую дичь для вишенъ, смородины, винограда и проч. Эти освѣжающія снѣди весьма нужны въ жаркое время и, по удивительному отношенію, онѣ созрѣвающъ точно въ эту пору; плоды же сухіе или шъ, кои сохраняющся зимою, собирающся

полюко при наступленіи холоднаго времени года. Такимъ образомъ природа снабдила пищею животноныхъ и людей на всякое время года съ особенною прозорливостью.

Надобно полагаешь, что народы, въ началъ своего происхожденія, были сыроядцами, то ешь, пишались яшвами сырыми; поелику во многихъ мѣстахъ люди, сначала не знали употребленія огня, какъ по: Финикіане, по словамъ Санхоніафона въ Евсевіи (2), Египтяне (3), Персы (4), Греки (5), Китайцы (6) и другіе народы (7), даже въ наше время (8).

Но человекъ не могъ оставашься плодояднымъ въ климахахъ холодныхъ, гдѣ не предспавляешь ему почти никакой растительной пищи; онъ былъ принужденъ преслѣдовашь и ловишь животноныхъ, чтобы извлекашь изъ нихъ крѣпительнѣйшія для себя снѣди. Онъ были для него пѣмъ нужнѣе, что образъ жизни на Сѣверь, будучи гораздо дѣятельнѣе, нежели на Югъ, потребуешь и пищи болѣе подкрѣпляющей и болѣе твердой. И дѣйствительно, въ сѣверныхъ странахъ надобно безпрешанно дѣйствовашь и къ зимѣ промышляшь множество надобностей; надобно укрышьься, согрѣшьься, выстроишь жилища, непронускающія холоду, заасишь съснными и горючими припаса-

ми, и проч. — На Югѣ, Индѣецъ не имѣетъ ни въ чемъ нужды: на ближней смоковницѣ находишь онъ совсѣмъ готовую себѣ пищу; изъ перваго источника утоляешь свою жажду; покоишься подъ листьями; и вошь всѣ его нужды исправлены. Поелику питаніе должно быть соразмѣрно трудамъ и работѣ, то изъ этого слѣдуешь, что обитатели холодныхъ странъ должны сдѣлать много на землѣ безплодной, а обитатели климатовъ теплыхъ — весьма мало на почвѣ плодотворной. И потому первый долженъ сдѣлаться мясояднымъ, а второй — плодояднымъ. Сравните только образъ жизни Англичанина съ образомъ жизни Француза, и вы увидите какъ велика разность между ими. Говорятъ, что Испанецъ удобно проведетъ три дня за обѣдомъ Нѣмца. Мы ходимъ на голодныхъ волковъ въ сравненіи съ Индѣйцами. (9) Ташаринъ, кажется, еще склоняетъ насъ къ мясу; онъ сдѣлаетъ за каждымъ столомъ по нѣсколькимъ фунтовъ полусыраго мяса. Воздержанность не есть добродѣтель на Югѣ, а необходимость; подобно какъ не умеренность кажется нуждою, а не порокомъ на Сѣверѣ. По тому же самому, одинъ чловѣкъ сѣверный сильнѣе или крѣпче десяти Индѣйцевъ; ибо онъ всѣ почти за десятерыхъ изъ нихъ. Съ нѣсколькими тысячами

Европейскихъ или Ташарскихъ солдатъ можно завоевашь Индію, какъ это и дѣлали Александръ, Чингисъ-Ханъ, Тамерланъ, и проч. И такъ, сѣверные обитатели, вкушающіе много, дѣлаются сильными, дѣшельными и храбрыми; а нѣжные народы Юга остаются слабыми, робкими и лѣнливыми, пошому, что они не могутъ употреблять много пищи.

Мы найдемъ въ насъ самихъ подобныя перемѣны, сравнивъ себя зимою и лѣтомъ. Въ продолженіе холода, мы имѣемъ большій аппетитъ къ мясу, болѣе силы и дѣшельности въ желудкѣ, нежели въ теплое время; жаръ изнуряетъ насъ въ силахъ, дѣлаетъ неповоротливыми, безпечными, и уменьшаетъ позывъ на пищу; тогда мы добиваемся только прохладеній и плодовъ водянистыхъ. Такое состояніе часто склоняетъ къ прихотямъ вкуса, подобно тому какъ бываетъ у дѣвицъ, страдающихъ хлорозисомъ, кои ѣдятъ гипсъ, землю и проч. Такъ Негры, страдающіе часто этимъ расстройствомъ желудка, глотаютъ жирную землю и дѣлаются отъ того весьма нездоровыми. Однако же не надобно смѣшивать этого припадка съ голодомъ, отъ котораго иногда люди принуждены бываютъ глотать землю. Для уничтоженія этого прихотливаго состо-

янія надобно упошреблять крѣпительныя и ароматическія лекарства. Такимъ образомъ жизненное устройство подчиняется климату, или лучше сказать температурѣ.

Родъ человѣческой, размашприваемый по чепыремъ часшамъ свѣша и по своимъ великимъ поколѣніямъ, извлекаешь свою всегдашнюю и упошребительнѣйшую пищу изъ чепырѣхъ главныхъ породъ злаковъ, кои какъ будто бы находясь въ отношеніи съ народами, какъ будто бы имѣють вліяніе на ихъ характеръ и состояніе нравственности.

1-е. Европейецъ пишается наиболее пшеницею и заквашенымъ хлѣбомъ: свѣдѣ питательная, произведеніе земледѣлія, усовершенствованнаго покровительствомъ законовъ и правомъ поземельной собственности, причины и вмѣстѣ свѣдѣствія гражданской образованности.

2-е. Азіяецъ кормится рисомъ, вкушая его незаквашеннымъ: это легкодобываемое произведеніе ненадежнаго земледѣлыванія и можетъ бытъ единаго, кошорое возможно подъ владѣніемъ деспотическимъ, и кошорое удерживаешь общество въ одинаковомъ состояніи.

3-е. Африканецъ довольствуется куцкуцомъ (*holcus spicatus*) или просомъ (*pani-*

сум miliaceum): на шамошной песчаной и горячей почвѣ это составляетъ грубое произведеніе беззаботныхъ пварей, косньющихъ въ дикомъ невѣжествѣ.

4-е. Наконецъ природный Американецъ ѣсть маисъ, кошорый составляетъ пищу болѣе тяжелую, нежели пишашельную, и ошь изобилія коей народы, ее упошреблявшіе, кажешся, погружались въ продолжительную безпечность и недвѣшельность. Такое нравственнее состояніе было увеличиваемо еще упошребленіемъ снѣдныхъ корней, каковы маньокъ или кассава и каршофель, поелику доказано, что пища имѣетъ вліяніе на наше сложеніе не менѣе климашовъ.

Состояніе несовершенства и слабости, въ кошоромъ найдены Американскіе народы, даже совершеннѣйшіе изъ нихъ, не могло ли зависѣть частію сшолько же ошь малоукрѣпляющаго свойсшва ихъ распшительной пищи, сколько и ошь разслабляющаго дѣйствія шамошняго сыраго климаша? При шомъ же Испанцы, хошя и умѣренные въ пищу, вли однако же гораздо болѣе природныхъ Американцевъ.

Если бы пшеницу или даже рисъ захопѣли замѣнить Американскими снѣдами, то надлежало бы увеличитъ количество сихъ послѣднихъ для произведенія равной спецени пишашельности съ первыми. Ошь шого

происходишь, что люди, употребляющие в пищу хлѣбъ, сильнѣе людей, употребляющихъ рисъ; а эти образованнѣе народовъ, питающихся маисомъ; сѣ же послѣднѣе превосходишь понятливостью Негровъ, кормящихся просомъ и куць-куцомъ, и кои составляютъ уже послѣднюю степенъ человеческого рода. Такимъ образомъ, по мѣрѣ какъ пишательныя существа сшановящяся грубѣе и менѣе выработанными, они какъ будто бы болѣе сжимають умственные способности, какъ будто бы погружаютъ людей въ глубочайшее невѣжество (10).

Если мы посмотримъ на природный вкусъ каждаго народа, то найдемъ въ этомъ новое доказательство вышесказанному нами. Всѣ путешественники рассказываютъ намъ, что обитатели полярныхъ странъ глотаютъ, какъ лакомство, сало и жиръ китовъ, тюленей, медвѣдей и другихъ животноныхъ. Лапландцы, Гренландцы, Исландцы (11), дикари Сѣверной Америки, Ирокезцы и прочіе Канадцы (12), Камчадалы, обжираются, съ невѣроятнымъ наслажденіемъ, китовымъ жиромъ, вонючимъ рыбнымъ масломъ, и проч.; сало, салная мазь составляютъ для нихъ лакомые куски; ихъ желудокъ варитъ съ удивительною легкостью эти чрезвычайно тяжелыя кушанья, пошому что холодъ весь-

ма увеличиваетъ силу его, тогда, какъ теплоша въ жаркомъ поясъ ослабляетъ ее до издешества. Въ тропическихъ странахъ употребляютъ, напрошивъ, пищу весьма легкую, какъ то: сахаръ, студень, сочные плоды, и проч. Ошь полюса къ экватору примѣчается постепенное уменьшеніе пищи: Гренландцу надобны жиръ и кровь; Шведу и Англичанину — мясо; Французу—хлѣбъ и немного мяса; Испанцу—поленша, макароны и зелень; жителю Восшока небольшое количество ячменя и рису; Мавру и Абиссинцу нѣсколько смоквъ и немного Арабской камеди. Народы жаркаго пояса мажутъ свою кожу жиромъ, чшобы воспрепятствовать ей сѣдаться и распрескиваться; шаковы Готшешшоты, у коихъ кожа почти всегда бываетъ клейкою ошь сала и жиру; въ Африкѣ эшошь обычай весьма полезенъ для смягченія кожи. Восшочные и другіе народы полуденныхъ странъ часто моются, что происходитъ ошь подобной же причины. Такимъ образомъ, на Сѣверѣ жиръ нуженъ во внутренности шѣла, а на Югѣ — снаружи. Въ полуденныхъ странахъ, внутренность шѣла пользуется всею теплошою и всею дѣятельношю жизни; а подъ экваторомъ — поверхность шѣла. Такое распределение жизненной силы, относительно кли-

машовъ, шребуешь въ холодъ многой пици, а въ жару многой воздержности. Изъ шого слѣдуешь, что обшашели спранъ холодныхъ могушь пренебрегать наружношью своего шѣла и только старашся о его внутрешности, шогда, какъ обшашели теплыхъ спранъ должны принимашь совсѣмъ прошивныя пошеченія.

И шакъ, человекъ въ спранахъ полярныхъ долженъ бышь мясояднымъ, а въ экваторальныхъ — плодояднымъ. Сравненіе зубовъ и челюстей Негра съ зубами и челюстями Ташарина шакже показываешь эшо назначеніе. У Негра зубы красивые, плоскіе, широкіе и плошные, мускулы височные и другіе, служащіе къ жеванію, слабѣе, нежели у Монгольца, у кошораго зубы рѣдкіе и острошконечныя, челюсти крѣпкія и мускулы сильныя: эшо послѣднее расположеніе походяшь, нѣкошорымъ образомъ, на медвѣжье и львиное; шогда, какъ органы Негра гораздо болѣе походяшь на органы обезьянъ, кошорыя всѣ плодоядныя. И даже характеры эшихъ народовъ весьма походяшь на характеры, замѣчаемыя въ шѣхъ живошныхъ (13).

Изъ Философовъ, одни ушверждали, что человекъ ешественно былъ мясояднымъ, а другіе — шравояднымъ: очевидно, что эши Философы не разбирали дѣла шакъ,

какъ мы его изложили: наше изложеніе доказываетъ, что все зависить отъ шемперашуры. Однако же, разсмапривая природнаго чедовѣка въ его первоначальномъ обшашцѣ и по его инспинкшу, можемъ думать, что онъ способнѣе къ пищѣ прозябаемой, нежели животнои; ибо онъ не имѣетъ естешвенныхъ оружіи, какъ животныя плошодныя, и не пишаешя, подобно имъ, сырымъ мясомъ. Въ нашихъ болѣзняхъ, напримѣръ: въ лихорадкахъ, кои составляютъ не иное что, какъ возбудившійся инспинкшъ и преодолювающій сосшояніе себѣ вредное, мы бываемъ склоннѣе къ употребленію пищи освѣжающей и прозябаемой, нежели къ животнои; даже нашъ желудокъ пропившійся принимаетъ эшу послѣднюю въ сіе время. Женщина всегда предпочашаетъ плоды мясу, по вкусу и нѣкошораго рода инспинкшу. Не знаю впрочемъ, не естъ ли эшо естешвенная жалость къ убиваемому животному, ужась при видѣ шрупа и крови, возстающія въ глубинѣ сердца каждаго чедовѣка, непривыкшаго къ убійству; не естъ ли, говорю, все эшо шайный голось нашего инспинкша, взывающій къ совѣсти и отвлекающій наши чувства отъ эшой пищи? Безъ сомнѣніа, эшо отвращеніе къ крови бываетъ сильнѣе въ обшашетѣ юж-

номъ, нежели въ Ташаринѣ, въ которомъ привычка къ жестокости почвы его уничтожила; но и въ этомъ видимъ одно изъ тѣхъ удивительныхъ отношеній природы, которая умѣетъ дѣлать во всемъ соразмѣрность. Кромѣ того, мясо животныхъ не столь пріятно вкусу и скорѣе загниваетъ на югѣ, нежели на сѣверѣ. Сѣверный обитатель имѣетъ надобность почвы въ живомъ мясѣ для обновленія жизни, которую онъ беретъ почвы ежеминутно въ своемъ суровомъ климатѣ.

Слѣдовательно, земли весьма холодныя должны быть обитаемы звѣроловами или рыболовами, поелику человекъ долженъ тамъ кормиться мясомъ; а страны теплыя или умеренныя должны быть населены земледѣльцами, по обычной причинѣ. Земли песчаныя и бесплодныя, кои прошиваясь воздѣлыванію, посѣщаются народами кочующими и паслухами, кои питаются въ лѣто молокомъ, а въ зиму мясомъ своихъ стадъ; въ климатахъ чрезвычайно-жаркихъ обитающіе народы дикіе, довольствующіеся тѣми плодами, кои представляетъ имъ сама природа.

Снѣжныя растенія почвы изгнаны изъ сосѣдства полюсовъ: тамъ пришлось бы подглаживать нѣкоторыя лиши, подобно оленю; или вѣсть сосновую и березовую ко-

ру, какъ дѣлають зимою Лапландцы; или выкапываютъ изъ земли луковицы пшичьяго млека и золошоока, сарану, и проч., подобно Сибирскимъ землянымъ крысамъ. Хлѣбъ не расшеть далѣе 62-го градуса широты, маисъ не переходить почти 46°, также какъ просо и боръ; *просляники* (*holcus*), *гребенники* (*elevsine*) еще чувствительнѣе къ холоду, также какъ рисъ и большая часть злаковъ съ двуцвѣшочною плевкою, кои почти не переходящъ за предѣлы шпропиковъ.

Природа, кажешся, по особенному предсмотрѣнiю, назначила въ умѣренныя климаты большую часть хлѣбныхъ расшенiй. Обыкновенный ячмень, древнѣйшiй изъ воздѣлываемыхъ злаковъ, по сказанiю Плиниа, родится самъ собою по берегамъ рѣки Курры или Арахса, въ восточной части Грузiи, по словамъ Моисея Хоренскаго (14); а другiя породы ячменя растушъ въ Великой Бухарiи близъ Тибеша, по сказанiю Марка Пола (15). Пшеница происходимъ кажешся изъ Индiи, изъ земли Музикани, по Страбону (16). Полабу дикую нашель Андрей Мишо, въ 1782, въ Персидской области, называемой *Хамданъ* (17). Турецкiе бобы родомъ также изъ Индiи. Виноградъ, кошорый производимъ вино, недалѣе 50 градуса, расшеть самъ собою въ Арменiи и Грузiи, по свидѣтельству Тур-

нефорша, Шарденя, Гильденшпета, и проч. Подобнымъ образомъ мы увидимъ, что и наши домашнія животноя происходятъ изъ умеренныхъ климатовъ Верхней Азіи. Майсь уроженецъ Мексики, былъ, вмѣстѣ съ паташами (*convolvulus batatas*), разнесенъ древними Тюльшеками по разнымъ странамъ Америки. Каршофель мы получили изъ Перу. Гречуха (*polygonum fagopyrum*) принесена изъ Малой Азіи, Сарацинами, отъ коихъ она заняла и свое имя (*сарацинское пшено*). Съ Востока издавна пришли къ намъ, вишни, груши, абрикосы, персики, гранаты, лимоны и большая часть нашихъ плодовыхъ деревьевъ, маслины, шелковица, орѣшникъ, миндаль, каштаны, дубъ (*quercus oculus et bellota*) съ сладкими и сѣдными желудами, винныя ягоды, и проч.; и многіе изъ этихъ деревьевъ не могутъ производить плодовъ далѣе 40 градуса.

Впрочемъ, природа размножила мучнистые и сухіе плоды, — каштаны и буквые желуди, орѣхи, горохъ и бобы, — или огородные коренья, и въ холодныхъ климатахъ, какъ хранительное средство во время длинныхъ зимъ; въ жаркихъ же поясахъ и у насъ лѣтомъ, она производить плоды кисловатые, водянистые и охлаждающіе, — вишни, землянику, смородину, дыни и проч. — На зе-

жѣ палашей и песчаной Африки природа насадила множество просвирочныхъ и поршулаковыхъ слизисшыхъ растений, — *дикіе проскурняки, просвирки, поршулаки*, — смоконниковъ или жирныхъ растений, и особенно шыковныхъ, и проч.

Природа, усвоивъ большую часть хлѣбныхъ злаковъ и бобовыхъ правъ умѣреннымъ климашамъ, опредѣлила пошому и родъ земледѣлія, пригоднаго въ эшихъ земляхъ; для челоука она дала на поля хлѣбъ, а для скоша праву на луга. Слѣдовашельно, народы земледѣльческіе, и пошому лучше управляемые и лучше образованные на Земномъ Шарѣ, составяющъ обиташелей эсихъ посреднихъ странъ, гдѣ раздѣль земель и собшвенность плодовъ, родящихся на нихъ посредствомъ рабошы, произвели большую часть законовъ: древніе Греки также предшавляли Цереру законодательницею, опирающеюся на сошникъ у плуга и увѣчанною колосьями. Но въ Индіи и въ самыхъ жаркихъ странахъ, гдѣ бесплодность ночвы пошши не даешъ размножашься нашимъ злакамъ и гдѣ не видно эсихъ зеленѣющихся ковровъ, какими красуюшся луга наши, въ шѣхъ мѣспахъ надобно или сѣашъ рись въ наводняемые мѣсца, или ввѣрашъ землѣ дурру, куць-куць, гребенникъ, маисъ, кои не мо-

гушь расши при великой сухости; тогда вознаграждаютъ пошь недоспашокъ плодами пальмъ, банановъ, смоквъ, и выискивають коренья пашапа и маньока. И шакъ, земледѣліе, будучи менше необходимо, по причинѣ природнаго плодоносія почвы, дѣлается не столь ужѣ правильнымъ; худообезпеченная или мало-надежная собственность часто бываетъ добычею деспотическаго, жаднаго и прищѣсняющаго Правительсва; шакъ, что голодь является чаще шамъ, гдѣ съ большею беззаботливостью люди ввѣряются плодоносію климата.

Такимъ образомъ это надлежитъ считатьъ благодареніемъ природы, что она номѣстила въ умѣренныхъ и среднихъ поясахъ большую часть живошныхъ и прозябаемыхъ, полезныхъ человеку, который переноситъ ихъ съ собою въ опдаленнѣйшія страны. Мы видѣли, что хлѣбъ и прочіе нивные плоды, виноградъ, плодовые деревья семейсва розовидныхъ, многія зоншичныя, крещшовидныя, бобовыя, сосшавляющія все питательныя расшденія, суть природныя въ странахъ умѣренныхъ. Изъ живошныхъ, сосщепишающія жующія жвачку, пшшцы куринныя, суть природныя въ умѣренныхъ климатахъ Земнаго Шара, и сдѣлались домашними по большой части издавна. Такимъ об-

разомъ, исключая сѣвернаго оленя и лося, коихъ природа дала въ даръ бѣднымъ обитателямъ полярныхъ странъ, и двугорбаго съ одnogорбымъ верблюдовъ, столь хорошо приуроченныхъ къ песчанымъ пустынямъ Африки и Аравіи, мы видимъ природными уроженцами умеренныхъ поясовъ—быка, буйвола, горбатого быка, попомъ дикаго барана, отъ коего произошли наши овцы, доставляющія шерсть; дикую козу, родоначальницу нашихъ домашнихъ козъ; оленя, серну; попомъ, цѣльнокопытныхъ, каковы: лошадь и осель; полспокожихъ, каковы: вепрь и свинья; и наконецъ большую часть грызущихъ, кои доставляютъ обильную добычу, каковы: зайцы, кролики, и проч.

И дѣйствительно надлежитъ, чтобы животноя, жующія жвачку, были многочисленны тамъ, гдѣ злаки, составляющіе ихъ пищу, растутъ въ самомъ большомъ изобиліи; та же самая причина привлекаетъ туда и сѣноядныхъ птицъ, особенно куринныхъ. Пшухъ и куры живутъ дикія въ сѣверныхъ горахъ Индостана; фазанъ происходитъ съ береговъ Фаза, что въ Мингреліи (древней Колхидѣ); павлинъ — изъ сѣверной части Индіи; индѣйки — изъ Виргиніи; и хотя нѣкошорыя изъ куринныхъ птицъ и обитаютъ подъ шропическимъ небомъ, — каковы

хохлачи въ Америкѣ, цесарки въ Нумидіи, — однако же куропашки и перепелки, бѣлыя куропашки, глухари и шеперьки, рябчики, и проч., водяшся до самыхъ сѣверныхъ снѣговъ, равно какъ голуби и жаворонки. Тому же сѣдують множество пшницъ сѣменноядныхъ, какъ зимующихъ, такъ и ошлепающихъ на зиму въ теплѣйшія страны, какъ по дѣлають многія изъ береговыхъ пшницъ; — журавли, аисты, кулики, и проч., — и изъ лапчашоногихъ — гуси, утки, шурпаны, каголки, чернети, и проч., — прилетающія къ намъ (во Францію) съ Сѣвера.

И такъ, именно въ странахъ средней температуры, кажется, природа щасельно производила живошныхъ, самыхъ нужныхъ для челоука, чшобы поддерживать его своими силами, своимъ мясомъ, молокомъ, шерстью и проч. Обишасель жаркаго пояса довольствуется рисомъ или бобомъ; но немногочисленные жители подярныхъ странъ извлекають свою пищу изъ многихъ морскихъ живошныхъ, каковы жирныя шюлени, водяныя пшцы, безчисленные легионы рыбъ, водящихся въ рѣкахъ Сибири, какъ по: осепры, семга, корюшка и другія породы, споль изобильныя, что ушлилають собою даже дно рѣкъ и разбрасываются по землѣ, вмѣсто навозу.

Не только употребление мяса в пищу подъ шропиками дѣлается вреднымъ, но даже большая часть животнохъ не доставляетъ шамъ и мяса вкуснаго; быкъ становится шамъ слишкомъ жесткимъ и невкуснымъ; и многія другія изъ четвероногихъ животнохъ, кормящихся довлею, насѣкомыми и проч., имѣють мясо вонючее; шакъ, что только одни почти Негры осмѣливаются въ Африкѣ вѣсть собакъ, слоновъ, саранчу или другое мясо сушеное и копченое.

Слѣдовательно, каждое мѣсто на Земномъ Шарѣ, имѣя своихъ животнохъ, равно какъ и свои расшенія, доставляетъ каждому существу особенную, свойственную ему пищу. Народы сопредѣльные съ морями, дѣлающяся рыбаками, рыбадцами; въ нѣкоторыхъ болошиспыхъ странахъ употребляють въ пищу рыбъ слизиспыхъ, водящихся въ шинѣ, каковы угри и мурены, коихъ мясо, шяжелое и нездоровое, было запрещено употреблать въ Египтѣ и на Востокъ законодателями. Въ различныхъ странахъ Африки, въ низменныхъ мѣстахъ Уангараха, въ Нигриціи, изобилующихъ змѣями, вѣдять вѣшихъ пресмыкающихся, а шакже черепахъ и ящерицъ. Пшицы самыхъ жаркихъ странъ, будучи по большей части насѣкомоядныя, имѣють мясо не шоль вкусное, какъ сѣмя-

ноядныя птицы нашихъ, болѣе умѣренныхъ климатовъ. Береговыя птицы, съ длинными ногами, или голенастыя, и плавающія, или лапчатоногія, водяшся главнѣйше въ холодныхъ и водянистыхъ странахъ Земнаго Шара. Сосцепишающія изъ порядка грызущихъ, — крысы, бѣлки, сурки, и проч., — ищущъ мѣстъ, изобилующихъ сухими сѣменами, кои они сберегаютъ въ продолженіе зимы; шаковы еловые лѣса на Сѣверѣ, буковые, ореховые и другихъ сережчатыхъ деревьевъ. Многія изъ животнохъ, жующихъ жвачку, имѣющія пусые рога и тонкій спанъ, какъ газеллы, или антелопы, любящъ водиться по утесамъ и холмамъ Африки и Азии, гдѣ они составляютъ для охотниковъ пріятную добычу. Ташаринъ ѣстъ лошадей, а Исландецъ китовъ или морскихъ свиней. Арабъ же довольствуется молокомъ своихъ верблюдовъ вмѣстѣ съ финиками. Мавръ, проголодавшійся въ своихъ степяхъ, пожиралъ саранчу, или довольствуется смолою своихъ акацій, или нѣсколькими щепотами муки изъ куцькуца.

Главную пищу всей южной Азии составляютъ рисъ, и это одно растеніе прокармливаетъ большую часть людей на землѣ; хлѣбомъ кормятся меньшее число прошивъ онаго. Негры и Эіопы питаются просомъ

и дуррою (18), а жители Южной Америки воздѣлываютъ маисъ. Африканцы бѣлой породы и живущіе по берегамъ Средиземнаго моря, кормятся финиками, смоквами и плодами лосося (19). Малайцы живутъ сагомъ и плодомъ хлѣбнаго дерева (20). Почти всѣ приморскіе народы, бывающіе вообще многочисленными, ѣдятъ рыбу. Европейцы питаются главнѣйше пшеницею, воздѣлываніе коей, пребудющее раздѣла земель, постояннѣйшей собственности и непрерывныхъ попеченій, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ гражданской образованности. Эскимосы, Самоѣды и Камчадалы кормятся рыбою и мясомъ. Кафры и Гошеншопы, будучи народами кочующими и скопководцами, употребляютъ въ пищу молочное, также какъ и большая часть Арабовъ Бедуиновъ. Монголы и Калмыки ѣдятъ лошадиное мясо, часто совсѣмъ сырое или чуть упаренное, а пьютъ кобылье молоко, прибавляя въ него иногда крови. Всѣ дикари сѣверной Америки снискиваютъ себѣ пропитаніе охотою. Персы, Египтяне питаются финиками, арбузами; Арабы, Левантцы — смоквами сикоморы; жители Архипелага — винными ягодами; многіе изъ южныхъ Европейцевъ кормятся каштанами, желудями особенной породы дуба (*quercus bellota*). Кали-

Форнцы довольствуются плодами кактуса и пальмы сеже; Бразильцы — Индѣйскимъ бобомъ (21); Перуанцы и Мексиканцы — кассавою, пашамами, ямомъ и проч.; Абиссинцы — кунжушнымъ съменемъ; Цейланцы — гребенникомъ (*cyposurus coracanus*, Linn. (22)), и проч. Въ Африкѣ можно купить за 20 франковъ 800 фуншовъ проса или куць-куца, кошораго количества досташочно бываешь на пищу одному невольнику въ продолженіе года, ибо имъ не дають ничего другаго. Слѣдовательно, за 2000 франковъ можешь сто человекъ бышь съшными цѣлый годъ: это доказываешь, сколь удобно кормиться въ жаркихъ странахъ. Кромъ этого, земля производитъ шамъ много плодовъ, корней, дичи. Люди шамъ многочисленнѣе, нежели на сѣверѣ, гдѣ земля представляешь гораздо скупѣйшею на свои произведенія (23). Въ холодныхъ поясахъ шребуется мясо, снѣди швердыя и въ большомъ количествѣ, ошъ чего и пропитаніе должно стоить дороже.

Животная пища разгорячаешь шѣло и возвышаешь силы: и пошому сѣверные народы выдерживають безъ большаго шруда шужу, несносную для всякаго. Они любяшь преимущественно жиръ, ворвань, сало. Дикари, приглашенные однажды къ столу Аме-

риканцевъ Соединенныхъ Обласпей, нашли изъ всего кушанья пріятнѣйшимъ для себя шолько шо, когда имъ дали съѣсть нѣсколь-ко фуншовъ салныхъ свѣчь. Ихъ крѣпкій желудокъ варишь весьма хорошо эти жирныя вещества, кои сдѣлались бы смертоносными для южнаго жителя. У сего послѣдняго желудокъ чрезвычайно слабъ, такъ, что онъ бываешь даже принужденъ безпрестанно подкрѣплять его перцомъ, корицею, инбиремъ, мушкашомъ, — словомъ, шѣми пріноснями, кои природа доставляешь изобильно обитателямъ жаркихъ климатовъ, какъ будто бы предвидя ихъ нужды. Какойнибудь Самоѣдъ или Остякъ, копорый напиваешь до нельзя прогорклымъ и вонючимъ жиромъ морскихъ коповъ, пожираешь большими кусками жесткое и шяжелое мясо морскихъ свинокъ и пьешь горячую еще кровь шюленей, имвешь . желудокъ, легконе-рваривающій эти кушанья; но Индѣйскій Браминъ едва выноситъ какіе нибудь нѣжные сладкіе плоды, или легкую и благовонную размазню изъ риса.

(*Продолженіе впрѣдъ*).

С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и на постепенность успѣховъ просвѣщенія и Словесности въ Россіи (*).

Языкъ Россійскій принадлежитъ къ большому семейству языковъ, происшедшихъ отъ Славянскаго. Славянскимъ языкомъ именуется обыкновенно пошъ, на кошорый не-

(*) Спашья сія получена при слѣдующемъ письмѣ: „Въ 17 и 18 книжкахъ Московскаго Телеграфа 1827 г. напечатана рѣзкая бришка на спашью одного нашего соотечественника: *Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и на постепенность успѣховъ просвѣщенія и Словесности въ Россіи*, помѣщенную Г. Бальби въ предисловіи къ Этнографическому его Атласу, изданному въ 1826 году на Французскомъ языкѣ. Разность сужденій иностранныхъ Журналовъ и Московскаго Телеграфа, даже о предметахъ не относящихся собственно къ Россійской Словесности, возбудила во мнѣ любопытство познакомиться съ самою спашьею. Съ трудомъ отыскалъ я здѣсь книгу Бальби, и, къ удивленію моему, нашелъ въ ней опшюдь не то, чего ожидалъ, полагаясь на Московскій Телеграфъ. Желая доспавить подобное удовольствіе и другимъ любителямъ Россійской Слове-

реведены упошребляемыя въ Россіи Евангеліе и другія священныя книги. Но многіе ученые Филологи полагають, что, во время перевода сихъ книгъ, языкъ Славянскій былъ уже раздѣленъ на разныя нарѣчія, и что книги шѣ переведены на одно изъ сихъ нарѣчій.

Два Греческіе инока, Меѳодій и Констаншинъ, или Кирилль, присланные изъ Константинополя въ Моравію, для проповѣдыванія Христіанскаго Закона, изобрѣли при семъ случаѣ Славянскую азбуку, и перевели на Славянскій языкъ Евангеліе, Апостолю и нѣкошорыя другія часпи Библии. И такъ языкъ Славянскій, еще въ младенчествѣ, имѣлъ преимущество образованья по языку обильному и ученому; преимущество, въ кошоромъ и Россійскій языкъ учасшвовалъ, по доставленіи въ Россію упомянурыхъ переводовъ.

сноспи и доброй славы своего отечества, я перевелъ всю спашью, сколько могъ, ближе къ подлиннику, кромѣ прехъ примѣчаній сочинителевыхъ: о различіи языковъ Славянскаго и Россійскаго, о Малороссійскомъ нарѣчій, и о Россійской азбуцѣ, кошорыя писаны для иностранцевъ, и представляють мадо любопытнаго для насъ Русскихъ. Надѣясь представить читателямъ вашего Журнала основаніе къ вѣрному заключенію о сей спашь, я покорнѣйше прошу васъ, помѣстивъ въ опомъ, какъ переводъ мой, такъ и письмо сіе. N.“

Древнѣйшій изъ списковъ сихъ переводовъ, писанный въ 1056 году, сохраняется въ Императорской Библиотекѣ въ С. Петербургѣ. Съ того времени переводы сіи поперѣли много измѣненій сколько оныхъ невѣжества переписчиковъ, сколько и оныхъ наклонности Россійскаго Духовенства къ сближенію языка священныхъ книгъ съ собственнo шакъ именуемымъ Россійскимъ языкомъ. Славянскій языкъ, въ томъ видѣ, какъ оный сохранился въ Священномъ Писаніи, имѣетъ большое сходство съ языкомъ, копорымъ мынѣ говорашъ въ Сербіи.

Что касается до языка Россійскаго, оный различествуетъ оный Славянскаго, какъ грамматическими формами, шакъ и множествомъ словъ, не только однако же, чтобы Россіянинъ, упошребя нѣкоторое вниманіе, не могъ понимать сочиненій, писанныхъ на языкъ Славянскомъ.

Языкъ Россійскій, копорымъ говорашъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, почищается самымъ чисшимъ. Въ прочихъ мѣстахъ въ упошребленіи разныя нарѣчія, болѣе или мѣнѣ близкія къ Московскому. Изъ нихъ главное, Малороссійское, занимаетъ средину между языками Россійскимъ и Польскимъ. Вообще всѣ язи нарѣчія, исключая одно Малороссійское, мало различествуютъ между

собою: такъ, что живель Архангельскій, встрѣчающійся въ Москвѣ съ живелемъ Астраханн, свободно между собою разговаривають. Такое сходство нарѣчій, въ словъ ошдаелныхъ одна ошъ другой справахъ, приисмиваешся чпенію священныхъ книгъ, кошорыя одиъ и тѣ же во всей Россіи, и повсемѣстному употребленію Славянскаго языка въ церковномъ служеніи.

Мы приведемъ здѣсь главныя черпы Истори Россійской Литературы. Въ семъ краткомъ обзорѣнн обращимъ ны особенное вниманіе на Свободность, соединяющую исключительное богатство каждаго народа, и бросимъ общій взглядъ на Науки и Искусства Художества, кошорыхъ уенъхъ принадлежашъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ.

Россія обязана своимъ происхожденіемъ Норманамъ, пришедшимъ въ 862 году съ береговъ моря Балтійскаго, съ своими начальниками Рюрикомъ и его двумя братьями, и водворившимся посреди Славянъ, обитавшихъ между Новгородомъ и Кіевомъ. Попомки Рюриковы продолжали весни жизнь дѣятельную и воинственную, проспирали свои набыги до вратъ Константинопольскихъ, и возвращались обремененные богатую добычею.

Скоро Законъ Христіанскій началъ умягчать нравы Россіянъ. Великій Князь Влади-

міръ, Рюриковъ правнукъ, окрестившійся въ 988 году, сдѣлалъ Вѣру Христіанскую господствующею въ Россіи. Многіе Греческіе иноки пріѣхали тогда въ Россію, и привезли упомянутые нами выше переводы на Славянскій языкъ священныхъ книгъ. Владиміру также принадлежишь честь учрежденія въ Россіи перваго училища.

Сынъ его, Ярославъ, возвелъ Россію на такую степень величія, съ кою нечего сравнить въ его время не равнялось. Въ началъ XI вѣка, когда вся Европа едва начинала раздирать мрачную завѣсу, покрывавшую ее въ печеніе пяти вѣковъ, Россія находилась въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Греціею, единственною спраною, гдѣ Науки и Художества имѣли еще убѣжище. Всѣ Европейскіе Государи искали союза съ Ярославомъ. Первый изъ сыновей его вступилъ въ бракъ съ дочерью Гаральда, Короля Англійскаго; второю съ сестрою Казимира, Короля Польскаго, за кою Ярославъ выдалъ свою сестру; третья съ дочерью владѣтельнаго Епископа Трирскаго, и четвертая съ дочерью Константина Мономаха, Императора Константинопольскаго. Изъ дочерей Ярославовыхъ: первая была супругою Короля Норвежскаго, третья—Короля Венгерскаго; вторая же изъ нихъ сдѣлала союзъ еще бо-

дѣе блистательный, нежели всѣ ея братья и сестры: она была супругою Генриха I, Короля Французскаго, и матерью Филиппа, предка Лудовика IX, ошъ котораго произошло поколѣніе Бурбоновъ.

Чего не должно было ожидать ошъ ешоль прекраснаго начала! Если бы Россія продолжала слѣдовашъ своимъ славнымъ путемъ, нѣшъ сомнѣнїя, чшо ученые Греки, по взятїи Турками Константинополя, принужденные удалишъ изъ своего отечества, прибѣгли бы подъ покровительство Россїанъ, своихъ единовѣрцевъ, преимущественно предъ прочими народами, и Сѣверъ предупредилъ бы Югъ въ великомъ подвигѣ просвѣщенїя. Судьба опредѣлила иначе. Ярославъ, при смерти своей (1054) раздѣлилъ Государство на Княжества, котора раздалъ своимъ сыновьямъ. Съ сего времени междоусобныя войны продолжали ослабляшъ силы народныя, доколѣ Тагары, или Монголы, въ 1224 году, не вторглись въ Россїю, и огонь и мечъ пришельца не истребили оставшагося еще ошъ ярости внутреннихъ раздоровъ.

Владычество варваровъ тяготѣло близъ двухъ съ половиною вѣковъ надъ несчастною Россїею. Свѣшъ, начинавшїе ее озаряшъ, померкъ на долгое время; народныя нравы

измѣнились; женщины лишились свободы, мужчины ослабли въ духъ и погрузились въ суевѣріе, правленіе сдѣлалось самовластнымъ и жестокимъ.

Немного осмалось попомощву памяшниковъ образованности опъ сихъ вѣковъ невѣжества, въ копорые, къ несчастію, и возникшіе въ вѣкахъ предшествовавшихъ почпи всѣ истребились. Мы уномяемъ однако же здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, достойныхъ вниманія Ученыхъ. Законы, приписываемые Ярославу и его сынамъ, извѣстные подъ именемъ *Русской Правды*, заслуживающъ любопытство въ двоякомъ отношеніи и къ языку, и къ судной сиемѣ, бывшей въ XI вѣкѣ въ употребленіи (*) во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Норманами.

Лѣтопись Несшорова, заключающая все время опъ начала Россійскаго народа до XII вѣка, въ копоромъ прекратилась жизнь сего Писателя, есть памятникъ драгоценный, не только для Россіянъ, но и для всѣхъ народовъ Славянскихъ. Ученый Шлецеръ посвятилъ собранъ дѣль своей трудолюбивой жизни на изданіе сей Россійской Лѣтописи,

(*) Въ подлинникѣ слово *usité* напечатано съ s на концѣ, но сие есть явная типографическая ошибка. *Пр. Пер.*

напечатанной въ Гештингенѣ, съ объясненіями на Нѣмецкомъ языкѣ. Лѣтопись сія была продолжаема, почти непрерывно, до XVII вѣка, но имена большей части сочинителей оспались неизвѣстными.

Стихотвореніе, извѣстное подъ названіемъ *Пѣснь о полку Игоревѣ*, принадлежишь равнымъ образомъ XII вѣку. Сочинитель воспѣваетъ храбрость Игоря, Удѣльнаго Князя Новгорода - Сѣверскаго; побѣду надъ нимъ Половцевъ, жившихъ въ то время на берегахъ Дона; плѣненіе его симъ варварскимъ народомъ, и возвращеніе въ Россію. Это стихотвореніе заслуживаетъ особенное вниманіе своею оригинальношью, смѣлостію каршинъ и богатшвомъ воображенія, оплачающими Поэзію всѣхъ юныхъ народовъ.

Имя сочинителя до насъ не дошло, но онъ передалъ намъ имя Бояна, стихотворца еще древнѣйшаго, котораго шворенія для насъ, къ несчастію, потеряны невозвратно.

Кромѣ сего, преданіе сохранило въ народѣ Русскомъ много пѣсней, которыя относяшь ко времени владычества Ташарь. Нѣкоторыя изъ сихъ пѣсней, наполненныя чувшвомъ и проспошою, припѣвами своими наполняютъ языческіе обряды, что можешь заславить почиашъ ихъ еще болѣе древними, нежели полагають обыкновенно. Въ дру-

гихъ прославляющся великолѣпіе Двора Владимірова и подвиги его воиновъ. Въ нихъ время Владимірово предсавляется въ видѣ баснословномъ, подобно какъ царшвованіе Карла Великаго въ романахъ средняго вѣка.

Преданіямъ симъ недоспаетъ только Аріосша, чшобъ сдѣлался сполько же славными, какъ преданія, приписываемыя Архіепископу Турпину. Можешъ бышь, и самое происхождение ихъ одинаково. Ежели справедливо, чшо одинъ перенесъ изъ Азіи въ Скандинавію чудесное романовъ Рыцарей круглаго шпола и двѣнадцать Паладиновъ Франціи, чшо оное перешло изъ Скандинавіи въ Англію и во Францію, шо можешъ бышь, чшо шо же самое чудесное перешло и въ Россію съ водвореніемъ въ оной Нормановъ.

Ежели мы нѣсколько ошановились на происхожденіи Россійскаго народа и его Словесности, мы шѣмъ бышрѣ обозримъ вѣки, прошекшіе со времени освобожденія Россіи ошъ ига Татарскаго до переменъ, которыми она подверглась при Пешрѣ Великомъ.

Освобождение ея происходило медленно, по мѣрѣ распространенія несогласій между Татарскими Ханами, и усиленія власши Великихъ Князей Московскихъ, ослаблявшихъ силу владѣтелей прочихъ Княжествъ, и не-

рѣдко даже присвоившихъ себѣ ихъ удѣлы. Наконецъ Великій Князь Іоаннь III-й, во второй половинѣ XV вѣка, увидѣлъ себя свободнымъ отъ владычества чужеземнаго и Самодержцемъ всей Россіи. Въ это время пріѣхали въ Москву Послы отъ Папы, отъ Императора Нѣмецкаго, отъ Королей Польскаго и Дашскаго, и отъ Республики Венеціанской. Но тогда встрѣчали Пословъ на границѣ, провожали ихъ до Москвы, угощали съ Азіяскою роскошью и препяшествовали всякому съ ними сообщенію жипелей. Одинъ Новгородъ оставался еще въ сношеніяхъ съ городами Ганзейскими, имѣвшими въ ономъ конторы и комиссіонеровъ. Іоаннь III, уничтоживъ въ Новгородѣ народное правленіе и поступивъ жестоко съ находившимися въ немъ иностранцами, отдѣлилъ совершенно Россію отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ Европейскихъ. Нѣсколько Архипешкоровъ, Медиковъ и пр., призванныхъ имъ въ Москву изъ чужихъ краевъ, занимались своимъ полезнымъ искусствомъ, но не имѣли никакого вліянія на просвѣщеніе народа.

Царь Іоаннь IV, сей Неронъ Сѣвера, учредилъ во многихъ Россійскихъ городахъ училища и первую въ Россіи типографію (1553); но Музы бѣжали отъ жестокостей, произ-

водимыхъ имъ повсюду въ Россіи, къ копорой оны присоединилъ, во время своего правленія, Царства Казанское, Астраханское и Сибирское.

Борись Годуновъ, котораго Россійскіе Историки обвиняють въ проложеніи себѣ пути къ престолу царевнѣишвомъ, и котораго Историки иностранные не признають виновнымъ въ семъ преступленіи, явилъ несчастной Россіи нѣкошорые лучи надежды. Оны призвалъ ко Двору своему ученыхъ иностранцевъ, послалъ учиться въ ихъ земли молодыхъ дворянъ Россійскихъ, и сыну своему, царевновавшему послѣ него нѣскольکو дней, далъ воспитаніе досшойное его сана и высокаго назначенія.

За эпою зарею послѣдовала глубокая тьма: Лже-Димитрій вновь подвергли Россію всѣмъ ужасамъ войнъ междоусобныхъ. Поляки и Шведы, пользуясь симъ случаемъ, овладѣли многими городами; первые изъ нихъ вошли даже въ Москву, изъ копорой были изгнаны храбростію Князя Пожарскаго и любовію къ опечеству Минина. Наконецъ взошло на престолъ Россійскій поколѣніе Романовыхъ въ особъ Царя Михаила Феодоровича, избраннаго Государственными Чинами въ 1613 году.

Сынъ, его Царь Алексѣй Михайловичъ, началъ дѣло, довершеніе котораго предоспавлено было Петру Великому. По его повелѣнію былъ построень корабль, сожженный, во время взятія Аспрахани, взбунтовавшимися казаками. Онъ завелъ регулярное войско, учредилъ многія фабрики и вызвалъ въ Россію иностраннхъ офицеровъ и художниковъ; но Россіяне продолжали убѣгашь ихъ обществу.

Важнѣйшее событіе его царствованія есть присоединеніе къ Россіи Кіева, Смоленска, Полоцка и прочихъ городовъ, отдѣленныхъ отъ нея прежде въ разныхъ обществвахъ, и завоеванныхъ имъ обратно у Поляковъ въ 1664 году.

Время сіе, въ отношеніи къ предмету, нами описываемому, замѣчательно по вліянію, которое, до половины слѣдующаго вѣка, Малороссійское и Бѣлорусское духовенство, болѣе образованное нежели Россійское, имѣло на Словесность и языкъ Россійскій; вліянію, полезному для Словесности, но вредному для языка, коего чистота повредилась отъ множества словъ, вошедшихъ въ него изъ Малороссійскаго и Бѣлорусскаго нарѣчій.

Въ Кіевѣ, во время присоединенія онаго къ прежнему его обществу, находилась уже Духовная Академія, имѣвшая нѣкощо-

рую извѣстность. Въ Москвѣ подобная Академія учреждена въ 1682 году, въ царствованіе Царя Θεодора Алексѣевича. Государь сей любилъ Поэзію и Музыку. Его воспитатель, инокъ Симеонъ, уроженецъ Полоцкій, былъ одинъ изъ лучшихъ Поэтовъ своего времени. Онъ сочинялъ также Драмъ, которыя игрались при Дворѣ сеспрою Царя, Царевною Софією и находившимися при ней молодыми господами и госпожами. Царевна сама прудилась въ сочиненіяхъ для своего Театра.

Драматическое Искусство сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи незадолго до сего времени. Студенты Кіевской Академіи, путешествуя въ вакантное время по южнымъ Россійскимъ губерніямъ, дали первое о немъ понятіе представленіемъ Драмъ, которыхъ содержаніе заимствовано было изъ Священнаго Писанія.

Подобныя представленія скоро начались и въ Московской Академіи, а изъ оной не замедлили достигнуть и до Двора. И такъ любовь къ Искусствамъ, въ ожиданіи любви къ Наукамъ, начинала появляться въ Россіи; но ходъ сей показался медленнымъ для генія Петра Великаго. Для чего не имѣлъ Онъ терпѣнія дожидаться, чтобы любовь къ Наукамъ развернулася поспешенно, не увлекши

за собой всего народнаго, бывшаго въ умахъ и нравахъ!

Петръ, восшедшій на престоль вмѣстѣ съ сестрою Софіею и брашомъ Иоанномъ, скоро (въ 1689) сдѣлался единовластнымъ. Софія, какъ болѣе опасная, заключена была въ монастырь. Историки, принимающіе за правило, что побѣжденные всегда виновны, можешь быть, слишкомъ поспѣшили обвинять ее въ заговорахъ противъ жизни ея брата. Петръ, сдѣлавшись свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, пожелалъ видѣть собственными своими глазами земли, долженствовавшія въ послѣдствіи быть примѣромъ для его Государства.

Во время своего путешествія, онъ обращалъ вниманіе на все, что находилъ доспѣйнымъ любопытства; особенно же занимался Медициною, Архитектурою, Математикою и, болѣе всего, кораблестроеніемъ. Европа съ удивленіемъ видѣла на Сардамской верфи Государя, прудящагося подобно обыкновенному рабочнику. Возвращаясь въ опечесство, онъ занялся преобразованіемъ оного. Ежели употребляемыя имъ средства и были иногда слишкомъ сильны, ежели обычай, которые, можешь быть, должно бы уважать, обращаемы были имъ въ посмѣя-

ніе, не забудемъ, что сіе происходило ошь избытка усердія.

Въ продолженіе тридцати-шести-лѣтняго его царствованія, Россія совершенно перерождается. Ея сподица переносицца въ спрану, прежде для нея чуждую; ея войска, обученныя по-Европейски, побвждають величайшаго изъ полководцевъ своего времени; ея флагъ разввваецца надъ многочисленнымъ флотомъ, уважаемымъ всѣми приморскими Державами; фабрики и заводы распро-спраняются по всѣмъ ея городамъ; ея торговля производицца пушами, прежде для нея неизвввными; море Каспійское соединяецца съ Балтійскимъ; ея граждане пушешествують по Европѣ и учащя Наукамъ и Художествамъ; иноспранцы, не токмо въ ней принимаются, но пользуются уваженіемъ и опличіями; ея молодые люди воспитываються въ училищахъ, успровняныхъ почти во всѣхъ городахъ.

Мы просимъ дозволишь намъ войши въ нвкошорыя подробности о семъ послвднемъ предметѣ. Петръ, во время своего пушешествія въ Голландію, поручилъ одному Амстердамскому типографщику напечатать разныя, переведенныя на Россійскій языкъ, учебныя сочиненія, и далъ ему право торговашь оными въ Россіи.

Скоро послѣ сего, Петръ сдѣлалъ перемѣну въ Россійской азбукѣ, и учредилъ въ С. Пешербургѣ нѣсколько типографій. Изобрѣшенныя имъ новыя литеры послужили для напечатанія большаго количества книгъ, наиболѣе, заключающихъ въ себѣ начальныя основанія познаній и переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ.

Умноживъ такимъ образомъ средства къ приобрѣтенію познаній, Петръ учредилъ въ своей Имперіи 51 училище, въ которыхъ преподавались первыя основанія нужнѣйшихъ Наукъ; сверхъ того, для разныхъ соепоиній въ Государствѣ, были открыты особыя училища: 26 для Духовенства, 1 Аршиллерійское, 1 Инженерное — для военныхъ офицеровъ, 56 для солдатскихъ дѣшей при гарнизонахъ и 1 Морское для флота. Онъ составилъ также Кабинетъ Еспешивенной Исторіи и всякаго рода рѣдкостей, и публичную Библиотеку, въ которой, не смотря на всѣ свои занятія, проводилъ по нѣскольку часовъ сряду; наконецъ, онъ желалъ увѣичать свои попеченія о просвѣщеніи Государства, учрежденіемъ Академіи Наукъ, по плану славнаго Лейбница, но смерть (1725) воспременшествовала ему довершить сіе дѣло.

Супруга его и преемница престола Екатерина I-я, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

послѣ его кончины, привела въ исполненіе его предположеніе. Она призвала въ Члены Академіи ученыхъ людей, дославившихъ ей вѣчную славу. Мы упомянемъ здѣсь только о великомъ Эйлерѣ, котораго одно имя объясняетъ все, и о Миллерѣ, который оказалъ столь много услугъ Исторіи и Географіи Россійской.

Императрица Анна Іоанновна содѣйствовала просвѣщенію Россіи учрежденіемъ училища подъ наименованіемъ Кадетскаго Корпуса. Онъ долго занималъ первое мѣсто между учебными заведеніями въ Россіи, и далъ ей такихъ Генераловъ, какъ Фельдмаршалъ Румянцовъ, и Поэшовъ, какъ Сумароковъ и Озеровъ. Императрица Анна Іоанновна скончалась въ 1740 году (*).

(Продолженіе впрѣдъ).

(*) Въ подлинникѣ напечатано: въ 1640 году.

Пр. Пер.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Взятіи Турецкой крѣпости Анапы, въ 1807 году.

(Письмо къ Н. И. Грегу).

Вы желали, М. Г. Николай Ивановичъ, чтобы я, какъ участникъ во взятіи нашимъ флотомъ Анапы, описалъ вамъ обстоятельство сего дѣла. Исполняю съ удовольствіемъ вашу волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу извинить, если мое описаніе не красно и не полно: я никогда не учился владѣть перомъ, и сообщаю вамъ то, что уцѣлело въ моей памяти, по прошествіи двадцати лѣтъ со времени Анапскаго дѣла.

Съ исходомъ 1806 года началась война съ Турками. Первые дѣйствія открылись на Дивстрѣ, гдѣ нашими войсками командовалъ Генераль Михельсонъ. Флотъ нашъ, плававшій въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Сенявина, едва успѣлъ окончить блистательную свою кампанію противъ Французовъ, какъ увидѣлъ противъ себя новаго непріятеля. Все было въ дѣйствіи, только мы, ш. е. служившіе въ Черноморскомъ флотѣ, оставались праздными. Эше

спокойствіе, въ то время, когда наши войска, и сухопутныя и морскія были заняты войною и слѣдовательно имѣли дорогу къ оплечіямъ, было для насъ весьма прискорбно. Мы съ неперыніемъ ожидали весны, надѣясь съ ея наступленіемъ явиться на водахъ Чернаго моря, гдѣ военные громы нашего флота не раздавались уже съ 1791 года, съ того времени, какъ Адмиралъ Ушаковъ своими побѣдами навелъ ужасъ на самый Константинополь.

Наконецъ желанное время настало. Въ Мартъ 1807 года, Черноморскій флотъ, находившійся въ Севастополѣ, былъ въ готовности выступить въ море, а въ концѣ сего мѣсяца послѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ начальство надъ сею эскадрою было поручено Контръ-Адмиралу, что нынѣ Вице-Адмиралъ и Сенаторъ, Семену Аванасьевичу Пустошкину.

Въ мерныхъ числахъ Апрѣля, командующій нашею эскадрою получалъ отъ Адмирала Маркиза Де-Траверсе, бывшаго Главнымъ Командиромъ Черноморскаго флота, предписаніе — идти къ Анапѣ и совершенно разорить сію крѣпость, гнѣздо хищныхъ Закубанскихъ народовъ, своими набѣгами безпрестанно нарушавшихъ спокойствіе Россійскихъ предѣловъ. Въ слѣдъ за симъ прика-

заниемъ перевезли на нашу эскадру десятое войско, состоявшее изъ 4 морскаго полка, подъ командою Генераль-Маіора Говорова.

Походъ нашъ къ Анапѣ былъ не первый, который совершили Русскіе прошивъ сей крѣпости. Еще въ царствованіе Императрицы Екатерины войска наши были два раза подъ ея сѣнями, и оба сіи похода обошлись имъ недешево. Въ послѣднюю Турецкую кампанію, возгорѣвшуюся за Крымъ, Генераль Бибиковъ пошелъ на Анапу съ 8 т. войска, но не взявъ ея, возвратился за Кубань, потерявъ едва ли не половину своего корпуса. Въ слѣдующемъ году Русскіе были счастливы. Гудовичъ выбралъ для своей экспедиціи время болѣе благоприятное, нежели его предшественникъ. Послѣ трехъ-недѣльнаго похода, Анапа взята приступомъ; но приступъ сей былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ. Потеря съ нашей стороны была значительна, но за то и городъ испыталъ силу оружія Русскихъ и весь ужасъ кровопролитнаго штурма.

Эскадра, назначенная прошивъ Анапу, состояла изъ шести линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ, брадера и двухъ бриговъ. Мы готовились въ плаваніе съ полною надеждою на успѣхъ, зная, что крѣпость, быв-

шая предметомъ нашей экспедиціи, не заключала въ себѣ сильнаго гарнизона, и полагаясь на искусство Адмирала. Большая часть нашихъ Капишановъ и нѣкоторые офицеры уже знакомы были съ войною: еще прежде они были Турокъ подъ начальствомъ Нассау-Зигена, Дерибаса и Ушакова, и подъ начальствомъ послѣдняго, соединенно съ Турками, поражали Французовъ на Ионійскихъ островахъ и въ Италіи. Эскадра, принявъ на корабли свои десантное войско, въ началѣ Апрѣля оставила Севастопольскій рейдъ, и при попутномъ вѣтрѣ направилась къ Анапѣ. Къ общему нашему сожалѣнію, благопріятный вѣтеръ продолжался не долго. Черезъ шрое сутокъ по выходѣ флота въ море, достигла насъ сильная буря. Корабли наши понесли значительныя поврежденія, и мы принуждены были возвратиться въ Севастополь, куда пришли наканунѣ самаго дня Св. Пасхи. Это непріятное обстоятельство весьма насъ огорчило; мы полагали, что для Святой недели намъ придется похристововаться съ Турками картечью и ядрами, и—вмѣсто того, принуждены были заняться починкою, и отсрочить начатый походъ подъ Анапу. Дѣятельность и усилія наши были необыкновенны. Черезъ неделю почти все было исправлено, и эска-

дра находилась въ готовности вышунить въ море. Къ сему времени мы были подкрѣплены пашью канонерскими лодками, за что два корабля остались въ Севасипольскомъ портѣ. Одинъ изъ нихъ, исправивъ свои поврежденія, чрезъ нѣсколько дней соединился съ нами при Анапѣ; другой же, бо-пущечный *Побѣда*, получилъ столь сильную печь, что долженъ былъ оспашься для килеванія. Кораблемъ симъ командовалъ Капишанъ 2-го ранга М. И. Рапмановъ (*). Отсутствіе сего офицера было весьма чувствительнымъ для нашей эскадры. Еще будучи Лейтенантомъ, отличался онъ во флотѣ Ушакова при Корфу и Анконѣ, и въ семь чинъ получилъ орденъ Св. Анны 2 класса. Кромѣ того, что мы лишились въ немъ искуснаго и храбраго Капишана, намъ непріятно было видѣть, что принуждены были оставить *Побѣду*, какъ бы опасаясь, чтобы безъ побѣды не отойти отъ Анапы. Однако же все пошло по нашему желанію.

Апрѣля 27 мы пришли на видъ крѣпости Анапы, и при наступленіи ночи, въ 4 миляхъ отъ оной, легли на якорь; только одинъ

(*) Макаръ Ивановичъ Рапмановъ, нынѣ Коншрь-Адмиралъ и Дежурный Генералъ Морскаго Шшаба Его Императорскаго Величества.

Фрегаты и брига остались под парусами, для наблюденья за непріятелемъ. Ночь прошла въ совершенномъ спокойствіи; поутру мы подвинулись ближе къ крѣпости. — Адмиралъ, имѣвшій свой флагъ на 110-пуш. корабль Рашномъ, — направилъ къ берегу парламентера съ письмами къ Пашѣ, но оныхъ не приняли, и посланный возвратился безъ успѣха. Вечеромъ эскадра снялась съ якоря и еще ближе подошла къ берегу; фрегатъ Воинъ, коимъ командовалъ Капитанъ-Лейтенантъ Подгаецкій, получилъ приказаніе сбить одну изъ непріятельскихъ баштарей, открывшую огонь по эскадрѣ, и исполнилъ сіе въ самое короткое время. Вскорѣ за тѣмъ нашло маловѣтріе, и эскадра снова расположилась на якорѣ, внѣ пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости.

Часовъ въ восемь вечера прибылъ къ эскадрѣ Адмиралъ Маркизь Де-Траверсе, желавшій быть самъ свидѣтелемъ атакки. Ночью нѣсколько вооруженныхъ баркасовъ были посланы для промѣра глубины, и совершили сіе подъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

На разсвѣтѣ мы готовились свозить на берегъ десантъ. Паша Анапскій, вида наши движенія, прислалъ къ командиру эскадры Коменданта крѣпости для перего-

воровъ. Адмиралъ, принявъ его на своемъ корабль, объявилъ, что если чрезъ два часа городъ не сдастся добровольно, то будешь разорень до основанія.

По истеченіи назначеннаго срока, эскадра начала подходить къ крѣпости. Фрегатъ Воинъ находился впереди, и когда былъ опъ берегу на дистанціи ближняго пушечнаго выстрѣла, то крѣпость открыла по немъ самый жестокий огонь. Съ Воинна ошвѣчали пѣмъ же, и началось дѣло.

По сигналу съ нашего корабля, бо-пушечный корабль Варахиль, подъ командою Капитана Салькова, всупилъ подъ паруса и открывъ пальбу брандскугелями, чрезъ нѣсколько минушь, въ разныхъ мѣстахъ зажегъ городъ; гарнизонъ и жители, успрашенные симъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, и опасаясь огня всей эскадры, свѣшшица удалились изъ крѣпости, въ окружающія ея горы. Десантъ, по опъздѣ съ флагманскаго корабля Анапскаго Коменданта, вышедшій на берегъ верстахъ въ трехъ выше крѣпости, поспѣшавъ воспреняшспвовашь бѣгству жителей, но принужденъ былъ главное свое вниманіе обратить на Черкесовъ, кинувшихся въ городъ для разграбленія; эскадра въ боевомъ порядкѣ лежала на шпрингѣ. Пожаръ, произведенный въ городъ, огонь

нашей артиллеріи и перестрѣлка десанта съ полками наступавшихъ Черкесовъ, скрывали опъ насъ крѣпость въ густомъ облакѣ дыма. Вдругъ на одномъ изъ бастіоновъ развился нашъ кеейзеръ флагъ. Въ одно мгновеніе радостное ура цѣлой эскадры привѣщствовало побѣдоноснаго орла Россіи, и Адмиралъ на корабль коего въ сіе время находился Главной Командиръ Черноморскаго флота, отдалъ приказъ усилить десантъ свѣжими войсками.

Въ часъ по полудни, баталіонъ 4 Морскаго полка вступилъ въ крѣпость и занялъ оную. Такимъ образомъ въ продолженіе двухъ часовъ совершилось покореніе Анапы, шѣмъ болѣе для насъ пріятное, что стоило намъ весьма малаго урона. О успѣшности, съ какою непріятель бѣжалъ изъ города, и о потерѣ, понесенной имъ въ людяхъ опъ побара, можно заключить изъ того, что изъ 300 шопчей или Турецкихъ канонировъ и 4000 жителей, при овладѣніи городомъ только двадцать человекъ остались въ крѣпости. Сто пушекъ, нѣсколько сотъ пудовъ пороху, множество артиллерійскихъ снарядовъ и два купеческія судна, сплывшія подъ берегомъ, dospались въ наши руки. — Одно судно, плывшее изъ Константинополя

съ военными припасами для Анапы, было сожжено самими Турками.

Во время ашпаки крѣпости, особенно опланился съ нашей стороны Мичманъ Невѣровскій, кошорый съ нѣсколькими машпро-
зами взошелъ на бастіонъ, и поднялъ на ономъ кейзеръ-флагъ. Продолжая защищать оный не болѣе какъ съ десятью человекъ, офицеръ сей вѣрно бы сдѣлался жершвою непріятельскихъ ударовъ, если бы опрядъ солдашъ 4 Морскаго полка не поспѣшилъ къ нему на помощь и не прогналъ Черкесовъ, покушавшихся сорвать нашъ флагъ.

Дѣйствіе огня, произведеннаго въ крѣпости нашими выстрѣлами, было ужасно: всѣ дома, мечети и нѣкоторыя казенныя магазины обратились въ пепель. На другой день по взятіи Анапы, п. е. 30 Апрѣля, Адмиралъ М. Де-Траверсе отправился обратно въ Крымскіе порты, а мы занялись разореніемъ крѣпости. Мѣдныя пушки и годныя снаряды были перевезены на вскадру; все же прочее было приведено въ негодность къ употребленію и брошено въ колоды. Укрѣпленія были подорваны, и чрезъ шесть дней Анапа представляла однѣ развалины. При нашемъ отбытіи, послѣдовавшемъ 6 Мая, ни одно живое существо не

находилось въ разрушенной крѣпости. Только Черкесы, изумленные участіемъ своего убѣжища, собирались шодлами въ окрестныхъ горахъ и выжидали нашего ухода, чшобы подь грудами пепла и камней найши предметы для удовлетворенія своего хищническаго. Черезъ недѣлю мы бросили якорь на Севастопольскомъ рейдѣ.

Вотъ вамъ, М. Г. Николай Ивановичъ, краткое описаніе нашей экспедиціи; болѣе двадцати лѣтъ прошло съ того времени, и побѣдоносный нашъ флагъ до сего года не развѣвался подь стѣнами сей крѣпости. Мы купили побѣду весьма дешево; теперь Турки, возобновивъ разрушенный нами городъ, вѣроятно устроили его укрѣпленія лучшимъ образомъ. Особенно послѣднія шесть лѣтъ, когда Порша находилась въ ежеминутной готовности къ войнѣ съ Россіею, доставили ей время упрочить оборону Анапы и приугошовить Черкесовъ. Доказательствомъ сему не служатъ ли пушки, коими снабжены сіи Закубанскіе народы?

М. П.

*С. Петербургъ,
в Іюня 1828.*

Н А У К И.

О Ф И Л О С О Ф И И.

Неизмѣримость вселенной и безконечное разнообразіе вещей, чудный порядокъ и согласіе, по которому онѣ представляющъ изъ себя *единое* неразрывное *цѣлое*; самая точная и непримѣтная постепенность въ развитіи жизни, отъ бездушнаго каменнаго зерна, до высочайшаго разумнаго созданія; необходимая связь причинъ съ ихъ самыми отдаленными дѣйствіями и послѣдствіями, цѣлей съ средствами, слѣпаго механизма съ силою свободной воли;—естественно возносятъ насъ къ понятію о Единомъ, Всемогущемъ, Премудромъ, Всеблагомъ Творцѣ міра—къ понятію высочайшему, важнѣйшему и драгоцѣннѣйшему для человѣка.

Падемъ съ благоговѣніемъ предъ непо-
спижнымъ величіемъ Создателя; поклонимся
Ему духомъ и испиною, и будемъ въ без-
мозвіи чудиться необъяснному созданію рукъ
Его! Единъ Онъ великъ во всемъ и паче
всего: безпредѣльное Его величіе превыше
нашего разумнія. Молніеносная риза Сава-
оа просшерща надъ всѣмъ, отъ самаго вы-

сочайшаго солнца — до глубочайшаго земнаго праха.

Такова должна бытъ цѣль при созерцаніи природы!

Философія, по самому знаменованію сего слова, есть *любовь къ мудрости* (*), состоящая въ познаніи самого себя и въ умѣньѣ давати истинную цѣну вещамъ, встрѣчающимся въ жизни. Мало есть словъ, подверженныхъ столь частому злоупотребленію; и истинное значеніе слова *Философія*, столь мало извѣстно, что *Философомъ* обыкновенно называютъ всякаго человѣка, который привыкъ опивнѣять себя опъ другихъ, и часто приписываютъ сіе названіе Астрономамъ или Метафизикамъ. Но еще Греческая древность изобразила подлинный характеръ Философіи въ немногихъ, но знаменательныхъ чертахъ слѣдующею надписью на одномъ знаменитомъ храмѣ „познай самого себя,“ — и великій Сократъ извелъ Философію изъ мрачныхъ стѣнъ школы на свѣтъ общесшвенной жизни, ограничивъ ее ученіемъ *общаго здраваго смысла*. И пое-

(*) Пифагоръ первый, по нѣкоторой благородной скромности, назвалъ себя *Философомъ* или *мудролюбцемъ*: до него Философы назывались *мудрецами*. *Прим. Сох.*

лику нѣтъ ничего къ человѣку ближе самого человека; но Философія и должна быть правиломъ нашего поведенія, а съ нѣмъ вмѣстѣ основаніемъ и мѣриломъ нашихъ сужденій о вещахъ. Истинный мудролюбецъ совершенно увѣренъ въ бытіи Божіемъ, въ непоспорижимыхъ, но всегда премудрыхъ и благихъ судьбахъ Его Святаго Промысла, а съ нѣмъ вмѣстѣ—и въ безсмертіи души: ибо сіи двѣ истины совершенно между собою неразрывны, и послѣдняя есть необходимое слѣдствіе первой. Но сіи основныя и драгоценныя для человѣка истины, мудролюбецъ болѣе созерцаетъ и чувствуетъ, нежели доказываетъ по правиламъ діалектическихъ шонкошей, которыя часто не сподѣло проясняютъ, сколько пошумляютъ истину и нѣкоторымъ образомъ дѣлаютъ ее сомнительною: ибо доказывать, значить убѣждать другаго въ шомъ, въ чемъ онъ еще не убѣжденъ. Будучи совершенно увѣренъ въ сихъ святыихъ истинахъ, внушаемыхъ Вѣрою, и досточтимыхъ для разума и сердца, — истинный мудролюбецъ по совѣсти исполняетъ обязанности любви къ Богу, ближнему, и себѣ самому. На челоуѣчество взираетъ онъ какъ на единое семейство Единаго Небеснаго Отца, и живетъ съ людьми какъ съ братьями, въ мирѣ и согласіи. Всѣ

его намѣренія, желанія и поступки чисты; ибо клонятся къ общему благу, къ частному благополучію другихъ, а чрезъ то и къ благополучію его самого. Онъ со-всѣмъ непохожъ на безбожника, который, почитая себя какъ бы ошдѣленнымъ отъ природы и человѣческава, все относитъ къ своему самолюбію; не ищешь и не знаешь другаго блага, кромѣ того, что можешь льстить его вкусу и нѣжишь его спрасни; жаждешь, и никогда не утоляешь своей жажды, подобно Таншалу; скипается по землѣ, какъ чудовище; ненавидишь Бога, Природу, человѣчество, самого себя, и — видишь въ каждомъ мгновеніи времени, мелькающую ему грозную вѣчность, съ адомъ въ душѣ и сердцѣ, призываешь къ себѣ мечту вѣчнаго ничтожества, дабы въ сей безднѣ погребшии себя съ цѣлою вселенною.

Удалимъ нашъ взоръ отъ столь дикой и ужасной картины! Истинная Философія не шакова: она должна — и любить дѣлать людей счастливыми. Она заспавляетъ насъ съ благоговѣніемъ повиноваться законамъ Божественнымъ, соспавляющимъ нашу правспвенность; свято чтить и исполнять законы предрѣжащей Власпи, охраняющіе общественную и личную безопасность. Сія нравспвенность, внушаемая Божественными

законами, подаешь намъ самыя вѣрные совѣты и самыя сильныя побужденія къ дѣятельности для нашего счастья, могущей служить ушѣщеніемъ во всякомъ возрастѣ, во всякомъ состояніи, и во всякихъ обстоятельствахъ жизни. Она удовлетворяешь — уму небесными истинами, сердцу — ушѣтельными чувствованіями и надеждами; она упрочиваетъ челоуѣку сей миръ и сіе спокойствіе души, столь возжеланныя какъ въ счастьи, такъ и въ несчастіи; она даетъ ему средства быть счастливымъ и здѣсь, и за предѣлами гроба (ибо вѣчно будешь свѣтити, вѣчно не погаснешь звезда челоуѣчества); она укрѣпляетъ связи обществъ, Царствъ и народовъ; ея ушѣщительныя правила прогоняють скуку, грусть и помлечіе, неразлучныя съ заблужденіями ума и сердца. Правила сіи сообщаютъ духу силу и крѣпость; жизнь самаго шѣла юнѣетъ, такъ сказать, отъ ихъ животворнаго дѣйствія. Сколько невинныхъ удовольствій, сколько чистыхъ наслажденій, сколько прелестей появилось бы въ общественной и частной жизни, если бы повсемѣстно исполняли правила нравственности! Она есть сильное лекарство противъ опасныхъ заблужденій шѣхъ мечтателей, которые святошашественно присвояють себѣ доспо-

чшее названіе *Философовъ*, ни мало не оправдывая онаго ни швореніями своего ума, ни движеніями своего сердца, ни своимъ поведеніемъ. Таковыя мечшашели весьма далеки отъ святилища истиннаго мудролюбія, которое опверзшо лишь чистымъ душамъ, познающимъ Бога, Природу, и самихъ себя. Имъ-шо по всѣмъ правамъ принадлежить высокое наименованіе *истинныхъ мудролюбцевъ*.

Имъ же отъ искреннаго сердца посвящающся и сіи строки.

Въ ій.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новыя Англійскія книги.

22. *Memoirs of the right hon. George Canning* etc. *Записки Георгія Каннинга*. Лондонъ, въ 8; 599 стр.

Сии Записки заключаютъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о Каннингѣ и извлеченія изъ важнѣйшихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Парламентѣ. Вошь, что можно извлечь изъ нихъ о жизни сего знаменитаго Министра.

Георгій Каннингъ родился въ Лондонѣ 11 Апрѣля 1770. Отець его, бывшій Адвокатомъ, въ послѣдствіи торговалъ виномъ, но безъ успѣха. Онъ скончался чрезъ годъ по рожденіи своего единственнаго сына. Госпожа Каннингъ, оставшаяся послѣ мужа безъ всякаго пропитанія, пошла въ Акшрпсы, а молодой К. былъ воспитанъ подъ надзоромъ дяди своего, по ошцѣ, которой помѣстивъ его въ Ишонскомъ Коллегіумѣ. Молодой студентъ отличался необыкновенными способностями, и въ то же время склонностію къ насмѣшкамъ. На 17 году ошъ роду издавалъ онъ Журналь, подъ заглавіемъ *Микрокосмъ*.

Въ 1792 Каннингъ познакомился съ знаменитымъ Шериданомъ, кошорый представилъ его Фоксу и Борку. Сначала казалось, что онъ присланешъ къ партіи Виговъ, но въ послѣдствіи, видя, что единственно въ партіи Министерской, Тори, можно достигнуть почестей и богатства, онъ оставилъ друзей своихъ, Виговъ; сблизился съ Пиптомъ, и при его покровительствѣ поступилъ въ Парламентъ. И такъ онъ всупилъ на политическое поприще въ началѣ войны съ Франціею, когда Тори, поддерживаемые могущественнымъ гениемъ Пипта, были въ жаркихъ спорахъ съ партіею народною, громогласно требовавшею мира.

Въ 1795 году Каннингъ былъ наименованъ Помощникомъ Спашсъ-Секретаря. Сказываютъ, что онъ далъ слово своему покровителю, Пипту, говорить въ Парламентѣ только тогда, когда Министръ сего пошребуетъ: сіе необходимое условіе его возвышенія, препятствовало ему въ началѣ поприща своего отличиться орасторскими талантами. Онъ обратилъ на себя вниманіе не прежде 1797 года, рѣчью, произнесенною имъ о торговлѣ Неграми.

Въ 1798 году началъ онъ издавать съ Гг. Фреромъ и Эддисомъ *Журналъ: Анти-Якобинское обозрѣніе*, въ кошоромъ онъ ста-

рались представлять ученіе и дѣйствія демагоговъ съ смѣшной спорной.

Въ 1801 году рушилось Министерствво, существовавшее 17 лѣтъ, на зло Нижнему Парламенту и требованіямъ націи, торжествовавшее числомъ членовъ и ихъ талантами надъ прошивною партіею. Пишпъ вышелъ въ отставку, и съ нимъ Графъ Спенсеръ, Лордъ Дундасъ, Виндамъ и Каннингъ оставили Министерствво.

Каннингъ обѣщаль было поддерживать новое Министерствво, управляемое Аддингтономъ, но не успѣлъ или не хотѣлъ успѣть въ томъ. Вскорѣ сбросилъ онъ съ себя личину, и спалъ безпрерывно и неушомимо нападать на Министровъ, которые было надѣялись на сего пособіе.

Въ 1804 году, по обращеніи Пишпа въ Министерствво, Каннингъ принялъ должность Казначей по морской части. Въ 1806 году, по смерти сего первенствующаго Министра, Каннингъ участвовалъ въ новомъ Министерствѣ, составленномъ Лордомъ Гренвилемъ, Фоксомъ и пр. Сіе Министерствво было уволено за то, что оно, прошивъ воли Короля, предложило Парламенту, приниматьъ Каподоковъ въ сухопутную и морскую службу. По назначеніи Герцога Поршланда Первымъ Мини-

спромъ, Каннингъ получилъ Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ, а Лордъ Каспелъре управление колоніями. Черезъ нѣсколько времени послѣ неудачной экспедиціи противъ острова Вальхерена, сіи Министры вышли на поединокъ. Каннингъ, оскорбленный неучтивымъ поступкомъ своего товарища, былъ раненъ и вышелъ въ отставку. Въ 1810 и 1811 годахъ онъ не обращалъ на себя вниманія Парламента, но въ 1812 году, когда начали опять шлоковашь о правахъ Капозиковъ, онъ принялъ ревностное въ семь дѣлъ участіе. Въ семь году онъ отличался особенно противорѣчіемъ почти всѣмъ мѣрамъ, предлагаемымъ Лордомъ Каспелъре. Нѣсколько времени жилъ онъ безъ службы и въ 1814 отправился Посланникомъ въ Лиссабонъ. Въ 1816 году наименованъ онъ былъ Президентомъ Контрольнаго Департамента. Въ 1820 году начался процессъ Королевы. Каннингъ, связанный съ нею узами дружбы, не хотѣлъ принять участія въ семь дѣлъ, и вышелъ въ отставку. Въ 1822 году онъ былъ наименованъ Генераль-Губернаторомъ Бришанской Индіи, но смерть Лорда Каспелъре, случившаяся въ Сентябрь того года, удержала его въ Англии. Онъ принялъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и въ 1827, по случаю болѣзни Лорда Ливерпула,

получилъ званіе Перваго Министра, но не надолго. Блистательное его поприще кончилось смертію его, последовавшею 8 Августа 1827 года.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

З е м л е о п и с а н і е.

15. *Описание Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи. Съ картою дороги изъ Ченъ-Ду до Хлассы. Переводъ съ Китайскаго. — С. П. б. въ типогр. Императорск. Воспитательнаго дома, 1828. — XXVI и 223 стр., въ 8 д. л. *)*

Почтенный нашъ соотечественникъ, долгое время жившій въ Кипаѣ, и совершенно знающій книжный языкъ сей страны, перевелъ сіе сочиненіе одного Китайскаго граж-

*) Разборъ сей книги помѣщенъ и въ Сѣверной Пчелѣ.

данскаго чиновника. Книга сія раздѣляется на двѣ части, или отдѣленія. Первое содержитъ въ себѣ Топографическо-Спашистическое описаніе Тибеша, каково оно было во время пребыванія тамъ Китайскаго Автора (въ 1792 году по нашему лѣтосчисленію). Сочинитель, послѣ каждаго перѣзда отъ одного значительнаго мѣста до другаго, присовокупляетъ замѣчанія на сіе послѣднее, въ историческомъ, топографическомъ и спашистическомъ его отношеніяхъ. Такимъ образомъ, изъ сухаго дорожника, умный и смѣшливый Кишаецъ умѣлъ сдѣлать занимательныя и, можно сказать, драгоценныя душевыя записки. Въ предисловіи своемъ говоритъ онъ, что отправленъ былъ въ Тибетъ въ 1786, году въ качествѣ провіантскаго чиновника, и употребилъ на сіе путешествіе четыре года. Когда же онъ издавалъ свои Записки, тогда возгоралась новая война между Китайцами и Тибетцами; и вошъ главная цѣль сочинителя: доставить своимъ соотечественникамъ, слѣдующимъ за арміею, подробныя свѣдѣнія о томъ краѣ, въ которой они должны были вступить. Вторая цѣль, которая, вѣроятно, покажется странною намъ, Европейцамъ — выражается въ слѣдующихъ словахъ Сочинителя: „въ послѣдствіи, когда по благо-

„получномъ окончаніи похода, будущъ, для
 „удовольствія Государю и высшимъ чинамъ
 „въ путешествіи, сочинять оду на поко-
 „рѣніе западныхъ иноземцевъ, тогда сія
 „книга можеть доставить немалую пользу
 „Сочинителямъ.“ Изъ этого мы видимъ,
 что не намъ однимъ извѣстны въ сти-
 хахъ *реляци*; но и юговосточные наши
 сосѣди, живели *серединнаго* или *небеснаго*
 царства, подвержены той же, по человѣче-
 ству, слабости Поэтовъ. — Вшорая часшь,
 или отдѣленіе сей книги еще любопытнѣе:
 она содержишь въ себѣ историческое обо-
 зрѣніе Тибетскаго народа, свѣдѣнія о нра-
 вахъ, обычаяхъ, законахъ, порядкѣ управле-
 нія, правилахъ учтивости и пр. и пр. Мы
 конечно подивимся, узнавъ, что въ Тибетѣ
 почитаенся знакомъ опличнаго уваженія къ
 человѣку знашнѣйшему — высунушь передъ
 нимъ языкъ желобкомъ; но должны ошдаться
 справедливость скромности женщинъ и
 дѣвушекъ Тибетскихъ — въ шомъ, что онѣ,
 при свиданіи съ Ламою (духовною особой)
 натирають себѣ лице чернымъ сахаромъ,
 либо чаемъ, чтобы не сказали, будто бы
 онѣ красотою своею хощѣли прельстить
 духовнаго. Почтенный нашъ переводчикъ при-
 совокупилъ къ шому многія примѣчанія и
 объясненія, почерпнушыя имъ въ Пекинѣ ошѣ

Тибетцевъ и Кишайцевъ, жившихъ въ Тибетѣ; сверхъ того, въ концѣ книги помѣстилъ онъ дополненія къ спалисшическимъ свѣдѣніямъ о Тибетѣ, и замѣчанія о вѣрѣ и духовенствѣ сей страны. Слогъ перевода чиселъ и ясенъ.

Книга сія издана очень хорошо; приложенныя къ ней карта дороги отъ Чень-ду-фу до Хлассы, и литографированный съ Кишайскаго плана сего послѣдняго города, заслуживающъ любопытство и похвалу.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № XI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Г В И Д О.

(Продолженіе.)

8.

съ легкимъ узелкомъ на плечѣ, шѣхъ самыхъ ворошь, въ ко-
дѣ шому назадъ, вошелъ въ сто-
ечно радовался близкому свиданію.
Вдругъ сѣрый плащъ предсталъ
„молодой другъ мой?“ спросилъ

чшобъ никогда сюда не возвра-
тивъчалъ Гвидо: „иду въ любезный
котораго съ сихъ поръ болѣе
пошному что узналъ на опышѣ,
какъ низко поступаютъ въ шакъ называе-
момъ большомъ свѣшѣ.“

„Вы вѣрно знаете руку вашего воспи-
тателя?“ спросилъ опять незнакомецъ, по-
давая ему бумагу. Рукою Цено было напи-

сано: „повинуйся, сынъ мой, подашелю сего, какъ бы самому мнѣ.“

„Боже мой!“ вскричалъ юноша: „что это опяшь значишь? Едва успѣлъ я разорвать одни оковы, какъ долженъ надѣть другія.“

„Это не новое“ — отвѣчалъ, смѣясь, незнакомецъ: „человѣкъ не можешь и даже не долженъ никогда быть свободенъ. Если бы онъ освободился даже отъ всѣхъ власшей, то и тогда остался бы рабомъ собщвенныхъ спрасшей своихъ, кошорыя часто бывають самымъ дурнымъ господиномъ. И потому, скрѣпя сердце, покорись лучше добровольно общему жребію, и засшупише мѣсто Секрешаря, кошорое я вамъ досталъ у Перваго Министра.“

„Клянусь вамъ, это будетъ не къ добру“ — возразилъ Гвидо. „Повѣрьте, чѣмъ человѣкъ знашше, тѣмъ онъ больше грѣшникъ. Я знаю напередъ, что съ Министромъ также не усижусь; пошому что ни какъ не могу привыкнутьъ къ дурнымъ дѣламъ; это прошивно моей наукъ. Если же бездѣльники и тамъ выведуть меня изъ шерпвня: то я не ручаюсь вамъ за хорошія послѣдствія.“

„Однако изъ любви къ Цено, должно вамъ еще разъ испшпать, каково было Пророку Данила во рву львиномъ“ — сказала со смѣ-

хомъ незнакомецъ, и пошациль его обратно въ городъ. —

„Но кто вы?“ спросиль Гвидо, разсма-
привая его съ недовѣрчивоспью: „что такъ
чудесно мѣшаешься въ судьбу мою?“

„Если вамъ угодно знашь мое имя: то
скажу вамъ, что я называюсь Ральфомъ“ —
отвѣчалъ онъ: „болѣе же вамъ знашь не ну-
жно. Теперь вы должны только положиться
на доказанную уже мою къ вамъ предан-
ность и хорошее объ васъ мнѣніе.“

„Вошь сюда!“ сказалъ Ральфъ, входя въ
комнату привратника. „Позвольте, дражай-
шій другъ и почтеннѣйшій господинъ Швей-
царъ“ — такъ отнесся онъ къ полскому,
галунами обложенному привратнику: „реко-
мендовашь въ ваше покровительство эшого
молодаго человека и покорнѣйше просишь
васъ — мнѣ сказашь, когда я могу имѣть
честъ засвидѣтельствовать нижайшее по-
чтеніе, почтенной госпожѣ ключницѣ?“

„Я прикажу доложитъ ей объ васъ“ —
отвѣчалъ привратникъ съ важностію по-
кровителя. „Мальчикъ, я думаю, также по-
правился ей, какъ и мнѣ. Если же онъ бу-
детъ съ нами въ ладахъ, то мы уже выве-
демъ его въ люди.“

Онъ пошелъ, и вскорѣ возвратился съ
малорослою, старою женщиною, которая

милоспиво принявъ подобоспращное при-
вѣспсвие Гвидова шоварища, съ великимъ
удовольспвиемъ и благосклонностью разспа-
шривала юношу.

„Прекрасный молодой человекъ“ — ска-
зала она, и слова рѣкою полились изъ ве-
дербчивыхъ устъ ея. „Онъ, кажется, сынъ
хорошихъ родителей, и по видимому досто-
инъ, чшобы мнѣ посшарашься объ его сча-
спии. Надвюсь, чшо онъ будетъ за шо бла-
годарень и никогда не изгладитъ изъ памя-
ти друзей своихъ. Я ужѣ все сладила съ
камердинеромъ, и ежели угодно, мы сей же
часъ можемъ ийти на верхъ; шеперь самое
лучшее время представить его.“

Не дождавшись отвѣта, взяла она Гвидо
за руку и повела за собой.

Въ сѣняхъ онъ сунулся было на парадную
лѣспницу, но вожашая опшпащила его назадъ,
говоря: „нѣшь, мы не здѣсь пойдемъ, шуть
вамъ надобно будетъ ждашь нѣсколько ча-
совъ въ передней и за всѣмъ шѣмъ получишь
опказъ.“ Она повела его далѣе, на дворъ и
по узкой лѣспницѣ вверхъ; взошедъ, посшпу-
чалась шихонько въ дверь; опперъ велико-
лѣпно одѣтый господинъ, котораго Гвидо
принялъ за самого Министра.

„Вошь я привела къ вамъ господинъ

камердинеръ новаго Секретаря“ — прошептала она ему ласково.

„Баринъ сидишь еще за завтракомъ; но я ему пошчасъ доложу“ — отвѣчала камердинеръ, и вошелъ обратно въ комнату.

„Да благословишь Господь Богъ вступленіе ваше въ эти покои;“ — сказала спарушка: „я свое дѣло сдѣлала; теперь все предославляешся вамъ самимъ. Ежели послѣ аудіенціи захопите вы повидаться со мною и получите совѣтъ въ разсужденіи новой вашей должності: то приходите ко мнѣ, я живу тамъ, на дворѣ, въ нижнемъ этажѣ; угощу васъ спаканомъ хорошей мальвазін.“

Она сошла внизъ, а Гвидо съ негодованіемъ вскричалъ: „О! если бъ я былъ Государемъ, и мой Министръ позволилъ бы ключницамъ водить къ нему Секретарей на заднее крыльцо: я пошчасъ бы его прогналъ ошь себя!“ . . .

Камердинеръ возвратился, и повелъ юношу чрезъ великолѣпно - убранную спальню Министра въ маленькую раззолоченную диванную. Видный, высокій мужчина, съ умнымъ важнымъ лицомъ покоился на мягкихъ пуховикахъ. Какая-то дама сидѣла подлѣ него и подавала ему спаканъ вина; черные глаза ея блискали шакимъ живымъ огнемъ, прелестный рошикъ улыбаешся шакъ привле-

кашельно, полныя груди воздымались подъ черными доконами и вырывались изъ подъ чернаго бархаша шакъ роскошно, что исполненнаго жизни и крѣпкаго юношу бросило опъ того въ жарь.

„Кандидашь на ваканшное мѣсто“ — сказала Министръ своей подругѣ: „посмотрите на него хорошенько, Белла, годился ли онъ?“

Глаза ея устремились на разгорѣвшееся лице юноши и долго покоились на немъ съ пламеннымъ выраженіемъ. Гвидо же пошупилъ взоры свои въ землю.

„Ежели это не переодѣшая дѣвушка“ — вскричала она шумливо: „то вѣрно вновь родившійся Амуръ. Поздравляю васъ съ такимъ приобрѣщеніемъ.“

„Вашъ оселокъ, на кошоромъ попробуемъ васъ:“ сказала Министръ, указывая на огромную кипу прошеній, валяющихся по полу: „возьмите съ собой эту груду; я лишь шолько приѣду опъ Государа, шо выслушаю вашу докладную о томъ записку.“

Угрюмо собралъ Гвидо всю кучу бумагъ, и, поднявъ ихъ, покачалъ головою.

„Разумѣешься, что вы должны изложить дѣло вкращць“ — сказала Министръ, понявшій его шѣлодвиженіе. „А шо вы, господа служители слѣпой Фемиды, обыкновенно

весьма распространяешься и дѣлаешься скучными, желая бытъ чрезъ мѣру почными. Я же люблю основательную крашкось: время есть самое драгоцѣнное для меня сокровище.“

Онъ сдѣлалъ новому Секретарю знакъ— выйши. Гвидо повиновался, и когда дверь за нимъ затворилась, онъ слышалъ еще, какъ Министръ шушилъ и смѣялся съ прекрасною Беллою.

„Вошь на что спрашивается драгоцѣнное время“ — сказалъ онъ вышедъ въ переднюю: — „но и то правда, что дѣвушка прелестна!“

„Бываютъ иногда и ошврашишельныя прелести!“ сказалъ Ральфъ, шедшій ему навстрѣчу и слышавшій это восклицаніе. — „Передъ такими должно бытъ весьма осторожнымъ. Непорочное сердце, каково ваше, заслуживаетъ, что бы при выборѣ любезной, вы нашли въ ней такую дѣл непорочность, потому что въ противномъ случаѣ жалко будешь промѣнять чистое золото на фальшивую монету.“

Невольно взглянулъ Гвидо на неюди-ма, положилъ руку на сердце, и хотѣлъ ужѣ клясться, что пригожая дѣвушка не поселила въ немъ никакихъ дурныхъ мыслей.

„Хорошо! хорошо!“ вскричалъ со смѣхомъ Ральфъ: „я ужѣ знаю, что вы хотите

скажешь; но дѣла говоряшь и того лучше. Спущайше теперь и обрабашайше хорошенько, чпо вамъ дано. А я между тѣмъ извиню васъ передъ госпожею ключницею, съ кошорою ошнюдь не должны вы ссориться.“

9.

Докладывая бумаги, споялъ Гвидо передъ Миниспромъ, кошорый, совсѣмъ уже пригошовась вхашъ на охосу, отъ неперивннхъ вершѣлся въ креслахъ. Между прошеніями находилось множество шребованій на Государственную казну, кошорыхъ всего болѣе его задерживали.

„Вы имѣете большой даръ излагашъ права эшихъ надѣдалъ весьма красно и убѣдительно“ сказалъ Миниспръ: „однако жъ оканчивайше скорѣ,“ прибавилъ онъ: „рѣшеніе мое на эши просьбы шаково, чпо всѣмъ ждашь, пока въ казнѣ будущъ деньги.“

„Ахъ, Ваше Превосходительство!“ вскричалъ Гвидо: „между ими ешь люди кошорые шочно заслуживающъ помощь: бѣдннхъ и отъ собшвеннаго добродушія обнищавшіхъ вдовы и сироты.“

„Но вѣдь я не могу же чеканить кожаной монешы, какъ въ осажденномъ городѣ“ — возразилъ Миниспръ вспыльчиво. „У насъ нѣтъ

шеперь денегъ, пошому невозможно удовле-
творить ихъ нынѣ же. Такъ шому и бышь!
далье!“

Тушь Гвидо положилъ предъ нимъ про-
ектъ мраморной купальни для дворцоваго
сада.

„Дорого будешь спойшь“ — сказала
Министръ, смотря на итоги — „но дѣлашь
дѣчего; зданіе великолѣпно и пошому пусть
его строяшь. Прикажише сдѣлашь нужное
распоряженіе по Казначейшву.“

„Развѣ нельзя было бы“ — замѣшилъ
Гвидо скромно: „вмѣсто шого помочь бѣд-
нымъ людямъ, кошорые шочно уже близки
къ отчаянію и нищенской сумѣ!“

Съ удивленіемъ взглянулъ Министръ на
снѣлаго юношу и сказалъ: „Мнѣ кажется,
вы вздумали дѣлашь возраженія; нельзя ли
обойтись безъ нихъ! — Далье, скорѣе кон-
чимъ!“

„Здѣсь придворный банкиръ Моозе пред-
лагаешь планъ для новыхъ подашей“ —
продолжалъ Гвидо печально: „и вызывается
взять ихъ на откупъ.“

„Покажише скорѣе“ — вскричалъ Ми-
нистръ, и пробѣжавъ разсчешъ, сказалъ: „въ
самомъ дѣлѣ, доходъ гораздо значительнѣе,
нежели я предполагалъ; эпошь Моозе на-
стоящее сокровище! Планъ хорошъ. Заго-

повыше немедленно указъ. Сего дня же поднесу къ подписанію Государю.“

„Такіе налоги кажутся мнѣ очень обременительными“ — возразилъ Гвидо: „сверхъ того, расчешь самый плутовской. Не лзя ли, чшобъ дѣло было прежде разсмотрѣно безприсрасшными и знающими людьми?“

„Вамъ приказано заготовить указъ“ — вскричалъ Министръ спрогимъ гдосомъ:— „далѣ!“

„Семь доносовъ на прпшсненія и несправедливости Главнаго Судьи“ — сказала Гвидо выразишельно.

„Эшотъ чловѣкъ постушаетъ уже слишкомъ не оспорожно!“ замѣшилъ Министръ: „повадись кувшинъ по воду ходишь, шамъ ему и голову положишь. Ошошлише къ нему эши жалобы, и дайше знашь подъ рукою, чшобъ онъ зашкнулъ горло крикунамъ, и чшобъ я не былъ наконецъ вынужденъ пошупишь съ нимъ худо.“

„Доказательства, приложенныя при прошеніяхъ, не оставяющъ никакого сомнѣнія въ безбожныхъ его поступкахъ“ — прибавилъ Гвидо: „и безсовѣстный эшотъ Судья долженъ бышь непременно пошребованъ къ ошвѣшу.“

„Ваша правда, молодой чловѣкъ“ — сказала Министръ: „но вы шупъ ничего не разумѣше. Мнѣ же Главный Судья извѣ-

спень. Если его пошребовашъ къ ошвѣшу, по я узнаю гораздо болѣе, нежели сколько бы желалъ, и долженъ буду лишиться его мѣста, чего, по весьма важнымъ причинамъ, сдѣлать никакъ нельзя.“

„Здѣсь есть еще проекшъ Главнаго Казначей“ — продолжалъ Гвидо: „о приведеніи Государспивенной казны въ порядокъ посредствомъ экономіи.“

„Посредствомъ экономіи?“ вскричалъ со смѣхомъ Министръ: „Казначей ли знаешь болѣе насъ!“

„Однако же проекшъ кажется весьма основательнень“ — возразилъ Гвидо: „позвольте предложить вамъ главные пункшы.“

„Ну, такъ и бытъ, чишайте, скучный человекъ!“ сказалъ Министръ, зѣвая.

Тутъ зашрубали внизу охотничьи рога, и съ двумя огромными борзыми собаками, кошорья съ ужаснымъ визгомъ бросились къ своему господину, вошелъ лейбъ-егерь съ докладомъ, что очень показался.

„Теперь нѣкогда“ — сказалъ Министръ, поспѣшно вскочивъ и схвативъ шляпу. „Сего дня вечеромъ займемся болѣе; если жъ я приѣду домой очень поздно: то завтра поупру. Любите ли вы охоту?“ прибавилъ онъ.

„Она часто служила мнѣ опдохнове-

ніемъ послѣ трудовъ“ — ошвѣчалъ Гвидо съ выразишельносью.

„Такъ можете вхашь со мною“ — сказала Миниспръ: „посмотримъ, какъ-шо управляєше вы оружіемъ!“ И окруженный скачущими собаками, вышелъ онъ съ громкимъ, веселымъ восклицаніемъ. Гвидо долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, и наконецъ съ негодованіемъ вскричалъ: „жалкое Государство! О еслибы я былъ Государемъ!“

10.

На другое упрю, когда Гвидо вошелъ въ пріемную Миниспра, тамъ ужé стояли: блѣдный, сгорбившійся человекъ, въ черномъ судейскомъ кафтанѣ и съ удрученнымъ горестію лицемъ; щеголь въ маленькихъ оспроносыхъ башмачкахъ и дорогой епанчѣ съ киснями; и краснощокій шолспякъ въ шипойъ золошомъ плашьѣ. Всѣ они желали говорить съ Миниспромъ. Гвидо немедленно доложилъ объ нихъ, и осаниспый вельможа вышелъ.

„Что вамъ угодно?“ спросилъ онъ сухо у Судьи.

„Я служу Государю ужé тридцать лѣтъ“ — ошвѣчалъ онъ съ чувствомъ своего достоинства: „должность, мною зани-

маемая, весьма не выгодна и не можете удовлетворять потребностям моего семейства. Здесь упразднилось место областного Судьи; я искалъ его для себя, но господин Намѣстникъ ко мнѣ не расположенъ, и по его представлению, Ваше Превосходительство изволили отказать мнѣ въ моей просьбѣ, почему осмѣлился я еще однажды беспокоить васъ лично. Ежели вы соблаговолите прочесть эти свидѣтельства, они удостовѣрятъ васъ, что я заслуживаю повышение сколько же, сколько имѣю въ немъ нужды.“

„Я давно знаю, что вы исправный и полезный чиновникъ“ — отвѣчалъ Министръ съ замѣшательствомъ: „но место, котораго вы ищете, совершенно лишнее и теперь можете оставаться незамѣщеннымъ.“

„Эпо слова Намѣстника“ — возразилъ съ жаромъ Судья: „но ежели Ваше Превосходительство поспрудитесь изслѣдовать, тогда откроется, что я имѣю соперниковъ.“

„Я долженъ вѣрить Начальникамъ больше, нежели ихъ подчиненнымъ“ — вскричалъ Министръ съ неперпвнѣемъ: „и ежели эпо место понадобится когда нибудь замѣстишь, то сыщется для того и достойный чиновникъ. Весьма сожалею, что на сей разъ не могу ничего для васъ сдѣлать;

но подождише, при первой ваканціи я объ васъ вспомню.“

„Мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ отъ роду“— сказалъ огорченный Судья: „лучшее время моей жизни и юношескія силы посвятилъ я на службу моего Государя. И шакъ нельзя винить меня за то, что желаю достигнуть цѣли еще въ то время, когда я въ силахъ еще содѣйствовать благу ошечества. Думаю, кто въ маломъ кругу шакъ долго и честно исправлялъ свою должность, шопъ довольно доказалъ уже, что онъ достоинъ управлять большимъ.“

„Вы все ссылаешесь на усердіе и вѣрность вашу по службѣ“— съ сердцемъ возразилъ Министръ; „но это можете наконецъ наскучить. То, что вы дѣлали, былъ долгъ вашъ; вознагражденій за исполненіе обязанности должно не шребовать, а ждате, какъ милости.“

Судья бросилъ умоляющій взоръ на небо, низко поклонился и вышелъ.

Министръ глядѣлъ ему въ слѣдъ, поширая лобъ, и желая какъ будто бы изгладить непріятное впечатлѣніе; потомъ обратился къ щеголю, которій подошелъ къ нему припрыгивая, и отшвысивъ нѣсколько танцмейстерскихъ поклоновъ, сказалъ, пришепывая: „Вторично прихожу засвидѣтель-

спововашъ Вашему Превосходительству мое глубочайшее почтение.“

„Крайне сожалью, что не могу ничего для васъ сдѣлать, Государь мой“ — отвѣчалъ Министръ ласково. „Перестаньте думать о судейскомъ кафтанѣ; для этого надобно имѣть познанія и многолѣтній опытъ, а вы сами знаете, какой большой недостатокъ имѣете вы въ томъ и въ другомъ.“

„Мапушка моя будетъ въ опчаяніи, ежели пущь къ почестямъ мнѣ заградится“ — горестно пропѣлъ молодой человекъ.

„Весьма сожалью“ — отвѣчалъ Министръ рѣшительно: „и хотя мнѣ очень хочется возвысить васъ, но только не такимъ образомъ.“

„Можетъ быть поручительство, заключающееся въ этой бумагѣ, будетъ за меня ходатайствовать“ — сказалъ Франсъ, подавая Министру письмо съ огромною печашью.

„Ошь Графа Убальда?“ вскричалъ сей въ удивленіи; разломилъ печашь и читалъ — „зачѣмъ упреждали вы Графа, а чрезъ него и меня?“ спросилъ онъ сердито. „Съ вашей стороны весьма безразсудно добиваться такого мѣста, для котораго еще не довольно выросли.“

„Если только мнѣ будетъ поручена эта должность“ — говорилъ умоляющимъ голосомъ щеголь: „по я буду держашь при себѣ искуснаго письмоводителя.“

„Ну, такъ адресуйшесь къ Намѣстнику!“ вскричалъ Министръ съ досадою: „а я сего дня же переговорю съ нимъ; но повторяю вамъ: не введишє меня въ дураки вашими глупостями, иначе я васъ заспаваю раскаивающься!“

„Чувствительнѣ благодарю!“ воскликнулъ въпреникъ, вѣ себя ошъ радости, и поскакалъ за двери.

„Эшшъ Графъ когда нибудъ погубишъ меня своимъ ходатайствомъ за негодяевъ!“ ворчалъ Министръ, подходя къ полстяку.

„Ошкупъ мой“ — сказалъ сей съ рабскимъ подобоспраспемъ: „въ будущемъ мѣсяцѣ кончшсь, и я пришель умоляшъ Ваше Превосходительство, оставишъ его за мною еще на одно десятильшє.“

„Ежели вы увеличите за него цѣну, почему не такъ?“ — ошвѣчалъ Министръ, улыбаясь: „а шо очевидно, что до сихъ поръ вамъ легко было содершашъ его.“

„Худыя времена“ — со вздохомъ продолжалъ полстякъ, спараясь прикишъ на себя жалкй видъ: „а гошовъ присягнушъ, что въ послѣднйя пять лѣшъ потерѣлъ

большой убытокъ. Однако же, не смотря на то, прибавлю на каждый годъ ста по два гульденовъ, въ надеждѣ, что цѣна на хлѣбъ, можешь бышь, опять возвысится, и я возвращу мою потерю.“

„Что вы говорите!“ вскричалъ Министръ: „намъ давали уже гораздо большія цѣны; и потому объ этой я не смѣю даже и говорить Государю.“

„Однако же все зависить отъ того, какъ Ваше Пр-во благоволите доложить“ — продолжалъ опкущикъ, низко кланяясь: „Какую выгоду подучить казна, ежели опкушь будетъ отдана какомунибудь хвасуну, которъй, разоря и опустоша всѣ мызы, наконецъ скроется самъ? Во мнѣ же имѣете вы честнаго, вѣрнаго хозяина, которому известно уже дѣло по десятилѣтней опытности.“

„Я уже сказалъ“ — возразилъ Министръ: „что этому не бывать!“

„Ваше Превосходительство безъ сомнѣнія еще умилостивившесь“ — продолжалъ не терявшій надежды опкущикъ: „для того я завтра еще буду упруждать вашу милость. Сего дня же долженъ исполнить другую обязанность. Я имѣлъ счастье быть вашимъ заимодавцемъ; но какъ вчера вы изволили прислать мнѣ тысячу гульденовъ обратно

и съ проценшами: шо я и принесъ вапъ
вексель и квшанцію въ исправномъ полу-
ченіи денегъ.“

„Какъ? что?“ вскричалъ удивленный
Миниспръ, не принимая бумагъ, подавае-
мыхъ опкупщикомъ; но когда сей кивнулъ
ему, значительно улыбаясь: шо казалось,
какъ бы нѣкій свѣтъ озарилъ его, и онъ,
милоспиво усмѣхнувшись, принялъ бумаги,
говоря: „да, да, хорошо, благодарю васъ!“

„Само по себѣ разувѣшься, что сверхъ
того за ходайство ваше по моему дѣлу,
принесу я особенную благодарность“ —
прошепшалъ ему опкупщикъ и поклонился
почти до земли.

„Посмотримъ!“ сказалъ Миниспръ лас-
ково: „сегодня предварю я Государя, а зав-
тра, какъ вы прійдете ко мнѣ, шо погово-
римъ о шомъ подробнѣ!“ —

„Да сохранишъ васъ Господь Богъ для
блага Государства!“ — вскричалъ восхищен-
ный опкупщикъ; и съ торжествомъ вышелъ.

„Что вы должны молчать о подобныхъ
разговорахъ, эшого не щипаю я нужнымъ
повторять вамъ“ — сказалъ тогда Ми-
ниспръ, обращаясь къ Гвидо: „звание Секре-
шаря, кошорое вы носите, означаетъ уже
вашу обязанность хранить тайны вашего
начальника.“ — Сказавъ, понесъ онъ бумаги

въ кабинетъ; а Гвидо, оставшись одинъ, пощаль съ досады ногами: „Какой спрамъ!“ говорилъ онъ: „въ какихъ негодныхъ рукахъ находишься бѣдный Государь и несчастное Государство!“

II.

Въ шайномъ Государственномъ Архивѣ, куда Гвидо получилъ доступъ, скоро приобрѣтенною довѣренностью перваго Министра, сидѣлъ онъ, зарывшись въ бумагахъ и неушомимо шрудился. Тутъ кто-то постучался въ дверь, и—крадучись, вошелъ видный изъ себя мужчина, — величественное, умное лице котораго вовсе не согласовалось съ плашьемъ просшаго гражданина, въ которое былъ онъ одѣтъ.

„Я Секретарь шого Посланника, которъй вчера прибылъ въ здѣшнюю столицу“ — сказалъ вошедшій: „и прокрался сюда въ этой одеждѣ единственно для шого, что бы поговорить съ вами ошкровенно.“

„Я еще вчера имѣлъ честь видѣть Ваше Превосходительство“ — ошвѣчалъ Гвидо, учшиво кланяясь: „и щощчасъ узналъ васъ. И шпакъ прошу сказать мнѣ прямо, безъ ошличностей, что вамъ ошъ меня угодно?“

„Ошъ вашихъ глазъ ни что не укрываешся,“ съ улыбкою возразилъ Посланникъ. „Тшь

*

лучше; мнѣ пріятно имѣть дѣло съ умными людьми. Выгода, за копорую ручаетесь глупость иныхъ, не вознаграждаетъшой скуки, какую они наводятъ; умному же довольно одного слова, и пошому съ вами пошчасъ за дѣло. — Въ этомъ Архивѣ хранится давнишній договоръ о наслѣдствѣ, заключенный между домами царствующиыхъ нынѣ Государей нашихъ; по смерти бездѣшнаго Короля вашего эшотъ договоръ возимъешъ всю свою силу. Но Первый Министръ хочетъ скрыть его опъ насъ. Выдайте мнѣ договоръ, и назначьте за него цѣну, какую вамъ будешъ угодно.“

„Какое предложеніе осмѣливаетесь вы мнѣ дѣлать!“ вскричалъ Гвидо, и глаза его засверкали.

„Вы вѣрно хошите сначала нѣсколько поупрямиться“ — возразилъ хладнокровно Посланникъ: „чтобъ шѣмъ увеличишь цѣну вашей услуги. Я нахожу эшо весьма естественнымъ; но подумайте, что время дешишь; не задерживайте меня долго.“

„Вы должны бышь самый безсовѣстный человекъ“ — закричалъ Гвидо: „когда полагаете невозможнымъ встрѣишь благородную душу.“

„Требуите смѣло всего, чего полько желаете эша благородная душа“ продолжалъ

Посланникъ спокойно. „Я имѣю неограниченную власть предложить вамъ все: сумму, могущую обогатить васъ на всю вашу жизнь; весьма доходныя мѣста, военныя и спашскія; дворянское достоинство, чины и лучшія помѣстья; словомъ, всѣ блага земныя цѣлаго Государства раскрываю предъ вами: вамъ сподѣшъ только выбирать.“

„Я уважаю еще права Посланника“ — со скрежетомъ зубовъ сказала Гвидо: „и потому не мучьте меня долѣе; иначе я забуду всю благоприсойность.“

„И дерево не ломится при первомъ порывѣ вѣтра“ — пробормошала Посланникъ, удалясь: „послѣ мы поговоримъ поболѣе.“

Долго не могъ Гвидо утишить внутренняго волненія, произведеннаго въ немъ предложеніемъ Посланника. Наконецъ удалось ему успокоиться, шакъ, что оныишь могъ онъ держащъ въ рукахъ перо; но шумъ постучались вторично, и когда онъ ошперъ, женщина среднихъ лѣтъ предстала ему съ удрученнымъ горестью лицомъ и четверыми плачущими дѣтьми.

„Такъ!“ вскричала она: „на этомъ благородномъ лицѣ написано соспраданіе. О, вы не заставите умолять себя щещно!“

„Что вамъ угодно, сударыня?“ спросилъ шронущый Гвидо. „Ежели просьба ваша не

прошивна моимъ обязанностямъ, я гошовъ служишь вамъ.“

„Мужъ мой“ — говорила она, рыдая: „какъ представившеть народный, по долгу своему защищая въ Королевскомъ Совѣтѣ права гражданства и увлеченный сильными чувствованіями, не соблюлъ должной умеренности въ словахъ; на него донесли, будто бы онъ поносилъ Государя и угрожалъ бунтомъ, и за шо онъ осужденъ на вѣчное заключеніе въ шемницъ, гдѣ спраждешъ уже болѣе мѣсяца.“

„Горестна участь ваша“ — отвѣчалъ Гвидо: „и я сердечно объ васъ сожалею; но скажише, чѣмъ могу я помочь вамъ?“

„Дославъше мнѣ свиданіе съ господиномъ Миниспромъ“ — сказала несчастная: „и я брошусь съ сиротами моими къ ногамъ его!“

„По важности обвиненій, онъ вѣроятно не можешь самъ собою исполнить просьбы вашей“ — возразилъ Гвидо: „и пошому обратитесь лучше прямо къ Государю.“

„Боже мой! я уже пробовала эшо нѣсколько разъ; но нѣтъ никакой возможности пробраться до него сквозь шолпу окружающихъ его шѣлохранишелей и придворныхъ; при шомъ же первый Каммергеръ, величайшій врагъ моего мужа.“

„Я боюсь, что и у Министра вы не получите желаемого успѣха.“

„Однакоже надѣюсь; хотя о господинѣ Министрѣ и говоряшь довольно дурнаго; но должны же быть у него такіе часы, когда онъ бываешь въ добромъ расположеніи духа, и ежели мнѣ посчастливилось попадешь на одинъ изъ такихъ часовъ, тогда можешь быть удастся прошивъ воли испоргнушь у него прощеніе.“

„Хорошо, пойдёмте“ — сказала Гвидо рѣшительно, и повель ее вмѣстѣ съ дѣшми въ приёмную. „Назадъ!“ закричалъ ей попавшійся навспрѣчу камердинеръ, заслоняя дорогу: „баринъ уже при раза приказывалъ мнѣ не допускать васъ къ нему, и я потеряю мѣсто, ежели хоть однажды еще осмѣлюсь ему доложить объ васъ.“

„Я самъ представлю ее,“ возразилъ Гвидо: „и всю отвѣстственность беру на себя.“

Камердинеръ посторонился, нахмурился, и Гвидо повель печальное семейство прямо въ кабинетъ Министра.

„Что вамъ надобно?“ сказалъ онъ входящей женщинѣ съ неудовольствіемъ. „Милости!“ вскричала она, упавая къ ногамъ его; „милости!“ кричали дѣши, обнимая его колѣна.

„Встаньте—чего вы хотите отъ меня?“ прервалъ вельможа съ состраданіемъ,

кошорое щетно спарался екрьшь, и шихо ошшаквивая ошь себя маюшокъ.

„Милоспи для моего несчастнаго мужа!“ восклицала, рыдая, просительница.

„А! шакъ вы жена шого буншовщика,“ закричала съ пришворнымъ гнѣвомъ Министръ: „кошорой я уже шри раза ошказывалъ, пошому, что судъ долженъ производиться безпрепятственно. Какъ осмѣлились вы явно напасть на меня въ собственныхъ моихъ комнашахъ?“

„За это сердитесь на одного меня, милосшивый государь“ — ошвѣчала Гвидо съ швердоспю. „Я самъ вызвался ввести ее къ вамъ; сердце мое разрывалось ошь жадоспи.“

„Дерзкій!“ вскричала Министръ, и съ нецзавѣшнымъ ему дошолъ сердечнымъ движеніемъ глядѣль на дѣшей, со слезами обнимавшихъ его колѣна.

„Самимъ Богомъ возведенъ вы на сію с лень“ — сказала женщина: „на ней должны предшавляшь видимый образъ Его въ ошечествѣ нашемъ; но Богъ ещѣ Богъ любви: О! послѣдуйте Его Божественному примврѣ: возвращите свободу честному чедовѣку, кошорый не по злобѣ, но по безразсудности сдѣлался диновнымъ; возвращите его безупѣшной женѣ и несчастнымъ дѣшямъ. Благодаршвенныя молишвы избавленной невинц:

ности возносящаяся прямо туда — превыше облаковъ, и слово милости, произнесенное здѣсь, сильно будешь ходатайствовать за васъ шамъ, когда вы сами предстанете Престолю Всевышняго.“

„Откуда берется у вшой женщины такое краснорѣчіе?“ воскликнулъ въ полголоса Миниспръ, украдкою оширая выкашившуюся слезу.

„Изъ обливающегося кровію сердца вѣрной супруги и чадолюбивой матери“ — ошвъчала она, омывая слезами его руку: „и изъ прекрасной восхищительной надежды на великодушіе перваго чловѣка въ Государствѣ.“

„Загошовъше указъ объ освобожденіи!“ вскричалъ расшроганный Миниспръ своему Секретарю.

Тутъ Гвидо упалъ шакже къ ногамъ вельможи, подлѣ восклицающаго ошъ радости семейства, и съ восхищеніемъ прижалъ руку его къ губамъ своимъ.

„Вы добрый малой,“ — сказалъ Миниспръ, глядя его по головѣ: „однако же, чшобы намъ не поссориться: впередъ берегитесь подобныхъ проказы!“

12.

Указъ объ освобожденіи былъ подписанъ и исполненъ. Гвидо, шодько чшо вырвав-

шійся изъ обьяшій избавленнаго опца семейства, сидѣлъ въ своей комнатѣ, и чувсва распротаннаго сердца изливаль въ мелодическихъ тонахъ гитары, воспѣвая свободу сельскихъ обитателей и независимость ихъ сердець. Тутъ что-то зашевелилось въ дверяхъ: прелестная головка горничной дружески кивала ему изъ за двери.

„Одни ли вы?“ спросила горничная, и въ ту же минушу явилась передъ нимъ.

„Госпожа моя“ — сказала она: „слышала прекрасную игру вашу, и желаетъ восхищаться ею вблизи. Ей шеперь ужасно скучно; господинъ Министръ уѣхаль во дворець; она просить васъ, своимъ присутствіемъ и талантами нѣсколько разсѣять грусть ея.“

Въ продолженіе этой рѣчи, воображеніе Гвидово рисовало ему поршрешъ прекрасной Беллы самыми живыми красками, а чувствительность его глядѣла на это прелестное изображеніе пылающими глазами. Съ восхищеніемъ перебросилъ онъ черезъ плечо гитару свою, и однимъ прыжкомъ очутился на лѣсницѣ, слѣдуя за своею пушепроводительницею. Но вдругъ схватила его сильная рука и потащила къ окну корридора: это былъ Ральфъ. „Прилежно ли читали вы Библию?“ спросилъ онъ его строго.

„Что значить эшоть странный вопросъ?“ вскричала Гвидо съ нешерпвнємъ, глядя на служанку, ожидавшую его уже у дверей Беллиныхъ комнащъ.

„Знаете ли вы исторію Іосифа прекраснаго и жены Пентефрія?“ продолжалъ Ральфъ. „Эшо одно изъ разительнѣйшихъ повѣствованій Священнаго Писанія. Если вы уже идете шуда, куда приглашены, шо помните по крайней мѣрѣ эшу исторію и шо, что я вамъ говорилъ объ отвращительныхъ прелесняхъ!“

Сказавъ, онъ спустилъ юношу, который, какъ изъ лука стрѣла, пустился въ слѣдъ за горничною. Лукаво улыбаясь, открывала она ему дверь въ диванную, гдѣ опущенныя кармазиннаго цвѣта занавѣсы разливали пріятный свѣтъ вечерней зари. Тутъ сидѣла прекрасная Белла, размешавшись на великолѣпномъ диванѣ; ушренная, какъ снѣгъ, бѣлая одежда ея, подобно воздушной шкани, обвиваясь около прелесныхъ членовъ, скрывала опъ жадныхъ взоровъ пылаго юноши, сколько нужно было, чтобы еще болѣе воспламенить воображеніе догадкою о сокровенныхъ прелесняхъ. Въ безмолвіи споялъ обвороженный Гвидо предъ великолѣпнымъ образцемъ красоты, глаза его помрачились и невольный шрепешъ разлился по членамъ.

„Благодарю васъ, милый Гвидо, что вы исполнили мою просьбу“ — сказала преле-спница: „сядьте подлѣ меня и повторите шу пѣсню, кошорую прервада я шакъ невѣжливо.“

При сихъ словахъ мягкая, прелеспная рука шянула его на диванъ, и неизъяснимо пріятное ощущение объало всю душу его. Какъ бы шребуя помощи, обратился онъ взоры къ дверямъ; но онъ были запершы, и опышная служанка уже скрылась.

„Пойте, любезный Гвидо!“ — сказала Белла, положивъ руку на плечо, и огонь пробѣжалъ по его жиламъ. — Онъ началъ пѣснь свободъ, кошорая казалась ему шеперь уже нелѣпостію, и фальшивые шоны невольнo вкрались въ игру его.

„Слова прекрасны и сильны“ — говорила помнымъ голосомъ Сирена: „музыка ваша масшерская; но скажите мнѣ“ — продолжала она: „вѣрите ли вы тому, что пѣли и дѣйшвишельно ли это сердце еще свободно?“

Гвидо, испугавшись шакого вопроса, хотѣлъ было ошвѣчать ушвердительно; но прежде нежели успѣлъ это сдѣлать, прелеспная ручка, покоившаяся на его плечѣ, об-видась окодо шеи, и быспрые черные глаза глядѣли на него съ шакою жадностію, какъ

будто бы хотѣли испоргнуть душу изъ шѣла; онъ, запинаясь, съ опущенными взорами и зардѣвшимися щеками, произнесъ: „сердце мое до сего часа было еще свободно.“ — „О, я счастливица!“ вскричала она внѣ себя отъ радости и съ изжностью прижала къ груди своей юношу, ушопавшаго въ сердечномъ упоеніи. Гипара, выпавъ изъ рукъ его, ударилась объ полъ, и зазвучавъ, казалось, издавала шоны надгробной пѣсни погибающей невинности.

„Божественное твореніе!“ вскричалъ онъ, обнявъ искусительницу съ мужескою силою и спрассію крѣпкаго юноши.

Но она тихо отшолкнула его отъ себя. „Ты любишь меня, Гвидо, шепшала она: и въ моемъ сердцѣ шже пылаешь съ неисшощимою силою жаръ первой любви; чувствую, что не могу болѣе тебѣ прошивиться; но кто мнѣ поручишся, что не одно только чувственное удовольствіе повергаетъ тебя въ мои объятія? Дай мнѣ доказательство, что любовь швоя способна къ принесенію жертвы, и я швоя во всемъ смыслѣ слова.“

„Требууй моей жизни!“ вскричалъ внѣ себя Гвидо: „всѣ блага земныя и небесныя ошдамъ за любовь швою.“

„Принеси мнѣ документъ, кошорый желаетъ имѣть у себя сосѣдній дворъ“ — ска-

зала ему въ поголося прелестница: „чтобы я могла соснавишь швое и мое счастье.— Мы убъжимъ ошсюда, и въ безопасности, проходя по пуши, усъянному цвѣшами, ежедневно будемъ вкушашь свѣжіе плоды съ неувидаемаго древа любви.“

Тутъ добрый, чесный Гвидо опомнился: слова сн, подобно хладному свверному въпру, разсѣяли волшебный шуманъ, омрачавшій его чувства. Онъ вдругъ пришелъ въ себя ошъ упоенія, и увѣренность, что прекрасная Белла желала не любви его; но шолько исполненія своихъ намѣреній, преврашила пламенную спрасшь въ величайшее презрѣніе.

„Такъ вопшь ваша цѣль!“ сказалъ онъ съ обиднымъ хладнокровіемъ: „вы ошиблись во мнѣ, сударыня, пакже, какъ и я въ васъ. Для презрѣннаго наслажденія, никогда не измѣню моему Государю и моимъ обязанностямъ.“

Онъ хошълъ удалиться; но Белла, вскочивъ, обхватила его обѣими руками, прижала къ груди своей, осыпала поцѣлуями и со спнономъ умоляла выслашашь.

Но онъ съ грубостію схватилъ прелестныя руки, и всѣми силами спарался освободиться изъ ея объятій; во время эшой спранной борьбы, дверь съ шумомъ ошворилась, и Миниспръ вошелъ въ комнату. —

„Неблагодарные!“ закричалъ онъ и до половины выдернулъ свою шпагу; но, опомнясь, опять вложилъ ее въ ножны и сказалъ: „мщенія моего вы недоспойны; но я накажу васъ за подлую измѣну.“

„Проспите!“ закричала Белла въ отчаяніи, и ломая руки, бросилась къ ногамъ его. Но раздраженный Министръ сильно отшодкнулъ ее отъ себя и въ бѣшенствѣ выбѣжалъ вонъ. „Я погибла, ежели не примирюсь съ нимъ!“ — вскричала преступница, рыдая, и кинулась въ слѣдъ за раздраженнымъ вельможею. Гвидо стоялъ, какъ прикованный, посреди комнаты.

„Иосифъ и жена Пеншефрія!“ говорилъ онъ самъ въ себя. „Предостерегашель былъ правъ, а я легкомысліемъ своимъ навлекъ на себя гибель; но несчастіе, могущее меня постигнутьъ, ничто въ сравненіи съ чувствомъ стыда и раскаянія въ собственной слабости.“

13.

Гвидо былъ запертъ, по приказанію Перваго Министра, въ своей комнатѣ; двери сперегли два егеря, и онъ имѣлъ полную свободу разсуждать о случившемся. Вскорѣ перешель онъ отъ обвиненія самого себя къ

обужденію чужихъ слабостей. „Если бы я былъ Государь“ — вскричалъ онъ наконецъ: „шо не позволилъ бы ни себѣ, ни своему Министру имѣть подобныхъ пріятельницъ. Опъ желанія вмѣшивавшся въ политическія дѣла, благосостояніе цѣлаго Государства можеть быть подвержено приходамъ презрѣнной женщины; и не всегда оскорбленное самолюбіе приходишь на помощь къ слабой добродѣтели.“

„Эй! эй!“ — раздалось за дверью, и Ральфъ очутился передъ Гвидо, грозя ему пальцемъ: — „вы приводите меня въ большое затрудненіе, молодой человекъ“ — сказалъ онъ: „неужели вы думаете, что у меня шолько и дѣла, что выпушывавъ васъ изъ сѣней, въ кошорыя лѣзете вы съ открытыми глазами? Я предостерегалъ васъ, но вы не послушались, и за шо должны бышь наказаны.“

„Если бы вы все знали, любезный другъ“ отвѣчалъ Гвидо съ пошупленными глазами: „шо увидѣли бы, что я не шакъ винованъ, какъ кажеться съ перваго взгляда.“

„Я знаю объ этомъ негодномъ умыслѣ болѣе, нежели думаете“ — возразилъ со смѣхомъ Ральфъ: „и при всемъ томъ ни сколько не извиняю васъ. Если бы вы съ гишарою, вмѣсто мягкаго дивана, чинно

свли на спулъ и прошивъ, а не подлъ прекрасной дѣвушки; если бъ вы были болѣе учтивы и хладнокровны, какъ и должно честиному и вѣрному Секретарю, то жена Пеншефрія вышла бы наконецъ изъ шептвнїя. Но кто добровольно вдаешся въ опасность, шопъ по дѣламъ и погибаетъ.“

„Вы правы“ вскричалъ Гвидо съ неперпвнїемъ: „но вы забываете разность въ лѣшахъ и опытности.“

„Ну, шеперь уже все забыто“ отвѣчалъ Ральфъ: „я объявилъ вамъ шолько мое мнѣнїе, и у меня оплегло на сердце; шеперь же сообщу вамъ нѣчто о вашемъ освобожденїи. Я напалъ на Министра со всѣхъ сторонъ, при чемъ друзья мои, приврашникъ, ключница и камердинеръ, мнѣ много помогали. Но и эшихъ должно было сначала помирить съ вами; вы ошъ гордосши совсѣмъ ихъ позабыли. Мы потеряли много шрудовъ краснорѣчїя прежде, нежели успѣли нѣсколько смягчить раздраженнаго Министра. Правда, онъ и шеперь еще сердится за шушку, кошорую вы съ нимъ сыграли; однако первое бѣшенство уже прошло. Онъ шолько не хочетъ болѣе васъ видѣть, и полагаетъ, что вы способнѣе бытъ воиномъ, нежели Секретаремъ; почему всшуните лучше въ

Королевскую армию и сего дня же присягнише подъ знаменами.“

„Слава Богу!“ радостно вскричалъ Гвидо: „давно уже хотѣлось мнѣ освободиться отъ несносныхъ для меня письменныхъ дѣлъ; благословляю несчастный случай, испоргающій изъ рукъ моихъ ненавистное перо. Военное ремесло, по своей свободѣ и беззаботливости, съ самаго младенчества нравилось мнѣ болѣе всякаго другаго. Наконецъ можно мнѣ будешь свободно говорить и дѣйствовать при встрѣчѣ съ негодяями.“

„Поишите, молодой мечтатель!“ сказала Ральфъ: „вы забываете подчиненность по службѣ; шяжесъ эгихъ оковъ обременяешь военныхъ болѣе нежели кого-либо; вы забываете, что военные шакже люди, и часто съ болѣшими прошивъ другихъ слабостями. Впрочемъ я весьма радъ, что вамъ нравится это состояніе, и чтобы еще болѣе утвердилъ васъ въ вашей рѣшимости, скажу, что Цено не только позволяетъ, но даже весьма желаетъ, чтобы вы сдѣлали эшошъ шагъ.“

„Какъ! и Цено?“ спросилъ Гвидо съ удивленіемъ: „развѣ онъ хочешь познакомить меня со всѣми состояніями, чтобы въ каждомъ изъ нихъ я научился презирать людей?“

„Знашь не значишь еще презирашь“ — возразил Ральф: „ежели опытный человек видишь въ своихъ собратахъ что либо дурное, то чувствиво собственныхъ недоспашковъ должно дѣлать его снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ; и даже гнѣвъ прошиву порочныхъ долженъ онъ обращать въ благородное рвеніе помогать и по возможности искоренять зло. Впрочемъ человеконаніе само по себѣ есть уже величайшее сокровище, и я полагаю, что вы собственными опытами собрали порядочный запасъ, который въ продолженіе жизни можешь вамъ пригодиться.“

„Но что же наконецъ изъ меня будешь?“ спросилъ Гвидо съ испытующимъ взоромъ.

„На эпошь вопросъ“ — сказала Ральфъ значительно: „получите, какъ говоритъ Цено, оловъшь ошь одной шолько будущности вашей.“

„Сшранно!“ воскликнулъ Гвидо; и пошелъ за своимъ освободителемъ.

14.

„Славный молодець!“ вскричала Капитанъ гренадерской роты, предъ которымъ стоялъ опредѣляющійся въ службу Гвидо: „высокъ, сшроенъ, и огонь блискаетъ въ гла-

*

вахъ. Сержантъ! запиши его скорѣ въ роту; обмундировавъ, возьми къ себѣ на квартиру и завтра же начни учить ружью.“

„Это не нужно, господинъ Капишанъ“ — возразилъ Гвидо: „еще въ ребячествѣ оружіе было любимѣйшимъ моимъ занятіемъ: одинъ охшавной солдашъ выучилъ меня всѣмъ пріемамъ и оборонамъ.“

„Между дѣтскою игрою и настоящимъ ученіемъ большая разница“ — отвѣчала Капишанъ: „завтра ты узнаешь это на опытѣ.“ — „Маршъ! закричала грубо сержантъ, медовольный возраженіемъ новичка; но Гвидо, непривыкшій къ подобному обращенію, взглянулъ на него столь гордо и важно, что шопъ неволью ошступилъ назадъ.“

„Лишь только старшій тебя скомандуешь тебѣ маршъ“ — сказала Капишанъ: „пу же минушу долженъ ты поднять ногу, и уже одинъ такой взглядъ, какой ты бросилъ на сержанша, называется у насъ ослушаніемъ.“

Гвидо тяжело вздохнувъ, низко поклонился Капишану, и пошелъ за сержаншомъ въ его квартиру. Капишанъ засмѣялся ошъ всего сердца.

У входа стояла шолпа, болъшею частію крещанъ, съ курами, съ голубями, съ корзинками яицъ, съ кринками масла и мѣшками

муки. Всѣ они пошннулись въ слѣдъ за сержанпомъ въ его горницу, гдѣ каждый говорилъ ему что-то на ухо, и смотря по сошвенію, подносилъ по или другое. Сержанпъ, поереди толпы сей, стоялъ какъ царь, дающій свои рѣшенія: здѣсь соглашался, тамъ отказывалъ, шуть сердился, шамъ общалъ, и взоры бѣдныхъ мужиковъ были устремлены на него со страхомъ и надеждою. Наконецъ всѣ просьбы были выслушаны, даны рѣшенія, просителы отпушчены, и Гвидо остался одинъ съ сержанпомъ и гренадеромъ, лежащимъ на скамьѣ.

„Не оброкъ ли эпо, кошорый вамъ поручено собирать на Государа?“ спросилъ въ проспомъ своего сердца недогадливый Гвидо: „въ шакомъ случаѣ крайне объ васъ сожалѣю: подобное заняшіе должно бытъ весьма неприятно храброму солдапу.“

При сихъ словахъ гренадеръ захохоталъ во все горло, а оливковое лице сержанпа побагровѣло отъ злосши. Долго и злобно глядѣлъ онъ на бѣднаго юношу, спокойно устремившаго на него свои взоры. Наконецъ онѣмвнній отъ бѣшенства языкъ его получилъ употребленіе: „эта насмѣшка не пройдетъ шебъ даромъ, молокососъ!“ съ ругательствомъ закричалъ онъ: „знай, негодный мальчишка, что у меня есть средства

выбишь изъ себя охоту чешать языкъ.“
Выговоривъ это, онъ въ бѣшенствѣ выщелъ
вонъ.

„Не съ ума ли ты сошелъ, товарищъ?“
спросилъ гренадеръ у Гвидо: „что не успѣвъ
еще въ рошѣ осмопрѣшься, вздумалъ шакъ
ошподчивать нашего сержанша. Будь увѣ-
ренъ, онъ шакъ тебѣ за эту шушку ошпла-
титъ, что ты вѣкъ будешь помнить.“

„Я не понимаю, чего вы оба опъ меня
хошите“ — сказалъ Гвидо печально: „у меня
и на умѣ не было никакой насмѣшки. Я
очень учшиво спросилъ сержанша о шомъ,
чего не разумѣлъ, и не могу понять, за что
онъ шакъ разсердился.“

„Какъ ты глупъ!“ вскричалъ со смѣ-
хомъ солдашъ: „не ужели ты не могъ дога-
даться, что все это небольшіе подарки.“ —

„Подарки? за что?“ спросилъ Гвидо, вы-
шаращивъ глаза. „Ужасно глупъ!“ вскричалъ
гренадеръ: „развѣ ты не видишь, что Ка-
пишану невозможно обо всемъ самому за-
боишься и что, собственно говоря, сер-
жаншъ въ рошѣ естъ первая особа; съ нимъ
всякой боишься разладить, и пошому род-
ственники солдашъ, а особливо молодыхъ
рекрушъ, спараюшся задобритъ его всемъ,
что имѣюшъ.“

„Я все еще не вижу, что могъ бы онъ имъ сдѣлать, если бы его и ничѣмъ не подарили“ — возразилъ Гвидо.

„Ты уже черезъ чуръ непоняшливъ!“ сказалъ гренадеръ съ сердцемъ: „развѣ онъ не можешь всячески припѣснять ихъ и бить на ученѣ? развѣ не въ его власти обносите ихъ предъ Капишаномъ и навлекать большія наказанія? а домовые оппуски и чисныя опсшавки, развѣ не черезъ его идутъ руки?“

„Такъ онъ бездѣльникъ!“ вскричалъ Гвидо съ негодованіемъ.

„Поди говори это ему самому, ежели есть охота околошь подъ палками“ — сказалъ гренадеръ и вышелъ вонъ.

„Боже мой! въ какія опяшь попалъ я руки!“ вскричалъ Гвидо въ уныніи.

15.

На другой день Гвидо съ ружьемъ на плечъ стоялъ на плацъ-парадѣ. Сержантъ съ важностію командира шель вдоль фронта; за нимъ слѣдовалъ пресшарльмъ мѣщанинъ съ умоляющимъ видомъ, кошорому сердишо говорилъ онъ: „Полно пустословишь! шы видно считаешь меня за ничега незначи-

цаго, что обратился прямо къ Капишану, шеперь знай же, кто я.“

„Ради Бога, умилосердишесь, господинъ сержантъ!“ сказала мѣщанинь. „Я ужѣ шарь, и сынъ мой мнѣ необходимъ; сверхъ того, онъ одинъ у меня и есть, самъ Государь приказалъ ошдать мнѣ его.“

„До этого намъ ишь дваа, поди вѣдайся съ шѣмъ мѣсшомъ, ошкуда мы его взяли“ — возразилъ сержантъ. „Если бы ты сначала умненько поговорилъ со мною, шо я можешь бышь и вспунился бы за шебя; но ты видно слишкомъ бережливъ; и шакъ, въ наказаніе за скупость, сынъ швой не будешь шебѣ ошданъ, даю въ шомъ честное слово!“

Несчастный ошець въ ошчаяніи ошшелъ прочь; сержантъ же, подошедъ къ сшбшяшему подлѣ Гвидо молодому рекрушу, сказалъ ему: „эшо вѣрно ты присовѣштовалъ ошцу швоему ишши прямо къ Капишану? значишь, ты не считалъ меня за непосредшвеннаго швоего начальника, шакъ я покажу шебѣ, что значу!“

Ученье началось, но ни Гвидо, ни сошдѣ его, не смолря на все шшараніе, никакъ не могли угодишь сержанту, который всѣмъ былъ недоволенъ, и безъ пощады ругая обоихъ, въ особенности придирался къ

Гвидо, и наконецъ замахнулся на него палкою. Гвидо хопя еще удерживалъ себя въ границахъ, однако же шакъ ловко вскинулъ ружье свое и взглянулъ шакъ быспро на ширана, что шопъ прошивъ воли опушили свою палку.

Тупъ пришелъ Капишанъ. „Каково учатся новички?“ спросилъ онъ у сержанша.

„Кое-какъ, Ваше Благородіе“ — отвѣчалъ онъ: „шолько съ эшими двумя молоко-сосами никакъ не могу справиться. Поняшя у нихъ еспъ, но недостаешъ доброй воли, кошпорую напередъ должно имъ внушить.“

„Съ позволенія вашего, господинъ Капишанъ“ — возразилъ Гвидо: „пошрудитесь для пробы сами взять команду, и шогда вы увидите, что сержаншъ лжешъ на насъ.“

Капишанъ спрого посмошрѣлъ на смѣлаго юношу, спалъ передъ фронтшомъ и началъ командовать. Все шло весьма хорошо, Гвидо же училъ лучше всѣхъ.

„Ты оправдалъ себя, молодой человекъ“ — сказалъ Капишанъ во время роздыха: „и пошому прощаю тебѣ на сей разъ, что осмѣился подѣ ружьемъ прошиворѣчить швоему начальнику; однако же впередъ берегись подобныхъ поступковъ.“

„Ошведи ропу въ казармы“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ сержаншу: „и не

мучь людей безъ нужды“ — прибавилъ онъ тихо.

„Слушаю!“ ошвѣчалъ сержантъ угрюмо — и роша пощинулась обрашно въ геродъ.

16.

Пришедъ домой, Гвидо молча поспавилъ ружье въ уголь, снялъ съ себя шесакъ и бодро подошелъ къ сержаншу, который въ замѣшательствѣ хопѣлъ оцъ него уклонишься.

„Теперь мы оба внѣ должностн“ — сказаъ онъ швердымъ голосомъ: „и я говорю съ вами, не какъ подчиненный съ начальникомъ, но какъ съ равнымъ себѣ. Ошвѣчайше мнѣ, за что вы сего дня безпрестанно меня ругали и даже обогали Капишану, между шѣмъ, какъ я учился лучше всѣхъ?“

„Что это шебѣ вздумалось, шоварищъ?“ сказаъ оробѣвшій сержантъ: „и какъ ты можешь худить шо, что я дѣлалъ по должностн?“

„Кшо во зло упошребляешь свое званіе“ — закричалъ Гвидо грознымъ голосомъ: „и мстя за личное оскорбленіе, ошравляешь жизнь невиннаго, шопѣ долженъ шерпѣливо сносишь, когда его упрекаюшь въ бездѣль-

ничествѣ, и пошому опвѣчайше мнѣ сей же часъ; не шо вамъ худо будешь.“

„Не бишь ли меня хочешь?“ вскричалъ сержантъ, прижавшись въ уголь.

„Ты заслужилъ эшо“ — опвѣчалъ Гвидо съ явнымъ презрѣніемъ: „но какъ я вижу, что спрахъ подѣйсшвовалъ уже довольно сильно, шо на сей разъ и оставляю эшо. Повшоряю однако, берегись меня; въ службѣ можешь шребовать всякаго повиновения, и я гошовъ исполняшь волю швою, сколько пошребуешь шого моя обязанность; но если еще разъ вздумаешь поступишь со мною шакъ, какъ сего дня, шо я докажу ужаснымъ образомъ, что не всякая дерзость позволительна.“

Сказавъ, опошелъ къ окну, гдѣ спокойно взялъ свою аммуницію и началъ ее чистишь, пригошовляясь къ караулу, въ кошорый долженъ былъ всшупишь шошъ же день въ первый разъ; сидя за работою, весело напѣвалъ онъ военную пѣсню.

„Эшо самъ чоршъ!“ бормошалъ сквозь зубы сержантъ, глядя на бодрого юношу: „ежели онъ ошпанешся подъ знаменами, шо не умирашь ему своею смертію.“

Тудшъ раздался барабанный бой, Гвидо немедленно подвязалъ шесакъ, проворно надѣлъ каску, и взявъ ружье, подошелъ къ сер-

жаншу. „Теперь я къ вашимъ услугамъ!“ — сказала онъ, учтиво.

„Непонятный человекъ!“ бормоталъ про себя, удивленный внезапною переменною сержантъ. Вскорѣ явились прочіе гренадеры, и онъ повелъ ихъ, на сей разъ, безъ брани и шолчковъ, на сборное мѣсто.

17.

Гвидо стоялъ на часахъ въ Королевскомъ саду и сквозь заборъ глядѣлъ на чужестранныхъ звѣрей, которыхъ для рѣдкости содержалъ Государь въ своемъ звѣринцѣ. Огромный слонъ, величественно расхаживая близъ рѣшетки, срывалъ цвѣты и душистые травы. Между тѣмъ какъ Гвидо съ удивленіемъ разсматривалъ это огромное животное, пришелъ отвратительный Азіяецъ, смотрѣвшій за слономъ, приказалъ ему посадить себя на спину и заставлялъ дѣлать все, что было ему угодно. Слонъ былъ терпѣливъ и послушенъ, но требованіямъ жестокосердаго присава не было конца. И когда бѣдный звѣрь, въ десятый уже разъ поднимая брошенный на землю молошокъ, неохотно ему подавалъ его, то присавъ съ сердцемъ вырвалъ орудіе, ударилъ имъ весьма сильно слона въ голову.

„Не стыдно ли себя такъ дурно обращаться съ великодушнымъ живошнымъ!“ невольно вскричалъ Гвидо: „если бы онъ не былъ умнее и добрее себя, то давно уже лежалъ бы ты раздавленъ подъ его ногами.“

При сихъ словахъ Азіяпечь, злобно улыбнувшись, спустился на землю, и вынувъ сшклянку съ водкой, показывалъ ее слону, идучи отъ него назадъ: и когда шонъ, приблизясь, прошагивалъ хоботъ къ сшклянкѣ, онъ спалъ бить его.

„Вездѣ злоупотребленіе власши!“ воскликнулъ Гвидо съ негодованіемъ и опошелъ отъ рѣшетки, чшобъ не видашь долѣе несправедливости. Тупъ показалось въ аллеѣ: множество нарядныхъ дамъ и кавалеровъ. „Принцесса Роза, Государева племянница!“ вскричалъ гренадеръ, споявшій на часахъ недалеко отъ Гвидо, и оба пригошовились ошдать честь.

Общество приблизилось. Впереди шла прелестная особа, какой Гвидо еще никогда не видывалъ; на миломъ лицѣ ея разцвѣшали неувядаемыя розы, черныя глаза блисшали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, подобно двумъ звѣздамъ, и небесная улыбка сіяла на алыхъ ушахъ ея. Какъ снѣгъ, бѣлая одежда покрывала величественный, легкой спанъ, въ шемныхъ волосахъ блисшала драгоценная

діадима, и алмазная цѣпь висѣла по плечамъ ослѣпительной бѣлизны. Подлѣ Принцессы шелъ красивый молодой человекъ. Алмазная перлица на шляпѣ, украшенной высокими перьями, шипя золошомъ пурпуровая епанча и непринужденная учтивость въ обращеніи съ Розою, показывали въ немъ Принца крови.

Принцесса, проходя мимо часовыхъ, ласково поблагодарила ихъ за отданную ей военную почестъ, при чемъ обративъ глаза на Гвидо, шопчасъ пошупила ихъ въ земдю, пораженная красою юноши; прошедши же нѣсколько шаговъ, еще разъ взглянула на него.

Общество удалилось уже на возвышеніе, съ котораго можно было обозрѣвать весь звѣринецъ; а Гвидо стоялъ еще подобно ишукану, держа неподвижно передъ собою ружье и вышаращивъ глаза на то мѣсто, гдѣ скрылся отъ него прелестный образъ.

„Чорпъ возьми, какъ хороша Принцесса!“ сказалъ Гвидовъ шовариць, уширая губы.

„Молчи!“ закричалъ ему юноша съ сердцемъ: „простой человекъ не долженъ осмѣливаться говорить о небесной красотѣ!“

„Жалко лишишься ее шакъ скоро!“ продолжалъ гренадерь спокойно: „хотѣ нашему

брату и нечего' шуть взять ; однако все шаки пріятно видѣшь доброе милое лице ея.“

„Лишишься! что ты подь эшимъ разумѣешь?“ спросилъ Гвидо скоро.

„Развѣ ты не знаешь, что она почти невѣста?“ ошвѣчалъ гренадерь: „Принцъ, который провожалъ ее, свашаешся за нее и вѣрояшно скоро женишся.“

„Ты врешь, бездѣльникъ!“ закричалъ Гвидо и въ испуленіи схвативъ бѣднаго солдата поперегъ шѣла, бросилъ на землю.

„Не взбѣсился ли ты, шоварищъ?“ вскричалъ гренадерь, неохотно всшавая съ пушистой шравы.

Туть раздался въ звѣринцѣ шумъ. Бѣднй слонъ былъ выведенъ предъ зришелей, гдѣ долженъ былъ показывать свое искусство.

„Засшавъ его спашъ передъ Принцессою на колѣна“ — сказалъ весело Принцъ: „пущь эшо будешъ символомъ покорности, которою обязаны красотѣ сила и мудрость.“

„Онъ неохотно эшо дѣлаешъ, Ваше Высочество“ — ошвѣчалъ смотришель: „у него подь колѣномъ рана; однако же посмотришь!“

Онъ спашъ приказывашъ; но слонъ не хотѣлъ повиновашся, поднявъ огромный

своей хоботкой и загрохотала ужасным образом.

„Не мучьте его для меня!“ сказала Принцесса: „онъ не хочешь.“

„Онъ долженъ!“ отвѣчала Приставъ, самолюбіе кошораго было оскорблено, и подняла свой молодецъ. Гвидо невольно отворочился отъ рѣшетки, и въ ту минушу раздался съ балкона ужасный крикъ.

„Ай!“ закричала часовой и, бросивъ ружье, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Гвидо обернулся и видяща летящаго по воздуху Азіянца, кошорый, упавъ, испустилъ духъ подъ ногами раздраженнаго звѣря.

Блѣдный, какъ смерть, бѣжала Принцъ; за нимъ слѣдовала Роза и вся свита. Между шѣмъ слонъ, испуская ужасный ревъ, хоботомъ и клыками спарался изломать рѣшетку.

Машинально схватилъ Гвидо ружье свое, какъ бы для защиты и полетѣлъ на помощь къ Принцессѣ, кошорая пробѣжавъ небольшое разстояніе, вдругъ остановилась и въ безсиліи прислонилась къ дереву. „Бога ради, бѣгите, Принцесса!“ кричала ей Гвидо въ отчаяніи: „загородка уже шрецишь.“

„Я вывихнула ногу“ — опвѣчала она; поблѣднѣвъ ошъ спраха и чрезвычайной боли: „я не могу двинуться съ мѣста.“

Дико посмошрѣль вокругъ себя Гвидо, но вся свипа ужё исчезла, и только въ отдаленіи развѣвались перья на шляпѣ бѣгущаго Принца.

„Проспшите дерзоспъ!“ вскричала юноша, поднимая на руки шрепещущую дѣвицу, и проворно понесъ ее.

Между шѣмъ слонъ, видя невозможность низпровергнушь рѣшешку хоботомъ, уперся въ нее всею массою огромнаго своего шѣла.

„Великій Боже! загородка падаетъ,“ вскричала въ ужасъ Роза: Гвидо слышалъ позади себя ужасный шрескъ повалившагося забора и пошомъ шаги приближающагося животноаго.

„Онъ догоняетъ насъ!“ кричала отчаянная Роза: „шебъ невозможно спасти меня, великодушный юноша; я зашрудняю только шебя въ бѣгшѣвъ, спасайся самъ покуда естъ время.“ Съ симъ словомъ она вырывается изъ рукъ его, хочетъ бѣжашъ, но, сдѣлавъ два шага, въ изнеможеніи упадетъ на берегу глубокаго пруда, кашится внизъ и погружается въ воду. Быстрѣ молніи, бросается неустрашимый Гвидо въ свѣдъ за ушопашею, ныряетъ въ глубину,

хватаешь ее за плащъ и выносишь на поверхность. Между стѣмъ разъяренное живошное пробѣгаешь мимо и скрываешься за деревьями.

„Самъ Богъ сохранилъ насъ!“ вскричала Гвидо, и поднявъ безчувственную Принцессу, понесъ ее прямо ко дворцу, откуда Королевская гвардія, пѣшая и конная, слышала уже въ садѣ для укрощенія живошнаго.

У окна спомалъ ошчаянный Государь, а Принцъ кружилъ по двору, сидя на лошади, кошорая, по какому-шо спранному сшеченію обстоятельствъ, именно въ эпошъ день и часъ сдѣлалась чрезвычайно упряма и никакъ не хотѣла сойти съ мѣста.

„Принцесса избавлена!“ кричалъ Гвидо, обращаясь къ окну и поднявъ ее къ верху. Преспарѣлый Государь, увидѣвъ свою племянницу, обнажилъ украшенную сѣдинами голову, и сложивъ руки, возсылалъ къ небу шеплыя молишвы.

„Божешвенная Роза избавлена?“ вскричалъ съ восхищеніемъ Принцъ, проворно соскочилъ съ лошади, и подошелъ къ Гвидо, чшобы приняшь ошъ него свою возлюбленную.

„Позвольте!“ сказала ему гордящійся своимъ поступкомъ юноша: „до сего мѣста

несъ я Принцессу на рукахъ моихъ, и хочу самъ вручить ея въ объятія нѣжнаго дяди.“

„Рѣшите эшошь спранный споръ, прелестная Роза!“ сказала оскорбленный Принцъ, обращаясь къ опомнившейся уже ошь обморока Принцессъ.

„Я не могу обременять васъ“ — отвѣчала она: „спрахъ овладѣлъ вами шакъ же сильно, какъ и мною; вамъ сполько же нуженъ опдыхъ, какъ и мнѣ.“

Восхищенный Гвидо побѣжалъ съ драгоцѣннѣйшею ношею вверхъ по лѣшницѣ.

 18.

Роза лежала въ объятіяхъ своего дяди и рассказывала ему страшное приключеніе. Гвидо хопѣлъ удалиться; но Государь знакомъ приказалъ ему осшашься.

„Ахъ, моя милая!“ вскричалъ Государь, цѣлуя свою племянницу: „что должна ты была чувствовашь, когда спрахъ смерти объядъ швою душу.“ Тутъ взглянулъ онъ на Гвидо, споявшаго у дверей. „Подойди ближе гренадеръ“ — сказалъ онъ, разсматривая его со вниманіемъ. „Прекрасный, храбрый юноша!“ продолжалъ онъ: „лице спбихъ поступка. Скажи мнѣ, неуспрашимый человекъ, развѣ ты не видѣлъ опасности, въ которую вдавался, спасая мою племянницу?“

*

„Я видѣлъ погибель, угрожавшую Ея Высочеству“ — ошвѣчалъ почтительно Гвидо: „о себѣ же вовсе не заботился.“

Роза, приподнявъ немного голову, со слезами взглянула на своего избавителя, и подала ему руку. Въ ту самую минушу, какъ Гвидо почтительно цѣловалъ оную, вошелъ Принцъ.

„Полковникъ гвардіи“ — сказалъ онъ Государю: „доносишь Вашему Величеству, что слонъ ужё запертъ въ сарай, къ которому подвезена заряженная пушка. Мы ожидаемъ только вашего приказанія, заспръшить его.“

„Просните бѣднаго звѣря!“ вскричала Роза: „подарите меня его жизнию, — я не хочу быть причиною его смерти!“

„Ангельская душа!“ воскликнулъ Гвидо и, забывъ все окружающее его, покрывалъ пламенными поцѣлуями ея руку.

„Пусть слонъ останешся живъ!“ сказалъ Государь удивленному Принцу.

„Сего дня счастливый день для бѣдныхъ!“ сказалъ Принцъ двусмысленно, бросивъ яросный взглядъ на Гвидо, и съ шумомъ вышелъ.

„Я свой должникъ, гренадеръ!“ сказалъ Государь ласково.

„Я уже довольно награжденъ“ — отвѣчала Гвидо съ пылающими глазами: „и Ваше Величество ничѣмъ не должны мнѣ болѣе.“

Еще разъ взглянулъ онъ на прекрасную Розу, и скрылся.

(*Окончаніе впродъ*).

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и на постепенность успѣховъ просвѣщенія и Словесности въ Россіи.

(*Продолженіе.*)

Переходя отъ важной Эпопеи къ комической, мы не остановимся на Поэмахъ Майкова: *Разъяренный Вакхъ* и *Перокъ*, изъ которыхъ, особенно первая, заслуживаетъ вниманіе своею оригинальностью и веселостію, къ несчастію, иногда слишкомъ грубою. Мы спѣшимъ достигнуть того времени, когда Богдановичъ издалъ *Душеньку*, Поэму въ 3 пѣсняхъ. Въ Поэмѣ сей не одобряють обыкновенно соединенія древней Мифологіи съ

чудеснымъ Рускихъ народныхъ сказокъ; но эпошъ недосшапокъ въ планъ замѣняешся пльнишельнымъ и просшосердечнымъ разговоромъ, и, хошя не всегда правильнымъ, но пріятнымъ и легкимъ спихосложеніемъ. Богдановичъ (родившійся въ 1743, и умершій въ 1803 году) написалъ еще много спихопвореній въ разныхъ родахъ. Они не всѣ пользующся равнымъ уваженіемъ съ Душенькою. Многія однако жъ опзывающихся съ похвалою о его переводѣ Вольшера *Разрушенія Лисабона*.

Искусство Драмашическое, введенное, какъ мы видѣли, Сумароковымъ въ Россію, сдѣлало въ эпо время нѣкошорые успѣхи, особенно въ опношеніи къ Комедіи. Чшо касается до Трагедіи, шо шруды Хераскова, Княжнина (родившагося въ 1742, и умершаго въ 1794) и Николаева увеличили Россійскій репершуаръ, не приблизивъ искусства ни на одинъ шагъ къ совершеншву.

Княжнинъ, кошораго слогъ чище слога Сумарокова, уступаетъ своему предшешвеннику во всѣхъ другихъ опношеніяхъ. Онъ заслуживаетъ особенно порицаніе за шо, чшо безъ пощады обиралъ Французскихъ сочинителей, и нерѣдко искажалъ лучшія мѣста Расина и Вольшера неумѣстнымъ присвоеніемъ ихъ своимъ прагическимъ лицамъ.

Если онъ былъ не болѣе заспѣчивъ и въ Комедіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, заимствованное отъ другихъ онъ умѣлъ лучше употреблять. Нѣкоторыя изъ его Комедій остаются и нынѣ на Театрѣ: особенно же *Хвастунъ* Комедія въ 5 дѣйствійхъ, въ стихахъ, въ которой онъ подражалъ Брюсову *Important*. Сія Комедія Княгинина представляеть нѣсколько вѣрныхъ и комическихъ характеровъ, почерпнувшихъ Сочинителей въ знаніи нравовъ своего времени, и нѣкоторыя замысловатыя выраженія, которыми онъ не одолженъ Сочинителю *Important*.

Истиннаго изображенія нравовъ сего времени должно искасть особенно въ Комедіяхъ Визина: *Бригадиръ* и *Недоросль*, (переведенной на Французскій языкъ подъ наименованіемъ: *Le Dadais*). Последняя изъ сихъ Комедій Визина, безъ сомнѣнія, есть лучшая изъ всѣхъ Россійскихъ оригинальныхъ Комедій. Она имѣла рѣдкое преимущество содѣйствовать въ исправленіи недоспащковъ, на которые нападаетъ: столько шушки Сочинителя насмѣшливы и язвительны. Жаль, что объ эти Комедіи написаны не стихами; но, можетъ быть, тогда онъ пошляри бы столько же въ естественности,

сколько приобрѣли бы въ совершенствѣ ошдѣаки.

Ошъ эпохи сей оспающа еще двѣ Ко-медіи, о копорыхъ невозможно забыть безъ несправѣдливости: *Смѣхъ и горе*, Клушина и *Братомъ проданная сестра*, Ефимьева. Обѣ писаны спихами.

Опера, равнымъ образомъ, много одолжена Княжнину. Нѣкопорыя его произведе-нія въ семь родѣ долго занимали первое мѣсто на Россійскомъ Театрѣ. Онъ имѣлъ много соперниковъ, но мы здѣсь упомянемъ шокмо обѣ одномъ сочиненіи сего рода, о *Мельникѣ*, Аблесимова, копорый почишаешся въ Россіи первымъ Водевилемъ и по времени изданія и, можешъ бышь, по самому доспойнству сочиненія. По крайней мѣрѣ шо испіина, что *Мельникъ* Аблесимова ешъ вѣрное изображеніе нравовъ Россійскихъ крешьянь, пришомъ очень забавное и очень оригинальное.

Намъ оспаешся упомянушь шолько обѣ одномъ Поэшѣ, принадлежащемъ къ сей первой эпохѣ царшвованія Екашеріны. Сказашъ, что Писатель сей, съ любовью свободы и всего прекраснаго и благороднаго, и съ нравшвенностью самою здоровою и, сколь возможно, менѣ ошвлеченною, соединялъ въ своихъ сочиненіяхъ шакое добродушіе, ша-

кую простоту, которая заставляет принимать, за естественные и обыкновенные изречения, следствия продолжительных размышлений о всех общественных отношениях, и о нравах своего отечества, значить наименовать Баснописца Хемницера. Слогъ его иногда неправиленъ, но вообще довольно чистъ и простосердеченъ. Желательно бы было, чтобы следующіе за нимъ на семь поприщъ брали его за образецъ, стараясь единственно избѣгать его недоспашковъ. Спихосложение составляетъ слабѣйшую часть его сочиненій, но и оно не совсѣмъ безъ достоинства. Хемницеръ умеръ въ 1784 году, на 40 году отъ рожденія.

Проза у всѣхъ народовъ медленно слѣдуетъ за успѣхами Поэзіи. Въ Италіи Данте полувѣкомъ опередилъ Боккачю; во Франціи, когда Монпанъ еще шелъ ощупью, Малербъ уже удивлялъ своимъ быстрымъ пареніемъ. Проза Ломоносова, котораго Академическія Слова даже и нынѣ почитаются примѣромъ краснорѣчія, есть следствиемъ чудо, порывъ генія, который долго оставался безъ подражателей; дѣйствительное начало образованія Прозы должно опустить къ эпохѣ, которая насъ занимаетъ. Но едва сѣмя было принято землею, быстро произ-

расло дерево, и нѣкоторыя изъ его вѣтвей достигли до сшепени, которой и въ послѣдствіи не могли превыситься.

Митрополдшъ Платонъ довелъ Духовное Красноярчѣе до шакого совершенства, которое лишило смѣлости его послѣдователей. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Проповѣдниковъ, боясь слѣдовать его путемъ, вмѣсто дѣйствія на чувство слушателей, желаютъ ихъ убѣждать и, къ несчастію, слишкомъ углубляясь въ Богословіе, дѣлаются непонятными и холодными. Платонъ былъ не единственныи краснорѣчивый Проповѣдникъ во время Екашерины, но мы избавимъ читателей нашихъ отъ подробностей. Жизнь его продолжалась до 1812 года. Онъ умеръ 75 лѣтъ.

Прочіе роды Красноярчія также были обрабатываемы съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Визинъ (родившійся въ 1745 и умершій въ 1792), о которомъ мы упоминали, говоря о Драматическомъ Искусствѣ, былъ одинъ изъ лучшихъ прозаиковъ своего времени; онъ оставилъ нѣкоторыя переводы, какъ то: Бибобеевой Поэмы *Юсифа* и Томасова *Похвальнаго слова Марку Аврелію*, которые, по числотѣ и красотѣ слога, занимаютъ отличное мѣсто даже между твореніями настоящаго времени. Сказ-

ки, имъ сочиненныя и переведенныя съ Французскаго, всегда будушь служишь примѣромъ повѣснвоващеламъ. Нѣкошорыя изъ его писемъ, изданныя въ послѣднее время, доказывають, что и сей родъ сочиненій не быль ему чуждымъ.

Коспровъ, (умершій въ 1796 году) споль извъспный по своему переводу Иллады, перевель и спихошворенія Оссјановы. Переводъ сей почишася въ Россіи превосходнѣйшимъ произведеніемъ въ родѣ піишической Прозы.

Въ родахъ Испорическомъ, Письмовномъ и Дидакшическомъ упражнялся съ большимъ успѣхомъ Муравьевъ (родившійся въ 1757 году и умершій въ 1816), насшавникъ Императора Александра и пошомъ его совѣшникъ въ управленіи Государшвенномъ. Писашель сей, кошорому Россія многимъ одолжена, образовался, изучая языкъ Славянскій и великихъ Писашелей древности, ш. е. слѣдуя правиламъ и примѣру Ломоносова.

Таково было цвѣшущее сосшояніе Россійской Словесноши, когда, въ послѣднихъ годахъ осмнадцашого вѣка, молодые Писашели, найдя пушь сей слишкомъ шруднымъ, сшали прокладывашь новыи. Зная изъ Славянскаго языка шолько нѣсколько обвешшальныхъ словъ, они насмѣхались надъ нимъ.

при всякомъ случаѣ, и громко провозглашали, что ученіе сего языка бесполезно для Россійскихъ Писателей. Такимъ образомъ, подрывая съ одной стороны языкъ Россійскій въ его основаніи, они поршили съ другой его чистоту множествомъ словъ и оборотовъ иностранныхъ, которыми полагали его обогатить. Къ сему искаженію языка, они присоединили въ своихъ сочиненіяхъ ложную чувствительность, которая нравилась некогда, особенно женщинамъ, но, какъ неприсходящая ошь сердца, не замедлила сдѣлаться смѣшною. Сіи двѣ причины произвели упадокъ во всѣхъ отрасляхъ Словесности. Духовное Краснорѣчіе одно, можетъ быть, не послѣдовало сему обратному движенію. Искусство Драмаическое почувствовало его болѣе всѣхъ прочихъ. Мы не можемъ назвать ни одной Трагедіи или Комедіи сего времени, хотя нѣсколько достойной вниманія, исключая *Абды*; Комедіи въ 5 дѣйствійхъ, въ стихахъ, сочиненной Капнистомъ; но и ея Сочинитель принадлежитъ къ предшествовавшей эпохѣ.

Писатели описываемаго нами несчастнаго времени, были многочисленны, но ихъ имена и сочиненія преданы, съ некогдаго времени, совершенному забвенію. Коса времени пощадила только двухъ изъ нихъ,

Карамзина, какъ Прозаика, и Дмитріева, какъ Поэша.

Первый пользуется нынѣ даже извѣстностію въ Европѣ. Онъ обязанъ симъ своей *Исторіи Россійскаго Государства*. Въ молодости онъ сбился съ истиннаго пути, и былъ, можешь быть, одною изъ главныхъ причинъ заблужденія прочихъ, но, вдругъ ошановясь, онъ занялся древними Россійскими лѣтописями, слѣдовательно и языкомъ Славянскимъ, обдумывалъ десять лѣтъ свой слогъ, и издалъ наконецъ сочиненіе, которое, будучи переведено на Французскій и Нѣмецкій языки, соспавляетъ нынѣ его славу.

Второй избѣжалъ участи большей части своихъ современниковъ, благодаря нѣкоторымъ лирическимъ стихотвореніямъ и особенно нѣкоторымъ подражаніямъ сказкамъ Вольперовымъ и баснямъ Лафоншенивымъ. Жаль, что, онъ не всегда былъ одинаково счастливъ въ выборѣ образцевъ, и что слишкомъ прильпился къ Флоріану. Басни и сказки Дмитріева, безъ сомнѣнія, лучше написаны, нежели его лирическія стихотворенія; но мы уважаемъ болѣе послѣднія, потому что Дмитріевъ первый, изъ Россійскихъ Поэтовъ, заимствовалъ для своихъ Оды содержаніе изъ отечественной Исто-

ри, и обрабашаль оное оригинально и не безъ достоинствъ.

Не нарушая справедливости, мы не можемъ умолчать здѣсь объ одномъ Поэствъ, принадлежащемъ, по времени своихъ сочиненій, къ сей же эпохѣ, но, по своему слогу и вкусу, сходнаго болѣе съ Писателями предшествовавшей эпохи. Сумароковъ (Панкрашій), котораго не должно смѣшивать съ Писателемъ сего же имени, о коемъ мы говорили выше, въ молодости имѣлъ несчастіе быть причиннымъ въ участіи въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, и былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ онъ загладилъ свое прешупленіе безукоризненнымъ поведеніемъ и, для услажденія своей горести, занялся Поэзією. Онъ издавалъ въ Тобольскѣ нѣсколько лѣтъ сряду Журналь подъ заглавіемъ: *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену*. Слухъ о его дарованіяхъ достигъ до Императора Александра, и онъ былъ прощенъ. Писатель сей оставилъ много стихотвореній, изъ копорыхъ Сказка: *Амуръ, лишенный зрѣнія*, особенно уважается. Опъ него осталась также одна шуточная Ода, въ которой онъ очень умно осмѣиваетъ саншменшальный вкусъ своего времени.

Прочіе Сочинители сей несчастной эпохи не посяшуютъ на насъ за шо, что мы

не упомянули здѣсь ни именъ ихъ, ни ихъ сочиненій.

Сей упадокъ Россійской Словесности былъ оснаноженъ Шишковымъ, нынѣшнимъ Президентомъ Россійской Академіи и Министромъ Народнаго Просвѣщенія, который въ 1802 году издалъ *Разсужденіе о старомъ и новомъ слога*. Онъ старался въ ономъ доказать, что новые Сочинители слѣдовали ложнымъ правиламъ, и желалъ возвращенія ихъ къ прежнимъ.

Сочиненіе Шишкова, при всей справедливости его основанія, не совсѣмъ свободно отъ погрѣшностей въ подробностяхъ. Сими же погрѣшностями жестоко упрекали его послѣдователи новой сексы, но истина восторжествовала надъ всѣми ихъ усиліями. Мало по малу, большая часть изъ нихъ опоздалась отъ своихъ правилъ, или даже и вовсе отъ Словесности. Наконецъ, комическій Писатель Князь Шаховскій нанесъ имъ послѣдній ударъ Комедіею своею *Новый Стернь*, обративъ въ ней въ посмѣяніе ложную ихъ чувствительность.

Между тѣмъ, какъ языкъ Россійскій подвергался такимъ колебаніямъ, система народнаго просвѣщенія получила новую жизнь и новое образованіе во всей Имперіи. Александръ I, восшедшій на престолъ своихъ

предковъ въ 1801 году, послѣ кратковременнаго царствованія своего Родителя, Павла I, обратилъ немедленно все свое вниманіе на сію часть Государственнаго управленія. Вся Имперія была раздѣлена на шесть Округовъ, изъ коихъ каждый долженъ былъ имѣть по одному Университету. Согласно съ симъ, къ шремъ, уже существовавшимъ, п. е. Московскому, коихъ, какъ мы видѣли выше, учреждень Императрицею Елисаветою; Виленскому, коихъ существовань съ 1578 года, и присоединень къ Россіи во время Императрицы Екатерины II, и Дерптскому, учрежденному Павломъ I, прибавлены еще три, и постепенно открыты: въ Харьковѣ, въ Казани и въ С. Пешербургѣ. Въ продолженіе сего времени Университеты Абовскій и Варшавскій присоединились къ Россіи съ приобрѣтеніемъ Княжества Финляндскаго и Царства Польскаго. Каждый изъ упомянутыхъ шести Округовъ составлень изъ нѣсколькихъ губерній, раздѣленныхъ на уѣзды. По новому образованію, во всякомъ Губернскомъ городѣ назначено бысть Гимназіи, и во всякомъ уѣздномъ — Уѣздному Училищу. Въ главныхъ селахъ предполагалось завести Приходскія Училища. Большая часть сихъ заведеній уже дѣйствительно существовать. Управленіе дѣлами, относящимися къ на-

родному просвѣщенію было ввѣрено во всякомъ Округѣ Совѣту, составленному изъ Профессоровъ Университета, подъ предсѣдательствомъ Ректора, избираемаго ими самими изъ среды себя, а во всякой губерніи Совѣту, составленному изъ Учищелей Гимназіи, подъ предсѣдательствомъ ея Директора. Въ столицѣ, для общаго управленія дѣлами, учрежденъ Совѣтъ, составленный изъ Курашоровъ, подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Мудрое сіе образованіе представляешъ двѣ важныя выгоды: единообразіе въ ученіи молодыхъ людей по всему Государству, и участіе ученыхъ людей въ дѣлахъ, имъ принадлежащихъ. Для поощренія молодыхъ людей занимаешь ученіемъ, разнымъ степенямъ ученой Иерархіи присвоены преимущества, болѣе или менѣе важныя. Напримѣръ: степень Доктора; во всякомъ Факультетѣ соединена съ чиномъ, дающимъ въ Россіи наслѣдственное дворянство.

Покровительствово, оказанное Наукамъ Императоромъ Александромъ, не ограничивается сими благодѣтельными узаконеніями, кошорыхъ и однихъ достаточнo для прославленія цѣлаго царствованія. Онъ сдѣлалъ также полезныя перемѣны въ системѣ Училищъ Духовныхъ, и учредилъ многія часп-

ныя училища для разныхъ отраслей познаний, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нуждамъ человѣческимъ и народнымъ. Главныя изъ сихъ заведеній: Медико-Хирургическая Академія, Институтъ Корпуса Пушей Сообщенія, въ которомъ преподають Искусство устройства каналовъ, мостовъ и дорогъ, Училища Инженерное, Артиллерійское и многія другія. Мы сожалѣемъ, что не можемъ войти въ подробнѣйшее описаніе всего, сдѣланнаго Правительствомъ для народнаго просвѣщенія, и ограничимся дополненіемъ, что примѣру, поданному Государемъ, послѣдовали не только различныя Государственныя сословія, но даже частныя люди. Графъ Безбородко учредилъ на свой счетъ Гимназію въ Нѣжинѣ, Демидовъ Училище въ Ярославлѣ. Оба они, въ то же время, назначили капиталъ, нужный для содержанія сихъ заведеній на будущее время.

Таковыя усилія не могли оставашься долгое время безъ плодовъ, и въ послѣднее время мы видѣли всѣ Науки процвѣтающими въ Россіи. Нельзя однако не сознашья, что Россійскіе Ученые доселѣ довольствовались близкимъ слѣдованіемъ за успѣхами Наукъ въ земляхъ иностранныхъ, изданіемъ учебныхъ книгъ или переводовъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, и что они именъ

своихъ не сдѣлали еще извѣстными новыми
открытіями; но чего не возможно ожидаешь
опъ споль прекрасной зари?

Изъ числа сихъ Наукъ сѣдуешь исклю-
читьъ Географію, кошорая издавна много
обязана Россіянамъ. До царствованія Ал-
ксандра, Россіяне занимались сполько сво-
нимъ Государствомъ, берегами моря Ледови-
шаго, сѣверовоспочными Азіи и сѣвероза-
падными Америки. Въ XIX вѣкѣ они рас-
пространили свои открытія, не токмо за
эквадоръ, но и за аншарктической поляр-
ный кругъ. Имена Крузенштерна, Коцебу,
Беллинггаузена, Головина, Лазарева, Ва-
сильева, извѣстны всѣмъ ученымъ людямъ.
Любопытствующимъ спбись сполько загля-
нуть въ географическіе и историческіе
Журналы нашего времени. Частные люди и
въ вшомъ случаѣ соперничествовали съ
Правительствомъ. Европа видѣла съ уди-
вленіемъ и удовольствіемъ, что Графъ Ру-
мянцовъ, построилъ и снарядилъ на свой
счетъ корабль, для отправленія его вокругъ
Земнаго Шара съ единственною цѣлю уче-
ныхъ открытій. Путешествія Россіянь во
внутренность Азіи, равнымъ образомъ, за-
служили вниманіе ученаго свѣща. Описаніе
путешествія Капитана Муравьева въ Буха-
рію (?), переведено на Французскій и Нѣмец-

кій язyki. Перевода пупешеспвія Тимковскаго въ Кишай ожидающъ съ нешерпвнїемъ.

(*Окончаніе впредъ*).

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Послѣдніе Турокъ въ Европѣ.

Съ паденїемъ Констаншинополя померкъ и послѣдній лучъ величія Римской Имперіи. Съ нимъ рухнули оспашки великаго зданія, котораго границы простирались ошь Таго до Эвфрата.

Нельзя безусловно вѣрнншь сказанїямъ Грековъ объ осадѣ Констаншинополя Мугамешомъ II. Равно и Турокъ: они презрншельно взирали на спраданія цѣлаго народа, которнй раздавленъ ими, какъ давнншь насѣкомое, безъ труда, безъ соучастїя. Ихъ испорнкн превозносающъ умѣренность, милосердіе побѣдншельей. Но всякій поймешъ, чему шущъ вѣрнншь.

То извѣстно, что сопроншвленїе Грековъ было упорно, потеря Турокъ велика. По завоеванїи города, 29 Мая 1453 (савдо-

вашельно за 375 лѣтъ) досталась огромная добыча въ руки побѣдителей. Тѣмъ и была на нѣкоторое время ослаблена ихъ врожденная люшость, что насышилось любоспяжаніе.

Кресты попрунѣ ногами, святыя образа разбросаны по улицамъ и поруганы всеми возможными способами. Монашвыри разрушены; инокини посрамлены, предъ самымъ алшаремъ. Шестидесять тысячъ Грековъ повержены въ рабство.

Въ два часа Мугамешъ имѣлъ поржешвенный въздъ въ городъ. Передъ Софійскимъ Соборомъ сошелъ онъ съ лошади, приказавъ Иману взойши на каедру и воспѣть хвалебную пѣснь. Ошшуда ошправился онъ въ Имперашорскій дворець, и входя въ него, произнесъ два Персидскіе стиха:

„Паукъ раскинулъ шкань свою въ черпогахъ Имперашора. Ночная сова зашянула свою заунывную пѣснь въ башняхъ Афразиаба.“

Онъ предсталъ предъ супругою Великаго Герцога и Великаго Адмирала Луки Ношары. Тѣмъ явилъ онъ великодушіе побѣдителя къ женщинѣ, страдающей ош испуга и горести. Но въ шопъ же день, на пьяной пирушкѣ, въ нѣдрахъ гнуснѣйшаго слашодлюбія, приказаль онъ казнитъ Луки Ношару и обоихъ сыновой его. Ушвержда-

вошь также, что Софійскій храмъ обращенъ былъ въ конюшню, и что миролюбивые граждане тысячами умерщвляемы были во время пированья Мугамешева.

Сии показанія, по видимому, не согласуются съ принятыми имъ въ послѣдствіи мѣрами. Онъ далъ бѣглецамъ при мѣсяца сроку на возвращеніе во свояси, и общалъ, въ семь случаевъ, ошдашь имъ обратно ихъ собствѣнность. Онъ самъ выкупилъ многихъ пѣнниковъ, и позволилъ Христіанамъ въ нѣкоторыхъ церквахъ свободное опправленіе ихъ Богослуженія. Чшобъ населить опустошенную часть столицы, принудилъ онъ перебраться въ нее, десяшь тысячъ семействъ изъ провинцій.

Прибавимъ къ сему бѣглому обзорѣю еще нѣсколько очерковъ изъ любопытной Гамцеровой Исторіи Ошшоманскаго Государства.

Несоразмѣрность борющихся силъ была чрезвычайна. Когда Мугамедъ II явился предъ Константинополемъ (6 Апрѣля 1453), у него была армія въ 250,000 человекъ, изъ солдатъ разныхъ націй. Онъ имѣлъ также огромнѣйшую пушку, кошорая бросала ядра въ 1200 фуншовъ на разсшояніе 3000 сажень. Два другія орудія, меньшаго калибра, но бросавшія также ядро въ полторасша фун-

шова, долженствовали первой пушкѣ пролагать пуш. У него было столько оружія, что могъ онъ вышавить четырнадцать башарей предъ стѣнами осажденнаго города. Огромнѣйшія машины на колесахъ и подвижныя башни взгромождены были въ лагерь Турокъ. Искусно устроеными подкопами проникли осаждающіе до самыхъ окоповъ, и проломали ихъ. Турецкій флотъ былъ столь же значительнъ, какъ ихъ армія. Онъ состоялъ изъ 420 судовъ, въ числѣ коихъ находились осмнадцать шрехвесельныхъ галеръ, сорокъ восемь двухвесельныхъ, двадцать пять транспортныхъ лодокъ и пр.

Число вооруженныхъ Грековъ простиралось только до 4973 человекъ. 2000 разныхъ чужеземцевъ и ошь 300 до 500 Генуэзцевъ, подъ начальствомъ Іоанна Лонга, перешли къ нимъ во время осады. Флотъ ихъ состоялъ изъ четырнадцати судовъ. Въ оружіи былъ совершенный недостатокъ.

Три раза поджигали Греки Турецкія осадныя машины. Многократно опрокидывали они вспяшь непріятельскихъ землякоповъ. Последній и рѣшительный приступъ совершился 29 Мая, послѣ осады, продолжавшейся непрерывно пятьдесятъ пять дней. Еще наканунѣ, вечеромъ, все предвѣщало въ Турецкомъ лагерьѣ событіе наступающаго

дня. Крикъ осаждающихъ: Ла-Илла-Иллагалла, крикъ осажденныхъ: Кири-Элеизонъ, смѣшивались съ прескомъ оружія и грохошомъ шрубъ, какъ плески бушующаго моря.

Приспупъ начался на разсвѣтъ у воротъ Св. Романа. Греки производили чудеса храбрости. Пошера Турокъ была чрезвычайна. Уже борьба продолжалась два часа, а осаждающіе ничего не выиграли. Мугамешъ самъ понуждалъ солдатъ своихъ, по словами, по желѣзною палицей, кошороу разможалъ всякаго, кшо не двигался непрерывно впередъ.

Греки бросали на враговъ огневой дождь. Лѣвницы рушились одна за другою. Ядра ударялись въ ядра. Облака дыму покрывали городъ и заслоняли солнце. Теофиль Палеологъ и Димишрій Каншакузень опбивали осаждающихъ, а между шѣмъ Имперашоръ, верхомъ на конѣ, примѣромъ и словами придавалъ бодрости воинамъ.

Жюспіани, подый Жюспіани, кошораго достойно посрамышъ Испорія, убѣжалъ, легко раненый, въ Галашу. Ошъ 'сего Греки оробѣли, и Саганосъ-Паша, замѣшившій то, вновь пустилъ своихъ Янычаръ къ городу, въ кошорый вшоргся наконецъ врагъ у воротъ Килокерскихъ, между шѣмъ, какъ ворота Св. Романа все еще были защищаемы.

Вдругъ раздался крикъ : „Константинополь погибъ!“ и всѣхъ объялъ ужась. Вошше усугублялась храбрость Палеолога и Иоанна Далматійскаго. Императоръ самъ удостоверился, что уже никакое сопрошивленіе не поможетъ. Онъ бросился въ среду врага и былъ оставленъ своими, къ копорымъ произнесъ тѣ знаменитыя слова: „какъ! нѣтъ ни одного Христіанина, чтобы подыять мою голову!“

На него напали двое Турокъ: одинъ вонзилъ ему мечъ свой въ лице, другой прокололъ его сзади. Такъ палъ, незамѣченный между множествомъ шруповъ, младый Палеологъ Константинъ Драгофесъ, послѣдній Греческій Императоръ, а съ нимъ его столица и Греческая Имперія.

Великость завоеванія.

Царствованіе Мугаметово отличаетъ весьма счастливыми предпріятіями, въ которыхъ сила и хитрость спорили между собою о первенствѣ. Исчислено, что сей Султанъ завоевалъ двѣ Имперіи, двѣнадцать Королевствъ и двѣсти городовъ.

Аины повиновались разнымъ Государямъ. Наконецъ сдѣлались они принадлежносію нѣкоего Аччіаюли, происходившаго

онъ одной Флорентинской фамилиі, которая и теперь существуетъ, но въ бѣдности. Последний Князь, или Герцогъ сего имени, оставилъ по себѣ малолѣтняго сына подъ опекою вдовы. Сія послѣдняя спрасивно любила Венеціанца, по имени Пальмеріо, которому вздумалось на ней жениться и сдѣлалась самому повелителемъ Аѳинъ. Для сего отправилъ онъ ядомъ собственную свою жену.

Негро, племянникъ послѣдняго Герцога, воспросившись его намѣренію. Онъ взволновалъ народъ, схватилъ Регенша и черезъ нѣсколько времени велѣлъ его въ Мегарѣ казнить. Пальмеріо призвалъ на помощь Турокъ, и сдалъ имъ Аѳинскую цитадель. Такимъ образомъ Ашшика сдѣлалась Турецкою провинціею.

Такой же успѣхъ имѣло Мугамешово оружіе въ Моревѣ. Два Палеолога, братья послѣдняго Императора, домогались помощи отъ Султана противъ Албанцевъ. Онъ по своему защитилъ ихъ, но есмь — завладѣлъ безъ дальнихъ околичностей ихъ землею.

Завоеваніе Родоса было не такъ легко. Сей островъ принадлежалъ Мальшійцамъ. Съ приближеніемъ врага, собрались они и поклялись Гросмейстеру своему Обюссону въ безусловномъ послушаніи. По его призыву

спеклись на островъ Рыцари изъ всѣхъ чашей Европы. Турками начальствовала Мизахъ Палеологъ, которъй, происходя ошъ крови Констаншинопольскихъ Императоровъ, изувърствомъ своимъ достигъ званія перваго Паши Турецкаго Государства. Осаждающіе имѣли 160 большихъ кораблей и шотысячную армію. Они начали свои двѣдшвія въ Маѣ 1481. Первая баштарея обращена была прошивъ крѣпостцы Св. Николая, крѣпчайшей изъ всѣхъ. Гросмейстеръ съ брашомъ своимъ защищала брешь, и Янычары были опражены съ величайшимъ урономъ.

Тогда Турецкій Генералъ обратился свое нападеніе на Іудейскій кварталъ, котораго спѣны были слабы. Но когда сильная канонада ее разрушила, замѣтили, что Обюссонъ выстроилъ за нею гораздо крѣпчайшую. И шакъ нападеніе не удалось, и здѣсь Мизахъ послала въ городъ злодѣвъ, чшобъ оправить ядомъ Гросмейстера. Умысель сей опкрылся, и посланныхъ народъ расшерзала на часши.

Снова спали осаждашь крѣпостцу Св. Николая. Ее отдѣляла ошъ Турецкаго спана одинъ узкій каналъ. Паша велѣлъ усстроить барочный мостъ, которъй спарались ближе подвесши къ валу. Приспущъ началъ

ся ночью, и Турки думали взобраться на стѣну. Ихъ пошеря была весьма велика. Немногіе только достигли до верху стѣны, но и тѣ пали подъ мечемъ Христіанъ. На разсвѣтъ барочный мостъ былъ попопленъ и всѣ, на немъ находившіеся, пошли ко дну.

Непріятель лишился храбрѣйшихъ и лучшихъ своихъ войскъ. Еще, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ покушеній, Паша вздумалъ войти въ переговоры. Онъ предложилъ осажденнымъ почетную капитуляцію. Многіе изъ Рыцарей, казалось, были склонны принять ее, но твердость Гросмейстера спасла островъ. „Голова того, кто говоритъ о капитуляціи“ — сказалъ онъ: „падеши ошъ моей руки.“

Начался новый приступъ; 2500 храбрѣйшихъ солдатъ взлѣзли на стѣны, непримѣченные осажденными. Наконецъ Гросмейстеръ увидѣлъ опасность. Съ неистовымъ бѣшенствомъ успремился онъ прошивъ собственныхъ своихъ укрѣпленій. Уже получилъ онъ пять ранъ; но Турки были отражены. Обюссонъ оспался на мѣстѣ. Мизахъ Паша снялъ осаду, и возвратился въ Констанцинополь съ оспашками своего флота и арміи.

Вскорѣ потомъ умеръ Мугаметъ II, на пятьдесятъ первомъ году ошъ роду, въ то время, когда дѣлалъ онъ пригошовленія къ но-

вой войнѣ прошиву Персіянъ и прошивъ Хрисіанъ. На гробницѣ своей велѣлъ вырѣзашъ слова: „Мое намѣреніе было взявъ Родось и покорить гордую Италію.“ — Турки уважаюшъ въ немъ великаго чловѣка. Онъ былъ безъ сомнѣнія храбръ, смысленъ, предпріимчивъ; но пришомъ не всегда счастливъ. Скандербергъ часто побивалъ его армію, а Гуннадъ принудилъ, послѣ величайшей пошери, снявъ осаду Бѣлграда, кошорою онъ управлялъ лично.

Мугамешъ былъ весьма жестокъ. Два примѣра послушашъ доказательствомъ. Взавъ на капитуляцію Негропоншъ, древнюю Эвбею, поклялся онъ своею головою, что пощадитъ головы осаждающихъ. Но едва овладѣлъ крѣпостью, какъ велѣлъ шѣло храбраго Губернатора Аррецо перепилитъ на-двое, говоря, что обѣщаль пощадитъ головы, а не ребра. Онъ умершвилъ собственною рукою дочь Намѣстника, кошорая не хошѣла поддаться скошской его пошони.

Вшорой примѣръ его люшости не менѣ значимеленъ. Его старшій сынъ Мусшафа пріобрѣлъ нѣкошорый успѣхъ надъ Персіянами, и шѣмъ возбудилъ зависть ошца. Онъ ожидалъ только благопріятнаго случая, ошъ него избавишся. Вскорѣ таковшй предшавилъ. Молодая супруга Великаго Визира

Ахмеша пошла въ баню и уронила предъ Мусшафою свое покрывало. Сей прельстился ея красою, и послѣдовалъ за нею въ баню. Ахмешъ пожаловался на шо Сулшану, кошорый сдѣлалъ спрожайшій выговоръ сыну. Мусшафа жаловался друзьямъ своимъ на шакую спрогость, и черезъ три дни былъ удушенъ.

Едва прошекло два столѣтія съ шѣхъ поръ, какъ Ошшоманъ владычествовалъ надъ 400 семействами, и Турки завоевали уже прекраснѣйшія на землѣ спраны; ужѣ имъ принадлежали превосходнѣйшія части шого Государства, кошорое Римляне называли *міромъ* и кошораго завоеваніе казалось имъ преимуществвомъ ихъ надъ всѣми народами въ храброспи и въ мудроспи. Турція заключала въ себѣ Египешъ, Сирію, Палестину, Караманію, Грецію, Албанію, Боснію, Сербію и Македонію. Турки сдѣлались повелителями Каира, Іерусалима, Дамаска, Аѣинъ, Спаршы, Оивъ и Констаншинополя. Тигръ, Эвфратъ, Волга и Дунай прошекали въ областяхъ ихъ.

Духъ и характеръ завоевателей.

Первообразный характеръ Турокъ просшь, какъ у народовъ пасшущескихъ или воиншвенныхъ. Они дѣящельны и дѣшны, жестко-

ки и великодушны, быстры подь оружіемъ и несклонны къ работѣ, счастливы въ трудностяхъ войны и въ изнѣженности покоя. Они вообще умѣренны и привычны къ скудости въ всемъ. Послушные рабы заповѣдей Пророка своего, презирающъ они всякій другой законъ. Онь природы просодушны, ошкровенны, искренни, но мало еще образованы, чшобы повимашъ священныя обязанности договора или общанія, со всякой другой націей, кромъ Музульманской. Ихъ любоспьяжаніе, кажешся, давно уже исказило характеръ ихъ.

Турки ошличающся, почти во всѣхъ ошношеніяхъ, онь прочихъ Европейскихъ націй. Ихъ одежда, ихъ обришая, чалмою покрышая голова, ихъ длинная борода, ихъ величаявая осанка, соспавляющъ разишельную прошивуположность съ одвѣніемъ и обычаами Христіанскаго обществя.

Нравспивенное различіе столь же разишельно. Турокъ имвешъ немного спрасшей, но онь въ немъ сильны и спремьяшся безъ околичностшей къ цѣли. Онь золь, и умерщвляешъ врага своего. Онь жадень, и овладываешъ имуществомъ слабѣйшаго. Онь любоспращенень, и покупаешъ женъ, чшобъ заперешъ ихъ и упошребляшъ орудіемъ своихъ похосей.

Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о запушанныхъ пронырешвахъ, о той безпрестанной подвижности, о той переменчивости мнѣнія, какія споль обыкновенны у народовъ сѣверныхъ. Онъ не имѣетъ понятія и о нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, о нашемъ различіи состояній, о нашихъ обыкновенныхъ упражненіяхъ, словомъ, обо всемъ томъ, что насъ вседневно занимаешь, и чѣмъ спараемся мы удовлетворить своему щеславію и склонности къ новизнѣ.

Жизнь его покойна, непричудлива, даже скучна, если не приведена въ движеніе великими врожденными спрасьями. Сильный порывъ въпра гонитъ его въ открытое море, или бросаетъ въ гавань; совершенная пишина оспавляетъ неподвижнымъ на волнахъ.

Соспавъ и образованіе нашихъ обществъ весьма зависить опъ нашего обращенія съ женскимъ поломъ, какъ въ домашнемъ, такъ и въ публичномъ бышу. У Турокъ нѣтъ сей великой пружины удовольствія и скорбей. Ихъ отношеніе къ женщинамъ соспавляетъ смѣсь уваженія, грубой чувственности и почши сумасбродной ревности. Ни посстороннимъ, ни даже искреннѣйшимъ друзьямъ своимъ не позволяють они видѣть лица женъ своихъ. Никшо

не смѣешь войши въ ихъ комнашу. Сами онѣ могушь выходишь въ мечешь, или къ своимъ пріятельницамъ, но всегда подь покрываломъ и, если возможно, сопровождаемы нѣсколькими рабами.

Религія можешь двояко способствовашь къ счасію и къ нравственному усовершенствованію чловѣка. Она можешь, своими догматами и ученіемъ, опшдаляшь спрасши, съ кошорыми чловѣкъ наиболее долженъ боролсья въ жизни, и кошорыя рѣдко бываюшь наказываемы закономъ. Она можешь, сверхъ того, обшцашь ему вѣчную награду за послѣдованіе добродѣтели, и угрожаешь порокамъ его вѣчнымъ наказаніемъ.

Хрстіанская религія удовлетворяешь обшчимъ симъ цѣлямъ. Она доставляешь обшчеству бодрость, патріотизмъ, всѣ шѣ качества, кои могушь вести чловѣка къ улучшенію, къ усовершенствованію. Она же способствуешь исполненію пруднѣйшихъ добродѣтелей; обуздываетъ спрасши; предписываетъ умѣренность, смиреніе, прощеніе оскорбленій; обшцаешь награды и наказанія въ бышіи будущемъ.

Нѣкошорые стихи Корана шакже предосерегаютъ опъ мстительности; но сіе предосереженіе не довольно строга, не довольно опредѣлительно. За всѣмъ шѣмъ Му-

зульманинъ покоряется ему. Въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ Корана предписывается Мугаметъ своимъ приверженцамъ, довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, ежели кто ихъ оскорбилъ или обидѣлъ во гнѣвъ. Симвъ средствомъ конечно весьма умалешься строгоспъ закона.

Турки вообще человеклобивы, великодушны, сострадашельны къ несчастнымъ. Ихъ сострадашельносшь проспирается даже и на звѣрей. Но когда бродить въ нихъ спрасшь, когда оскорблена ихъ гордосшь, или сдѣлана помѣха ихъ наслажденію, нѣспъ существа споль дикаго, споль кровожаднаго, какъ смиренные послѣдователи Исламизма.

Побужденія напуры человекской и заблужденіе ума слишкомъ часто доводятъ человека до того, что онъ, забывая возвышенность вѣры и мудрѣйшія правила оной, обращаетъ ихъ сполько въ обряды и церемоніи. При самой чистѣйшей вѣрѣ спребуешся большой бдительности, чшобъ удержатъ въ народѣ истинный духъ религіи. Къ сожаленію, весьма часто подлые обманщики искажаютъ его до гнуснѣйшаго безумства.

Мугаметъ съ самаго начала наложилъ на приверженцевъ своихъ иго безконечныхъ кривляній и дурачествъ, похищающихъ сполько время, и все это назвалъ онъ религіей.

Тѣмъ поглотилъ онъ вдругъ всѣ смиренныя помышленія обыкновеннаго человѣка. Пять моливъ, предписанныхъ имъ къ употребленію предъ солнечнымъ восходомъ, въ полдень, по полудни, при заходженіи солнца и ночью, суть истинныя уроки для попугаевъ, какихъ всякій Христіанъ спалъ бы во глубинѣ души стыдился, какъ вздора, унизительнаго для сердца и разума!

Далѣе слѣдуютъ омовенія. Надлежало бы написать цѣлую книгу, если бъ рассказывашъ всѣ дурачества, которыя должны при томъ наблюдаться; разныя части шѣла, какія когда омывашъ должно; какое платье снять, какое оставишь; чѣмъ причиняешься срамъ; какъ глубока должна быть вода, и проч.

На время поста, называемаго Рамазаномъ, есть другое носшановленіе, для котораго требуешь вся внимательность върующихся. Всѣ сіи обряды, церемоніи и коверканья признаются Музульманами съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ. Но чрезъ сіе-то самое уничтожающа въ нихъ всѣ смиренныя помышленія. Имъ неизвѣстно крошечное желаніе дѣлать добро, эта основа добродѣтели и настоящаго благочестія.

Религія Мугамеша есть не что иное, какъ законъ военный. Сіи кочующіе въ степяхъ Арабы соединены въ одну большую ар-

мію и подвергнушы сстрогой подчиненности, при кошорой однако предоставлены имъ многія вольности и особенно много обѣщано въ будущемъ. Въ семъ отношеніи устлавъ его превосходитъ даже древній и новыи Римскій. Съ симъ послѣднимъ во многомъ согласовался онъ совершенно. Онъ запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина и свинины; учредилъ сстрогіе поспы, чшобы пріучишы ихъ къ скудости и суевѣрными обмочиваніями обогатишы казну свою: Онъ хощѣлъ, чшобы молились они цѣлымъ обществомъ. Онъ объявилъ перемѣну вѣры величайшимъ пресшупленіемъ. Онъ обѣщавъ мученическій вѣнецъ шѣмъ, кшо умрешъ за свою вѣру, шо ешъ за предписанныя имъ кривлянья, и проч.

Слабость царшвовавшихъ въ Константинополь Греческихъ Императоровъ открывала обширное поприще храбрости Турокъ. Пророкъ заповѣдавъ своимъ приверженцамъ непрерывно вести войну съ невѣрующими народами. За шо имъ обѣщана мзда временная и вѣчная.

Всѣ учрежденія спремилась къ шому, чшобы поддержавъ въ Туркахъ духъ воинственный. Каждый Музульманинъ былъ солдатъ. Онъ ошличался ошъ другихъ подданныхъ именовъ *Аскери* и принадлежалъ къ

особому классу. Третья часть завоеванной земли раздѣлялась между предводителями и солдатами. Значительнѣйшія дачи состояли изъ пяти-сошь десятинъ земли, и назывались *Цайметами*. Прочія, ошь шрехъ-сошь до пяти сошь десятинъ, именовались *Тимарами*. Раздѣленная такимъ образомъ земля обрабатывалась прежними владѣльцами оной, и они должны были отдавать новымъ господамъ своимъ десяшую часть выручки или болѣе.

Цайменцы и Тимариоты обязаны были, по призыву Сулшана, шощасъ брать оружіе и слѣдовать за нимъ на сраженіе. Но вскорѣ спали они счишашъ время служенія своего шолько срочнымъ, и шолпами ошавляли знамена, возвращаясь въ свои владѣнія. По сему-шо въ послѣдшвіи шакъ часто прерываемы были, ошпаденіемъ сего феодальнаго ополченія, ошдаленныя войны, кошорыя предпринимала Ошшоманская Порша.

За всѣмъ шѣмъ право на раздаваемыя Сулшаномъ земли не было наследшвенно. По смерти вассала или по какому-либо преступленію, могло оно переходить къ другому.

Дворянское сосшояніе, сія характеристическая черта физіономіи сѣверныхъ монархій, вовсе не было извѣстно Туркамъ.

Изъ самаго низкаго званія можно было возвыситься до высочайшихъ степеней и должностей. Ничѣмъ невозможно было бодрѣе возбудить храбрости въ воюющей арміи. При объявленіи войны, всѣ кипели мужескаго пола какой либо обласни, отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ, возставали поголовно и являлись подъ знамена Паши, который и отводилъ ихъ на войну.

Орканъ первый вздумалъ завести регулярное войско. Но мысль сія выполнена была уже Амурагомъ. Онъ забралъ пятую часть мальчиковъ изъ Македоніи, Сербіи и Булгаріи, велѣлъ воспитать ихъ въ Исламизмъ и ввелъ между ними Турецкую дисциплину. Знаменишій Дервишъ, по имени Гаги Бекпашъ благословилъ ихъ и далъ имъ названіе Генги-Чери (молодые солдаты). Такъ произошли Янычары. Съ тѣхъ поръ наполняли число ихъ, ежегодно забирая пятую часть всѣхъ нѣпильнѣшнихъ Христіанскихъ дѣтей, которыхъ воспитывали въ Исламизмъ.

Пока Опшманское Государство сохраняло первоначальную свою стойкость, ни съ чѣмъ несравнима была правильность его воинскихъ лагерей. Дисциплина была очень строга, а воздержность въ войскахъ почти преувеличена. Но сіе положеніе не было продолжительно; беспорядки и своеволие

довели наконецъ Янычарь до совершеннаго ихъ уничтоженія. Новая милиція въ Константинополь подвергнута прежнимъ правиламъ.

Основою Турецкаго Правительсва былъ собственно религіозный и воинственный энтузіазмъ; слѣдственно и самое Правительсво, оны сего возымѣвшее свое начало, сдѣлалось вдругъ воинственнымъ и религіознымъ. Въ одно и тоже время было оно теократическимъ и спракратическимъ (воедержавнымъ). Изъ сихъ двухъ политическихъ характеровъ нельзя съ точностію опредѣлить ни того, ни другаго. Но вліяніе обоихъ весьма замѣтно въ Исторіи Турецкой. Безъ сомнѣнія наиболѣе дѣйствуетъ военная часть Правительсва. Османъ, или Опманъ, основатель Государсва; былъ солдатъ, а не мулла. Онъ никогда не выдавалъ себя преемникомъ священнаго характера Мугамета и Халифовъ.

Наслѣдственность въ домѣ Османа была поддерживаема суевѣрнымъ мнѣніемъ, что оны сего зависить прочность самаго Государсва. Но воинственный народъ, находившійся всегда подъ оружіемъ, не могъ шептъ надъ собою начальсва женщины или ребенка. По сему-то часто случалось переходить наслѣдству въ боковую родствен-

ную линію, а мужское коленно умершаго Сулшана ошъ онаго оплучалось. Янычары весьма часшо упошребляли сіе, сподь благопріятное для прешоріанской вольности учрежденіе, въ свою пользу и во вредъ Государству.

Когда Селимъ завоевалъ Египецъ, по склонидь онъ Халифа Мугамешанской вѣры пріѣхашъ въ столицу и уступидь ему права свои. Послѣ того назвался онъ Иманомъ, или Первосвященникомъ, а ему далъ названіе Сулшана, или господина. Чрезъ сіе домъ Ошмана пріобрѣлъ новыя права на уваженіе своихъ подданныхъ, и воля его сдѣлалась неограниченною.

Между сими правами естъ одно, весьма странное. Сулшанъ можешъ ежедневно умерщвляшъ чешыриадцашъ человекъ, не объявляя шому никакой причины. Считаешся большою чешью бышъ умерщвлену его рукою. Душа жершвы опсправляешся прямымъ пушемъ на небо. Минисшры часшо, въ награду услугъ своихъ, добивались шакого повшенія.

Сулшанъ естъ шаже главный Судья. Одно его слово можешъ опмѣнитъ всѣ законы, кошорые не составляютъ религіозной части Корана. При религіозныхъ же пре-

образованіяхъ долженъ онъ подвергаться благоусмотрѣнію Улемовъ.

Сии соснояшъ изъ шрехъ классовъ: Доктора Законовѣднія, Судьи и Священника. Послѣдніе наиболѣе уважаюшся. Не пребуешся, чшобъ они исключительно совершали богослуженіе, пошому чшо на сіе имѣешъ право и всякій профанъ. Паши и другіе сановники часшо дѣлаюшъ служителей своихъ Муеццинами, или Иманами. Вся ихъ должность сосноишъ шолько въ шомъ, чшобъ чшашащъ молишвы народу.

Сулшанъ обязанъ всякую Пяшницу (день, замѣняющій у Турокъ Воскресеніе) и при всякомъ шоржешствѣ показыващся предъ народомъ. Кшо желаетъ подащъ ему просьбу, шощъ собираешъ около себя всѣхъ друзей своихъ, кладешъ себѣ на чалму соломенную цыновку и зажигаешъ ее. Сулшанъ обязанъ, увидѣвъ знакъ сей, ошановишся и принашъ просьбу.

Кромѣ Корана, ешъ въ Турціи другая законная книга, называемая Муллека, въ кошорой содержашся разныя мнѣнія древнихъ судей, сосшавляющія всеобщій ушавъ Государства. Лжесвидѣшельства и подкупъ судей весьма часшо случаюшся въ сей землѣ. Ешъ много людей въ Конштаншинополѣ, кошорые обращаюшъ первое себѣ въ ре-

месо, и живушь такимъ прибыткомъ. Сверхъ того считаешся дѣломъ важнымъ, угоднымъ Богу и Пророку—сдѣлашь лѣсвидѣтельство прошивъ невѣрующаго. При всякой плябѣ, выигрывающей долженъ всегда приняшь на себя расходы по оной.

Наказаніе сядуеть непосредственно за приговоромъ, и передъ самимъ судьей. Если прешупленіе не найдено заслуживающимъ смерть, то сіе наказаніе состоитъ въ *ба-стонадѣ*, въ продолженіе которой судья очень покойно куришь свою трубку, и смотря по шому, болѣе или менѣе забавляющъ его спрданія осужденнаго, произноситъ ранѣе или позже свое окончательное: *довольно!*

Подати плащаются только невѣрующими и швами изъ Музульманъ, которые не принадлежатъ ни къ арміи, ни къ милиціи. Онѣ состоятъ изъ *мири*, или поземельной подати, таковой же съ частныхъ имуществъ и *хараджа*, или поголовной. Первая состоитъ изъ десятой или няшой части со всѣхъ произведеній оной земли, и плащаются въ Императорскую казну или Пашамъ. Вторая часто опредѣляется по произволу; но въ Греціи простиралась она до четвертой части дохода, или прибытка. Хараджу берется ошь четырехъ до двѣнадцати пѣаспровъ.

Его плащитъ всякій, кто достигъ двѣнадцати лѣтъ.

По каждой * области дѣлается оцѣнка, сколько должна она давать Государству дохода, и сборщикъ обязанъ ручаться своею головою, что все сполна заплачено будешь. По сему онъ охотнѣе выручаетъ болѣе, нежели менѣе, и обогащается въ короткое время. Съ Морей Султанъ получалъ ежегодно два милліона піастровъ, Ходжи-Баши полтора милліона и Паши милліонъ. Къ тому надобно причислить произвольные поборы Пашей, которые всегда весьма значительны.

И всеми сими пожертвованіями Христіанскій подданный Султана не пріобрѣтаетъ ни малѣйшаго личнаго обезпеченія. Клятва Христіанина, въ слѣдствіе Мушпиевой *фетфы*, тогда только считается дѣйствительною, когда поручится въ ней Музульманинъ. Но и такое поручительство за невѣрнаго можетъ сдѣлать только шопъ, кто не пропускаетъ никакой религіозной обязанности, то есть въ чщеніи моливъ, омовенійхъ и проч.

Лжесвидѣтельство Музульманина противъ невѣрующаго наказываешь только незначительнымъ денежнымъ штрафомъ. Лжесвидѣтельство Христіанина противъ Музульманина неминуемо подвергаетъ перваго

смерши. Если Музудьманинь убьешь невѣрующаго, шо хошя по закону и осуждаешся, но приговоръ не приводишся въ исполненіе, и убійца остаешся безъ наказанія. Если же Христіанинь поднимешъ руку на Музудьманина, даже не сдѣлавъ ему никакого вреда, онъ уже никакъ не избавишся смерши.

Христіанамъ позволено жишъ шолько въ домахъ сѣраго цвѣша. Ихъ одежда шакже сѣрая. Подъ спругимъ наказаніемъ запрещено имъ надѣвашъ зеленую чалму, бѣлую шаль и желшыя шуфли. Не смѣюшъ они шакже появляшся верхомъ на красивой лошади.

Жизнь Христіанъ въ Турціи непрерывно подвержена опасности и причудъ или гнѣву перваго встрѣчнаго Музудьманина. Сии варвары не щадяшъ ни лѣшъ, ни полу. Обычай носить оружіе усугубляешъ ихъ раздражительность, и послѣ шого легко пошпигнушъ, каково долженствовало бышъ положеніе народа, презираемаго до крайности, особенно нестерпимаго за религію, и живушцаго въ средѣ другаго влашвующаго народа, всегда носящаго саблю при бедрѣ и пишолешъ за поясомъ.

Естѣшвенно и почти ушѣшительно, что шоль дурная систѣма правленія, какова Турецкая, долженствовало бышъ весьма невыгодна для Монарховъ и опустоши-

тельна для всей страны. Доходъ, получаемый Султаномъ съ богатѣйшей части древняго Римскаго Государства, простирается только до сорока, много до пятидесяти милліоновъ гульденовъ. Вся Аѣинская обласль даетъ ему не болѣе 50,000 гульденовъ.

Плодоноснѣйшія провинціи безпрестанно опустошаются разбойниками, или какимъ нибудь начальникомъ шайки, каковымъ называютъ и всякаго возмутившагося Пашу. Повсюду нападаютъ на караваны, грабятъ сельскихъ жителей и уничтожаютъ ихъ жатву. Въ Сиріи случается иногда, что кочующія племена начинаютъ утверждаться на какомъ либо мѣстѣ, обрабатываютъ землю и занимаются промышленностію; но едва дойдешь о томъ до свѣдѣнія Пашы, онъ нападаетъ на нихъ съ разными притѣснительными требованіями, и заставляешь ихъ снова удалиться въ степи и обратиться къ кочевой жизни.

Нравственная испорченность есть другое, весьма горестное послѣдствіе сей грубой системы правленія. Лестство, пронырство, ложь, клеветнопредупленіе, жестокость, насильство въ обласляхъ Ошшоманскихъ, если не всеобща, то весьма обыкновенны. Во Фракіи жители прячутъ свое имущество, боясь, что рано или поздно бу-

дети оно опиято. Въ Египтъ плашишь народъ подаши шогда шолько, когда прину- ждають его къ шому побоями и мучи- шельшвомъ.

Взаимная недовѣрчивость замѣтна по- всюду. Правительство всеми подданными счищается палачемъ, всегда бичующимъ и кровожаднымъ. Несчастный Райя ненавидишь законъ, кошорый угнешаетъ его и *никогда* не охраняетъ. Онъ льстишь, лукавишь, об- манываетъ и предаетъ, когда бы- ваетъ слабѣйшимъ. Онъ разрушаетъ, уро- дуетъ, умерщвляетъ, когда чувствуетъ се- бя сильнѣйшимъ.

Таково было и есть положеніе Турец- каго Государства.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

24 *Poésies européennes, par Léon Halevy* (Европейскія стихотворенія, перев. Леопольдъ Галеви, переводчикомъ Горациевыхъ Одъ, Книга 1-я). Парижъ, 1827, въ 8.

(Подъ симъ заглавіемъ, одинъ молодой Французскій Поэтъ, сотрудникъ Издашелей Журнала: *Revue Encyclopédique*, выдаетъ свои переводы или подражанія въ стихахъ, взятыя изъ лучшихъ произведеній современныхъ Поэтовъ, и какъ видно, со всѣхъ Европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и съ Русскаго. Въ упомянутомъ здѣсь Журналѣ, нѣкто de Р*** (кажется де-Понжервиль) опшываетъ съ великою похвалою о своемъ сотрудникѣ. Онъ говоритъ, что „поэтъ, „кто побѣдоносно состязался съ Горациемъ, „не долженъ уже бояться никакой бипвы.“ Намъ кажется однако жъ, что и для побѣдоноснаго прошивоборника Горациева есть еще нѣкошорыя причины опасенія въ состязаніи съ другими подобными бойцами: главная изъ нихъ — незнаніе оружія своего

прошивника. Чтобы хорошо переводить поэтически со всех Европейских языков, надобно всё их знать, и знать совершенно, а не перелагать въ стихи съ незнакомаго языка по наслышкѣ, или по чужимъ прозаическимъ переводамъ. Мы уже знаемъ, каковы подражанія сего рода: Г. Дюпре-де-Сен-Моръ е tutti quanti довольно уже намъ показали, чего можно ждать ошь стихошворныхъ переводовъ *третьей руки*. Тамъ всё Русскіе Поэты подведены подъ одну мѣру: у каждаго изъ нихъ сполько дарованій, сколько у самого прелагателя. Впрочемъ, не имѣя въ рукахъ книжки Г. Леона Галеви, мы не можемъ сказать ничего ни про, ни contra: сказанное нами выше, должно приниматься въ общемъ смыслѣ и какъ слѣдствіе печальной опытности. Подождемъ, пока увидимъ *Европейскія стихотворенія*: можешь быть, въ нихъ и болѣе Европейскаго, нежели чисто Французскаго, и пожелаемъ ошь чистаго сердца, чтобы обещанное *разнообразіе* соспояло не только въ заглавіяхъ стихошвореній, въ именахъ Поэтовъ и названіяхъ языковъ, съ коихъ стихошворенія сіи переложены. Между тѣмъ вошь что говоришь рецензентъ Французскій. „Разнообразіе стихошвореній, переведенныхъ „Г. Галеви, придаешь имъ новую занима-

„шельность. Пріятно переходить ошь чше-
 „нія Нѣмецкой сказочки къ *Идилліи Итали-*
 „янской, ошь *Кантаты Новогреческой* къ
 „*Элегіи Русской* или *Шведской*.“ Кромъ
 упомянушаго нами условія, ш. е. почнаго
 и совершеннаго знанія языковъ, на коихъ
 написаны подлинники всѣхъ сихъ спихо-
 швореній, каковы должны бышь гибкость-
 примѣнчивость и разнообразіе дарованія въ
 переводчикъ, чшобы соблюсти вполне всю
 оригинальность каждаго произведенія вмѣ-
 спъ съ духомъ каждаго Поэша, и дашь вся-
 кому изъ нихъ слогъ, приличный пому ро-
 ду Поэзіи, къ кошорому оно принадлежишь.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

П о э з і я.

17. *Манфредъ*, драматическая Поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Лорда Байрона. Перевелъ съ Ангелійскаго М. В. С. П. б. въ шпогр. Медиц. Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1828. 64 стр. въ 8.

(А. Пишо, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ швореній Л. Байрона на Французскій языкъ, говоритъ въ своихъ замѣчаніяхъ о Байронѣ и его Поэмахъ: „что въ Манфредѣ „геній сего Поэша блещетъ и отражается „въ рѣкахъ и водопадахъ, на вершинѣ горъ „и въ пространствахъ воздушныхъ. Здѣсь- „шо чудеснымъ даромъ своимъ облекъ онъ „въ шѣлесные образы созданія, совершенно „мешафизическія. Нѣшь Поэмы, въ кошорой „бы видъ внѣшней природы говорилъ намъ „съ такимъ прекраснымъ, торжешвеннымъ

„и величественнымъ выраженіемъ. Шекспиръ
 „умѣлъ уже дать симъ опвлеченностямъ
 „жизни человѣческой, кои оуществуютъ
 „только для умшвеннаго нашего понятія,
 „виды столь полныя, столь ясныя и оду-
 „шевленные, какъ идеальныя формы видимой
 „природы; каждое слово Аріеля (въ Драмѣ
 „the Tempest), изображаетъ намъ чудное су-
 „щество его: мы находимъ въ Манфредѣ
 „весьма замѣшныя подражанія сему чародѣй-
 „ству поэтическому. Лордъ Байронъ при-
 „далъ въ немъ видимыя образы своимъ чув-
 „ствованіямъ и понятіямъ, дабы ихъ схва-
 „тить, прилѣпиться къ нимъ и обнять ихъ
 „въ своемъ воспоргѣ. Два Альповъ кажет-
 „ся порожденіемъ прозрачной пѣны водopa-
 „да, какъ будто бы взоры Поэта, недоволь-
 „ныя прелестями неодушевленной природы,
 „вызывали сіи блестящія видѣнія, чтобы
 „пишашъ ими изшупленную спросашъ души
 „его. . . .“

„. . . . Нравственностъ дышишь въ каж-
 „домъ словѣ Манфреда: въ его задумчивости,
 „въ его горестяхъ, въ изшупленіи, въ оп-
 „чаяніи и въ самой кончинѣ. Мы узнаемъ
 „въ семъ смѣшанномъ беспорядкѣ мыслей,
 „начала чистѣйшаго бытія.“

Не присовокупляя ничего къ словамъ
 сего Кришика, коего сужденія на счетъ сей

Поэмы, по мнѣнію нашему, заслуживаютъ полную довѣренность, скажемъ, что Русскій переводъ Манфреда достоинъ подлинника. Мысли Байрона выражены вѣрно и облечены въ языкъ Поэзіи возвышенной и часто пробуждающей сончайшія струны души человѣческой; и если есть недоспаіки (какъ напр. нѣкоторыя неправильныя обороты, въ иныхъ мѣстахъ переспановка словъ и нѣсколько стиховъ негладкихъ), то они суть необходимая, можно сказать, дань первымъ опытамъ: ибо Поэтъ-переводчикъ, какъ извѣстно, симъ трудомъ вступаятъ еще на поприще Поэзіи. Да благословятъ Музы первые шаги его, и да угладятъ ему путь дальнѣйшій!)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № XII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Г В И Д О.

(Окончаніе.)

19.

На другое утро Гвидо опять былъ на ученѣ; но, на этошъ разъ, думая вовсе о другомъ, въ разсѣяніи дѣлалъ множество споль грубыхъ ошибокъ, что по всей справедливости заслуживалъ суржайшее наказаніе. Однако же сержаншъ, помня вчерашнее происшествіе, бѣольшую часть пропускалъ безъ вниманія, за самыя же непроспешельныя погрѣшности выговаривалъ съ кротостію. Но не споль снисходительнень былъ онъ къ сосѣду, на кошораго изливалъ всю желчь свою. Ни однимъ шемпомъ, ни однимъ шагомъ его не былъ онъ доволенъ, и ругательства рѣкою лились изъ скверныхъ устъ. Сначала Гвидо, углубленный въ свои мечшанія, не замѣчалъ сего, но наконецъ увидѣлъ свирѣпость ширана и слезы, кашив-

шіяся по блѣднымъ щекамъ несчастнаго юноши.

„За что это сего дня сержантъ шакъ на тебя нападаешь?“ спросилъ его Гвидо во время роздыха. „Онъ видно хочеть заму-чишь меня до смерти“ — ошвѣчалъ рекрутъ: „за то, что опецъ мой просилъ прямо Капитана объ увольненіи меня изъ службы. Вчера въ караулъ придрадся ко мнѣ, и за самую бездѣлицу наказалъ жестоко; сего-дня же будешь мнѣ не лучше, я вижу это по глазамъ его. Если бь я умерь когда нибудь подь его руками, по крайней мѣрѣ прекрапились бы мои мученія; и если бы я не боялся навлечь безчестія на моего опца — давно бы ужѣ самъ посягнулъ на жизнь свою.“

„Зачѣмъ же шерпишь ты подобные пошунки?“ спросилъ Гвидо съ гнѣвомъ.

„Ты вѣрно въ горячкѣ!“ ошвѣчалъ мученикъ: „неужели мнѣ вооружиться прошивъ начальства, чшобъ послѣ умереть на добномъ мѣстѣ?“

Ученье началось снова, снова обрати-лось бѣшенство сержанца на несчастнаго юношу, и наконецъ злоба сего чудовища из-лилась ужаснымъ образомъ. Не въ силахъ будучи долѣе удерживашься, кинулся онъ на несчастнаго, со всего розмаху ударилъ его по лицу палкою, и кровь полилась ручьемъ.

Оглушенный юноша зашатался. „Жалуйся теперь отцу своему!“ заревел мучитель; но едва успел это выговорить, как Гвидо, видя себя опять гнева, выскочив из фронса, сшиб его кулаком на землю, и схватив за горло, подобно тому, как некогда волка, потащил его к Капитану, который не вдалек учил стрельбы шарых солдат своей роты.

„Что это значить?“ вскричал Капитан, испугавшись, когда Гвидо бросил сержанта к ногам его.

„Этот безчеловечный обезчестил имя Государя своею жестокостью!“ отвечал Гвидо, запыхавшись: „я требую ареста и военного суда для обоих нас!“

„Жаль мне тебя, молодой человек!“ сказал пронутый Капитан, и взяв у него псака, отправил за караулом на гауптвахту.

„Знаю, что мне не видать тебя больше, предестная Роза!“ сказал со вздохом Гвидо: „но я не мог поступить иначе.“

20.

„Опять под караулом!“ воскликнул шутя Ральф, входя через несколько дней в Гвидову шемницу. „Ежели шакъ продол-“

жишься, то вы вскорѣ познакомишься со всеми шюрмами въ Государствѣ. Вы должны быть самый безпокойный человекъ: не можете ни съ кѣмъ ужиться.“

„Пошадите меня ошъ пустыхъ шушокъ!“ возразилъ съ сердцемъ Гвидо. „Если бы поступокъ мой довелъ меня до эшафота, и тамъ бы я спалъ утверждашь, что послунилъ справедливо.“

„Ну, теперь до этого не дойдешь еще“ — отвѣчалъ Ральфъ: „вѣрные друзья и собственное счастье ваше ходатайствовали за васъ. Въ судъ открыты всѣ мерзкіе поступки сержанта, и Государь васъ прощаетъ, а въ вознагражденіе за спасеніе Принцессы жалуетъ Капишаномъ въ гарнизонъ, находящійся въ пограничной крѣпости Боненштейнъ, куда и должны вы отправиться сію же минушу. Пашенъ и подорожная уже готовы.“

„Такъ скоро и такъ далеко ошъ столицы!“ вскричалъ Гвидо горестно.

„Эшо сдѣлано весьма хорошо!“ возразилъ весело Ральфъ. „Принцесса такъ горючо просила за васъ своего дядю, что старикъ удивился и счелъ нужнымъ усилить васъ какъ можно далѣе; — шѣмъ болѣе, что сосѣдній Принцъ, подозрѣвая, что простой гренадеръ лишилъ его благосклонности Пр

жессы, весьма разгнѣвался. Роза очень опхновенно сдѣлала сравненіе между его шрусостію и вашею неустрашимостью; этого Княжеская гордость его не могла снести, и онъ просидѣлся съ Государемъ въ шакихъ выраженіяхъ, что, можетъ быть, скорѣ явишя съ войскомъ благодарить за полученный опказъ.“

„О, если бы мнѣ скорѣ съ нимъ встрѣпшя въ сраженіи!“ вскричалъ Гвидо съ пылающими глазами: „чтобъ я могъ наказашъ дерзкаго за домогательство обладашъ украшеніемъ вселенной!“

„Пошнице, сынъ мой!“ сказала Ральфъ: „въ геройствѣ своемъ мечтаете вы бышъ Государемъ и, правду скажете, мнѣ бы самому весьма хотѣлось видѣшъ васъ предводителемъ арміи; но замѣните, что вновь произведенному Капшану вовсе не приличны шаки гордыя выраженія.“

„Ваша правда!“ отвѣчалъ Гвидо съ горькою усмѣшкою: „я осужденъ всю жизнь мою влачить въ службѣ, и хотя бы чувствовалъ себя способнымъ къ важнѣйшимъ дѣламъ; но происхожденіе мое повергло меня въ ничтожество; одна мысль выйти изъ него есть уже пресупленіе.“

„И шакъ вы полагаете, что въ служеци другимъ есть что нибудъ презришеть-

ное?" спросил Ральф строгимъ голосомъ: „знайте же, что весьма многое нужно, чтобы сдѣлаться хорошимъ слугою. Повелѣвать гораздо легче; но кто не умѣетъ повиноваться, пошъ никогда не будетъ хорошимъ повелителемъ.“ Ральфъ ошановидся, боясь, не сказалъ ли чего нибудь лишняго, и медленно вышелъ.

21.

На границѣ Государства, въ уединенной крѣпости сидѣлъ печальный Гвидо между книгами, ландкаршами и военными планами; тщетно спараясь учеными занятіями изгнать изъ сердца своего мысль о прекрасной Розѣ, которая повсюду его преслѣдовала. Вдругъ съ шумомъ входитъ къ нему Полковникъ гарнизона, человекъ весьма веселый и любезный. „Когда ищешь васъ въ свободное отъ должности время“ — сказалъ онъ весело: „вѣрно всегда найдешь за книгами. Вы уже слишкомъ много занимаетесь и наконецъ право впадете въ ипохондрію.“

„Этого я не боюсь“ — отвѣчалъ Гвидо, улыбаясь.

„Товарищи ваши ни какъ не могутъ къ вамъ принаровиться“ — продолжалъ Полковникъ: „они выдають васъ только въ долж-

носпи или развѣ еще на охотѣ, а веселыя пирушки ихъ кажется вы презираете.“

„Я не имѣю къ нимъ склонности; азардныя же игры мнѣ очень не нравятся“ — отвѣчалъ Гвидо.

„Однако, ежели вы хотите жить въ обществѣ“ — возразилъ Полковникъ: „по должны себя немного принудить соображаться съ его обычаями; кто презираетъ ихъ и убѣгаетъ всѣхъ, тотъ рѣдко бываетъ любимъ, а чаще ненавидимъ за желаніе казаться умнѣ другихъ. Право—послѣдуйте моему совѣту: вынейте иногда лишнее, пошлите съ пригожею дѣвушкою, поссорьтесь когданибудь, чтобы поварищи ваши видѣли по крайней мѣрѣ, что въ васъ есть жизнь, и что вы принадлежите къ ихъ обществу.“

„Рука моя и сердце“ — возразилъ Гвидо горячо: „всегда готовъ къ услугамъ каждаго изъ моихъ товарищей, кто только того потребуетъ; но соображаться съ ними въ глупостяхъ, я не чувствую себя обязаннымъ.“

„Какъ вамъ угодно“ — сказалъ Полковникъ: „теперь обратимся къ дѣлу. Я ѣду въ отпускъ, и на это время поручаю вамъ главное начальство въ крѣпости.“

„Мнѣ, господинъ Полковникъ?“ спросилъ Гвидо съ удивленіемъ: „я младшій Капитанъ въ полку.“

„Какъ Коменданшъ, могу ли поручить вмѣсто себя команду, кому захочу“— отвѣчалъ Полковникъ: „не наблюдая припомъ старшинства по службѣ, а къ вамъ имѣю я наиболѣе довѣренности.“

„Я въ полной мѣрѣ чувствую честь, копорой вы меня удостоиваете“— сказалъ Гвидо: „и постараюсь оправдать вашу довѣренность; теперь прошу дать мнѣ вашу инструкцію.“

„Боже мой! что шумъ за инструкція; командуйте такъ же, какъ я, вошь и все шумъ. Объ опчешахъ и донесеніяхъ заботитесь подковой писарь; а вы прикажите по вечерамъ приносить къ себѣ ключи опъ ворошь; оспальное же само собою окажется. Во время мира наша служба весьма легка и однообразна. Копите только деньги, чшобы возвращаясь нашеть я побольше, и тогда опрекомендую васъ всѣмъ Коменданшамъ, какъ достойнѣйшаго офицера.“

Онъ выщель. „Копить деньги! копить для Полковника!“ вскричалъ удивленный Гвидо. „Но опкуда и какъ? Спросишь спыжусь, онъ осмѣешь меня въ глаза за мое невѣжество. О, какъ мало помогаюшь въ жизни одни книжныя познанія, и какъ много значишь опытность!“

Подковникъ уѣхалъ. Гвидо, вспутивъ въ новую должность, пошчасъ осмошрѣлъ всю крѣпость, обошелъ работы и наконецъ за-сѣлъ за опчешы и донесенія, на кошорыя полковой писарь долженъ былъ давашь ему нужныя поясненія.

„Эшошь списокъ несогласенъ съ наличнымъ числомъ людей!“ сказалъ онъ съ неудовольствіемъ.

„Ежели ваше благородіе къ наличному числу приложите находящихся въ оппуску шогда будешь вѣрно“ — отвѣчалъ писарь.

„Но въ расчешь объ жаловань посшавлены также и шѣ. Развѣ и они получаюшь полный окладъ?“

„Никакъ нѣшъ“ — отвѣчалъ писарь, улыбаясь.

„Какъ же можно обсчешывашь казну?“ вскричалъ Гвидо.

„Жалованье увожденныхъ въ оппускъ обыкновенно осшашеся въ пользу командира“ — возразилъ писарь.

„По какому закону?“ спросилъ Гвидо скоро.

„По приняшому давно уже обыкновенію“ — отвѣчалъ писарь: „шакъ всегда велось у насъ.“

„Какъ бы давно ни велась несправедливость, она никогда не дѣлается законною“ — сказала Гвидо съ сердцемъ и про себя чиналь далѣе. „Здѣсь поставлено госпитальное содержаніе на десятерыхъ!“ вскричалъ онъ: „я же насчиталъ больныхъ только пять человѣкъ.“

„Одинъ счетъ долженъ помогать другому“ — пробормоталъ испуганный писарь: „господинъ Полковникъ самъ приказалъ показывать число больныхъ вдвойнѣ.“

„Число лошадей также несходно съ наличнымъ!“ сказалъ Гвидо, чиня далѣе: „кто же получаетъ фуражъ на осипальныхъ?“

„Господинъ Полковникъ“ — ошвѣчалъ писарь.

„Здѣсь поставлено въ счетъ содержаніе трехъ Государственныхъ арестантовъ“ — продолжалъ Гвидо: „я же знаю только объ одномъ.“

„Двое изъ нихъ померли съ годъ тому назадъ“ — сказалъ часъ опъ часу приходившій въ большее замѣшательство писарь.

„Какъ же можно кормить и одѣвать ихъ на томъ свѣшѣ?“ вскричалъ Гвидо съ гнѣвомъ.

„Подобныя бездѣлки составляютъ доходъ Коменданта“ — было ему ошвѣщено.

„Здѣсь нахожу я издержки на постройку бруствера на сѣверномъ валу“ — продолжалъ онъ: „между шѣмъ, какъ весь валъ лежишь въ развалинахъ.“

„При счетѣ находяпся росписки рабочихъ людей въ исправномъ полученіи денегъ“ — сказалъ въ отвѣтъ писарь, желавшій скорѣе отдѣлаться.

„Да, на бумагахъ!“ возразилъ новый Комендантъ съ сердцемъ: „но когда непріятель вздумаетъ осадить крѣпость, тогда прошивъ него не поставишь счеповъ, вмѣсто бастиона. — Это должно бытъ иначе!“

„Я ожидаю вашихъ приказаній“ — сказалъ писарь.

Гвидо, прочитавъ еще не много, разорвалъ на части всѣ ошчеты, и сказалъ оробѣвшему писарю: „Подъ такою ложью я не могу подписать своего имени. Перепиши всѣ эти бумаги; только смотри, чпобъ онѣ были сходны съ испиною. Между шѣмъ пришли ко мнѣ рабочихъ. Стѣны и башни, а равно и самыя пушки нацель я въ самомъ дурномъ положеніи, — все это должно бытъ немедленно исправлено.“

„Такое распоряженіе будетъ весьма непріятно господину Полковнику“ — сказалъ писарь: „въ мирное время часпъ издержекъ

на постройку обыкновенно идешь въ карманъ Коменданша.“

„Чтобы во время войны крепость какъ можно скорѣе перешла въ руки непріятеля?“ — возразилъ Гвидо. „Спупай, и сей часъ исполни мое приказаніе; шеперь я здѣсь начальникъ.“

„Слушаю!“ отвѣчалъ писарь, удаляясь съ изорванными счесами.

Еще разъ обратился Гвидо взоры свои на донесеніе о ссылочномъ. „Десять лѣтъ уже въ заключеніи!“ вскричалъ онъ: „а преступленіе? — нигдѣ не видашь его; здѣсь сказано шолько: „впредь до повелѣнія“—это ужасно!“

Онъ проворно всталъ и пошелъ въ башню, гдѣ сидѣлъ узникъ. Тяжелая желѣзная дверь со скрипомъ повернулась на ржавыхъ петляхъ. Изнуренный спарикъ съ сѣдою до пояса бородою, лежалъ на гнилой соломѣ и съ трудомъ оборотился къ вошедшему юношѣ.

„Кшо вы шакovy?“ спросилъ послѣдній съ состраданіемъ: „вѣрно за шяжкое преступленіе заключены здѣсь?“

„Я былъ спряччимъ“ — отвѣчалъ со вздохомъ страдалецъ: „и за шо, что осмѣлился защищать угнетенную невинностьъ прошивъ перваго Миниспра, былъ за десять

лѣшь предъ симъ схвачень съ поспели и отвезень сюда.“

„Вы лжете!“ вскричалъ Гвидо съ негодованіемъ: „но приговоръ суда покажешь мнѣ настоящую причину заключенія вашего.“

„Долго искашь вамъ этого приговора“ — отвѣчалъ спарикъ: „меня не только не судили, но даже и не допрашивали, а нашли гораздо удобнѣйшимъ запретъ безъ соблюденія скучныхъ формъ.“

„Правосудный Боже!“ вскричалъ Гвидо горестно. „Сей часъ перенеси заключеннаго въ верхнюю комнату башни!“ сказалъ онъ тюремщику спрогимъ голосомъ: „дай ему хорошую поспель и призови городскаго лекаря; попомъ займи на три дня его мѣсто въ этой негодной пюрмѣ, чпобы ты узналъ на опытъ, что не только челоувѣку, но и скотинѣ надобно давать время отъ времени свѣжую солому на подстилку.“

„Вы правы, молодой челоувѣкъ“ — сказалъ со вздохомъ спарикъ: „но если не въ силахъ возвращишь мнѣ совершенной свободы, — то оставьте меня лучше здѣсь ожидать смерти, которая вѣроятно скоро положишь конецъ моимъ страданіямъ. Ежели въ послѣдствіе времени вы не будете болѣе здѣсь командовать, и жестокосердые

или небрежные люди снова получаютъ власть, тогда мнѣ будешь гораздо хуже, чѣмъ теперь; привыкнувъ къ хорошему, мнѣ уже труднѣе будешь сносить дурное.“

„Исполняй мое приказаніе!“ повторилъ Гвидо шюремщику. „О васъ же доложу, я непосредственно самому Государю“ — сказалъ онъ обращаясь къ спрадаальцу.

„Да вознаградишь васъ Господь Богъ!“ вскричалъ обрадованный старикъ: „Государь не виновашъ въ моихъ спраданіяхъ, и если бы онъ зналъ, то давно прекратилъ бы ихъ.“

Съ шайною досадою исполнилъ шюремщикъ приказаніе юноши, который самъ проводилъ павника въ новое его жилище. Вскорѣ пришелъ лекаръ, стараніямъ копорраго поручилъ онъ больного. Вдругъ сильный шумъ отозвалъ его на дворъ замка. Тамъ несли блѣднаго и окровавленнаго офицера съ обвязанною головою на его кварширу; нѣсколько офицеровъ заключали печальное шествіе.

„Что такое случилось?“ спросилъ Гвидо одного изъ нихъ.

„Весьма непріятное происшествіе“ — отвѣчалъ шопъ равнодушно. „Мы были на охотѣ: товарищъ мой вздумалъ утверждать, будто бы его Трезоръ лучше моего Нѣро;

я разсердился, онъ шакже, и разгорячившись, мы вышли на дуэль, которая приняла дурной оборотъ; и я боюсь, что противника мой не переживешь завтрашняго дня.“

„Правосудный Боже“ вскричалъ Гвидо въ ужасъ: „убійство между поварищами и за такую ничтожную причину!“

„Ничтожную?“ спросилъ офицеръ съ досадою: „за это слово вы мнѣ дадите удовлетвореніе вашей шпагою.“

„На сей разъ отдайте мнѣ вашу!“ сказалъ Гвидо повелительнымъ голосомъ, и подзавъ къ себѣ караульнаго уншерь-офицера, приказалъ ему отвести арестанта на гауптвахту.

„Какъ? подъ караулъ? и только за обыкновенный поединокъ?“ спросилъ офицеръ, испугавшись: „вы вѣрно шушите, поварищъ!“

„Шпагу вашу!“ закричалъ Гвидо, положивъ руку на ефесъ. „Вотъ она!“ сказала арестантъ въ бѣшенствѣ: „но за такое злоупотребленіе власти мы раздѣлаемся съ вами въ свое время. Сказавъ это, онъ гордо пошелъ въ караульную.

„О ложное понятіе о чести!“ восклицалъ Гвидо: „о адскій кумиръ, — сколько кровавыхъ жершвъ приносима шебѣ на землѣ!“

Гвидо сидѣлъ и разсмащивалъ вновь переписанные ошчешы. Недосмашки, запушанность и прошиворѣчія, за кошорыми споль часто скрывается обманъ, были наконецъ спараніемъ его приведены въ ясность, и тогда сполько увидѣлъ онъ, что разумѣлъ Полковникъ подъ словомъ: копипшь. „Вѣрно никшо въ Государствѣ не бываетъ обманушь грубѣе самого Государя!“ вскричалъ онъ, и очинилъ новое перо, чшобы подробно обо всемъ его увѣдомишь.

Тушь вошелъ въ комнату Вульфъ, спаршій Капипанъ въ полку. „Всегда съ перомъ въ рукахъ,“ сказалъ онъ, шупя: „мнѣ кажется вы держите его охощиѣ, нежели шпагу!“

„Все въ свое время“ — отвѣчалъ Гвидо спрого: „когда мы вспрѣшимся съ непріащелемъ, тогда увидимъ, кшо изъ насъ лучше умѣеть владѣть шпагою.“

„О волкъ молва, а волкъ и шупъ!“ возразилъ Вульфъ. „Развѣ вы ужѣ знаете, что въ самомъ дѣлѣ война объявлена?“

„Неужели въ самомъ дѣлѣ?“ вскричалъ Гвидо радосшно: „благодарю за пріащную новосшь!“

„Ежели радосшь ваша непришворная“ — сказалъ Вульфъ: „шо я очень въ васъ ошиб-

ся, и теперь могу смѣло предложить вамъ мою просьбу. Вы посадили Капишана Горсша подъ арестъ?”

„Того требовалъ долгъ мой!“ ошвѣчалъ Гвидо: „и теперь пишу я Государю донесеніе объ этомъ несчастномъ происшествіи.“

„А я пришелъ просить васъ опъ имени всѣхъ офицеровъ“ — продолжалъ Вульфъ: „оставишь это дѣло въ покоѣ. Капитанъ Боде палъ на полъ чести, и сопернику его нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека.“

„Вы забываете спрогосить законовъ, существующихъ у насъ противъ поединковъ!“ возразилъ Гвидо.

„Такому шолько новичку, какъ вы“ — вскричалъ Вульфъ: „можно просишь подобныя слова. И пошому вы должны принять совѣтъ отъ стараго солдата. Есть много законовъ, но никому еще не приходила въ голову сумасбродная мысль поступать по всей ихъ спрогосити съ военными, душа которыхъ есть нѣжнѣйшее чувство чести. Два офицера, наговорившіе другъ другу грубостей, должны или драться или со стыдомъ оставишь службу, и поступокъ, согласный съ уставами ихъ званія, законы ни какъ не должны наказывать.“

„Законъ, однажды изданный“ — возразилъ Гвидо: „долженъ имѣть всю свою силу.“

до тѣхъ поръ, пока не будешь уничтоженъ. Правосудіе никогда не должно опшпунать отъ того, что единожды признано справедливымъ.“

„Тогда часто было бы оно жестоко-стію“ — отвѣчалъ Вульфъ. „Сверхъ того самъ Государь не можешь и не долженъ пер-пѣшь въ службѣ война, которъй не вступаешся за честь свою; какъ же наказываешь ему строга тѣхъ, которые послунають по ея законамъ?“

„Хорошо, пусть же онъ самъ разсма-шриваетъ и случаи.“

„Того-шо онъ и избѣгаешъ“ — возра-зидъ Вульфъ: „и довѣраешъ начальству, тайно отъ него, наказываешь подобное зло, чтобы узнавъ о немъ, не бышь принуждену прошивъ воли послунашь по всей строга-сти законовъ.“

„Зачѣмъ же и законы“ — подхващилъ Гвидо: „ежели, какъ вы говорише, нельзя исполняшь ихъ? и какъ возможно, чтобы вла-дѣтель Государства, пекущійся о благъ сво-его народа, желалъ не въ полной мѣрѣ того, чего онъ хочешъ, и предославлялъ другимъ скрышно отъ себя дѣлать послабленія ша-кому злу, которое онъ всячески испребилъ сшарается? Нѣшь, я съ вами несогласенъ, и

попому никакъ не могу опспунить опъ моего намбренія, обо всемъ его увѣдомишь.“

„Дѣлайте, что вамъ угодно“ — съ сердцемъ возразилъ Вульфъ: „шолько я вамъ объявляю, что ежели добрый нашъ Горспъ поспрадаешъ черезъ васъ, вы должны будете перевѣдаться со всеми офицерами гарнизона; если же, по опшращенію вашему опъ поединковъ, эшо не будетъ угодно, то придется потчасъ же убираться опсюда, попому, что въ Гюненишшейнъ вы не найдете себѣ мѣста.“ Сказавъ эшо грознымъ голосомъ, омъ въ бѣшенствѣ вышелъ.

„Гореспное прошиворѣчіе законовъ чешпи съ мудрыми Государспвенными постановленіями!“ говорилъ Гвидо печально. „Древній предразсудокъ, во вредъ кошораго удостоверень всякій, еще находить себѣ защитниковъ, не смотря даже и на наказаніе, ему угрожающее! О, если бы я былъ Государемъ!“

24.

Крѣпость была починена, опчешы и донесенія опправлены. Удивленное Казначейство въ холодныхъ выраженіяхъ изъявило свое одобреніе за уменьшеніе расходовъ; Государь собспвенноручнымъ указомъ пове-

дѣлъ несчастному Спряпчому возвратить свободу; о поединкѣ же приказала сдѣлать спрожайшее изслѣдованіе.

Гвидо, упомянутый повсемѣстными злоупотребленіями, съ которыми безпрестанно долженъ былъ бороться, и преслѣдуемый, подобно моровой извѣ, своими шоварицами, нечально сидѣлъ въ уединенной комнаѣ и скучалъ пягосшью своей должности. Въ шакомъ расположеніи духа заспалъ его возвращившійся изъ отпуска Полковникъ.

„Каково поживаете, шовариць?“ спросилъ онъ весело: „сколько-то накопили вы денегъ? Война объявлена, и мнѣ теперь много понадобится.“

„Вопшъ лежишь ошчешъ, изъ котораго видно, почему я ничего не накопилъ вамъ“ — отвѣчала Гвидо съ презрѣніемъ. — „Избавьше меня отъ непріятности объясняшься съ вами подробнѣе и краснѣшь за васъ.“

„Что это значитъ?“ спросилъ Полковникъ торопливо, схвативъ расчетъ. При чшеніи, онъ попеременно то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; рука, державшая роковую бумагу, дрожала. Наконецъ, не дочитавъ еще до конца, онъ бросилъ ошчешъ къ ногамъ чешнаго юноши и закричалъ: „вы поступили со мной какъ бездѣльникъ, а не шовариць.“

„Такой человекъ, какъ вы, оскорбиль меня не можешь!“ сказала Гвидо хладнокровно: „но бранишь меня въ моей кварширѣ не долженъ никто осмѣливаться.“ Съ симъ словомъ подходитъ онъ къ Полковнику, беретъ его за плеча и выпалкиваетъ вонъ.

Спусти четверть часа, въ передней поднялся шумъ, двери расшворились настежь, всѣ офицеры гарнизона вошли въ комнату и въ молчаніи окружили юношу.

„Вы сдѣлали Полковника нашего обманщикомъ въ глазахъ самого Государя, и подняли на него руку,“ сказала, выступая впередъ, старый Вульфъ. „Мы пришли опъ имени его пребывать, чтобъ вы назначили часъ и мѣсто для удовлетворенія его по законамъ чести.“

„Вы ошибаетесь, господа“ — отвѣчала Гвидо: „во всей исторіи съ Полковникомъ не было ни слова о чести. Онъ неслыханнымъ образомъ обманывалъ Государя, и за то, что я не могъ во время его отсутствія поступать такимъ же образомъ, онъ спалъ бранишь меня въ моей кварширѣ. Тогда я употребилъ права свои, потому что изъ своего дому выпалкиваю всякаго, кто непристойно ведетъ себя въ немъ.“

„Говорите, что хотите“ — сказала Вульфъ: „но Полковника вы оскорбили и

должны непременно дать ему удовлетворение, чтобы опять возстановишь честь его.“

„Вы верно не поняли меня“ — возразил Гвидо съ нешерпѣниемъ. „Полковникъ явный обманщикъ, слѣдовательно не имѣешь ни чести, ни благородства. Какъ же могу я возстановишь то, что невозвратно потеряно? и какъ можете вы опъ меня требовать, чтобы я подвергалъ опасности собственную честь, выходя на поединокъ съ такимъ чедовѣкомъ?“

Тутъ поднялся между офицерами шумъ, и Вульфъ вскричалъ: „Такія оспрошы верно почерпнули вы изъ вашихъ книгъ, однако же опъ дуэли ими не ошдѣлаешесь. Ежели Полковникъ сдѣлалъ какой нибудь проступокъ: то пусть судишь его Государь, а не вы; ваша же обязанность дать ему удовлетворение, и мы непременно потребуемъ этого.“

„Коротко и ясно говорю вамъ“ — сказалъ Гвидо вспѣльчиво: „что не буду драться ни съ какимъ воромъ!“

„Такъ оспавъ нашъ полкъ, прусь!“ закричалъ Вульфъ. „Но скинь прежде шарфъ, который ты срамишь, и шпагу, которой не смѣешь обнажишь на защиту чести: ошдай намъ, чтобы изломашъ ее передъ швоими глазами.“

„Изломашь!“ загремѣлъ Гвидо и выхватилъ шпагу.

Въ минушу заблнспали вокругъ него обнаженныя шпаги всѣхъ офицеровъ. „Убейте его!“ кричали одни. „Обезоружьте прежде!“ кричали другіе, и вся толпа бросилась на юношу.

„Всѣ прошивъ одного?“ вскричалъ Гвидо, и клинокъ его, проворно обращаясь во всѣ стороны, сильно отражалъ усшремленные на него удары, и шпаги одна за другою лешали на полъ: „Не спойшь ли эшо въ законахъ вашей чести?“ кричалъ онъ. Но слова на бѣшеныхъ не дѣйствовали. Они сильнѣе начали шѣснить его со всѣхъ сторонъ. „Хорошо же!“ вскричалъ онъ: „вы сами принуждаете меня къ убійству; Богъ да судитъ насъ въ сей битвѣ!“

Съ неимовѣрною силою напалъ онъ самъ на убійцу, шпага его лешала на право и на лѣво, и бѣшеные офицеры, обливаясь своею кровью, валились какъ снопы. „Прочь, бездѣльники!“ закричалъ онъ, бросаясь прямо къ дверямъ, и еще двое упали къ ногамъ его. Выскочивъ изъ комнашы, въ два прыжка очутился онъ на дворѣ. Полковникова лошадь спояла у крыльца еще осѣдланная, онъ мигомъ вскочилъ на нее и помчался за во-роша. Двѣ шпаги, брошенныя изъ окна, про-

свисшали мимо ушей его; онъ еще припю-
рилъ лошадь, и счастливо избѣжавъ опа-
сности, повхалъ рысью къ близлежащему
лѣсу.

Теперь только, когда волненіе въ кро-
ви нѣсколько утишилось, почувствовала
онъ, что былъ раненъ; алая кровь струи-
лась по головѣ и правой рукѣ его. Вскорѣ
ослабѣлъ онъ такъ, что не могъ долѣе дер-
жаться въ сѣдлѣ: почему сошедъ съ лошади,
привязалъ ее къ дубу и въ изнеможеніи
упалъ на шраву.

„Ахъ, неужели это ощущеніе прибли-
жающейся смерти?“ сказалъ онъ съ тяже-
лымъ вздохомъ, когда члены его, начиная
хладѣть, мало по-малу приходили въ оцѣ-
пеннѣе и глаза помрачались: „на свѣтѣ
столько зла, что нельзя даже радоваться
жизни.“

Тутъ сильный обморокъ закрылъ глаза
бѣднаго юноши. „Прощай, Роза!“ сказалъ онъ
невнятнымъ голосомъ и погрузился въ без-
чувствіе.

 25.

Когда Гвидо открылъ глаза, то лежалъ
уже въ замкѣ своего воспиташела. Передъ
нимъ стояли спарикъ Цено и съ ногъ до

годовы вооруженный Ральфъ; оба смотрѣли на него съ низвѣйшимъ участіемъ.

„И шакъ я опять съ тобою, бабюшка!“ вскричалъ Гвидо радостно, протягивая къ нему руки: „не посылай меня болѣе въ большой свѣтъ; съ тѣми правилами, какія ты внушилъ мнѣ, я вовсе не гоюсь для него, и вѣрно погибну въ борьбѣ съ его порокамъ.“

„Для борьбы человѣкъ и созданъ, сынъ мой!“ сказалъ пронувшій Цено: „только по ту сторону гроба вѣчный миръ ожидаетъ побѣдителя. Впрочемъ время твоего испытанія кончилось, и свободное дѣйствіе начинается. Раны твои, благодаря Бога, не опасны! Теперь нужно тебѣ одно только спокойствіе духа, чтобы благодѣтельное дѣйствіе крѣпкаго твоего сложенія могло безпрепятственно и скоро возстановить пошеряныя силы. Опечесство имѣешь нужду въ рукѣ твоей.“

„Вошь она!“ вскричалъ Гвидо, вскочивъ со своего ложа: „я уже не чувствую болѣе ранъ моихъ.“

„Все еще по прежнему“ — сказалъ со смѣхомъ Ральфъ: „пылкость его никогда не пройдетъ, хотя бы надѣлала ему еще большихъ хлопотъ.“ — „Теперь долженъ ты повиноваться друзьямъ твоимъ“ — присовоку-

лилъ Цено съ важностію: „успокойся и береги себя до совершеннаго выздоровленія; тогда, собравшись съ силами, можешь исполнишь свою обязанность. Знай, что по смерти сосѣдственнаго Государя, взомель на престоль сынъ его Флорентинъ, который, въ опмщеніе за холодность Розы, напаль на владѣнія ея дяди, а въ надеждѣ на добычу присоединились къ нему владѣтельные Князья Аспольфъ и Базиль. Союзная армія перешла уже чрезъ границы, и грабитъ города и деревни. Я же, для защиты престарѣлаго Государя нашего, сформироваль небольшое войско изъ отборныхъ молодыхъ людей, и шебъ вручаю надъ нимъ команду.“

„Родитель мой!“ вскричалъ Гвидо видя себя опъ восхищенія и повисъ на шеѣ спарика: „чѣмъ могу возблагодарить шебя, что наконецъ посшавиль меня на приличное мнѣ мѣсто?“

„Въ эпоѣ войны долженъ ты напередъ доказашъ, что достоинъ занимашъ его. Здѣсь недосшашочно одной личной храбрости и явнаго презрѣнія къ смерти. Предводишело, кромѣ мужества, потребны еще присущствіе духа и мудрость; безъ нихъ онъ былъ бы только простой рашникъ. — Я имѣю къ шебъ большую довѣренность; но въ шакихъ случаяхъ, гдѣ познанія и

опышность юноши будущъ недоспашочны, шамъ можешь воспользовашься совѣсами искусившагося уже въ военномъ дѣлѣ, любезнаго нашего Ральфа, котораго даю тебѣ въ помощники.“

„Когда же могу я принять команду?“ шоропливо спросилъ Гвидо.

„Лишь только позволяшь свои раны“ — отвѣчалъ Цено.

„Какъ возможно думать о ранахъ“ — вскричалъ Гвидо съ неперпвнємъ: „въ то время, когда непріатель опустошаетъ Государство и каждый день приноситъ новыя жертвы своему мщенію! Я бы не былъ достоинъ называться своимъ сыномъ, если бы хотя одинъ часъ спалъ медлишь! Раны ошечесіва несравненно глубже моихъ, и шребуютъ скорѣйшаго исцвленія.“

„Великая душа!“ вскричалъ Ральфъ и обнялъ юношу. — „Согласишесь оппустишь его,“ продолжалъ онъ, обращаясь къ спарику: „онъ умреть опъ неперпвнїа; какая же будешь польза опъ излишней вашей заботливости?“

„Бышь такъ!“ отвѣчалъ Цено, рѣшившись: „осшанься же здѣсь по крайней мѣрѣ до шѣхъ поръ, пока нарочный не объявишь шебя войску начальникомъ, а што будешь

сдѣлано завтра же, слѣдовашельно послѣ завтра ты можешь вести его къ побѣдѣ.“

„Потеря двухъ безконечно долгихъ дней“ — сказалъ со вздохомъ Гвидо. „Между тѣмъ сколько переменъ можешь произойти въ теченіе сего времени!“

„Эти два дни не будутъ намъ потеряны“ — сказалъ Цено: „ты употребишь ихъ для составленія хорошаго плана къ походу, безъ кошораго вѣрно не захочешь, какъ сумасбродъ, слѣпо бросишься на непріятеля.“

„Правда твоя, батюшка“ — отвѣчала юноша, покраснѣвъ: „пошли только скорѣе нарочнаго и дай мнѣ карту, кошорую я нѣкогда сдѣлалъ подъ твоимъ руководствомъ; и какъ я еще не могу вѣхать, то буду по крайней мѣрѣ, сидя на постели, назначать переходы и роздыхи, буду совѣтоваться съ тобою и Ральфомъ, какъ поступать мнѣ, чтобы съ честью совершить первый походъ.“

Ральфъ принесъ карту, и развернувъ, подожилъ на постель. Между тѣмъ, какъ юноша со вниманіемъ разсматривалъ оную, онъ глядѣлъ на него исполненными слезъ глазами. „Мягко какъ воскъ при разумномъ совѣтѣ, и швердъ какъ камень прошивъ пороковъ!“ сказалъ онъ въ полголоса старика. „Право вы заслужили вѣчную, не-

увидаемую славу, давъ ему такое воспяшаніе.“

26.

На открышомъ мѣстѣ, среди лѣса, окружающаго замокъ Цено, было расположено войско, къ копорому явился Гвидо для осмотра. Восемьсотъ пѣшихъ и чешыреста конныхъ ратниковъ стояли въ строю; превосходное вооруженіе, молодость, сила и красота воиновъ и мужество, изображавшееся на смуглыхъ лицахъ ихъ, казалось, увеличивали малое число защитниковъ опечесства. Королевскій гербъ развѣвался на знаменахъ, и когда бодрый юноша со свитою своею подѣхалъ ближе, вдругъ загремѣла военная музыка, знамена приклонились предъ нимъ и радостное восклицаніе: да здравствуетъ Гвидо, храбрый начальникъ нашъ! раздастся со всѣхъ сторонъ, и смѣшалось съ шумомъ оружія, звукомъ трубъ и литавръ.

Тутъ Гвидо почувствовалъ, что сердце его какъ бы вырывается изъ груди, и въ восторгъ бросившись въ объятія своего благодѣтеля, вскричалъ: „вопѣ наилучшая минута моей жизни!“

„Если счастье будетъ намъ благопріятствовать“ — сказалъ Цено: „то тебя ожи-

даешь еще большая радость — спунай за-
служишь ее!“

„Со щипомъ или на щипъ!“ вскричалъ
Гвидо, и прощаясь, протянулъ ему руку.

„Однако же береги жизнь!“ сказала Це-
но: „этого пребуешь обязанность полко-
водца, кошорый въ особъ своей заключаетъ
душу всей арміи. Но чтобы пылкое му-
жесшво юности не превратилось въ безраз-
судную дерзость, для шого я намврень ввѣ-
ришь тебѣ шайну, весьма близкую швоему
сердцу. Часто спрашивалъ ты меня о сво-
ихъ родителяхъ, но шогда было еще рано
ошвѣчать на шакіе вопросы; теперь же мо-
гу сказать тебѣ: что отецъ швой еще
живъ, и я воспиталъ тебѣ съ шѣмъ, чшобы
ты былъ надежною подпорою его старости;
наконецъ, что ты его увидишь шопчасъ,
по прекращеніи безпокойствъ, обуреваю-
щихъ ошечесшво наше. Ему-шо обязанъ ты
хранишь себя шолько, сколько позволяешь
тебѣ честь и долгъ швой. Ошальное узна-
ешь шогда, когда непріятель будешь раз-
бишь; теперь же спунай съ Богомъ!“

„Надѣюсь, чшо ты будешь мною дово-
лень, родителъ мой!“ сказалъ Гвидо, и по-
скакалъ по рядамъ.

„Мы идемъ“ — говорилъ онъ громкимъ
голосомъ своему войску: „сражашься за

правое дѣло и защищать отъ угнетенія мирное опечество наше. Желаете ли вы со мною побѣдить или умереть?“

„Побѣдить или умереть!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ воины и крѣпко списнули въ рукахъ свое оружіе.

„И шакъ, съ Богомъ, впередъ!“ закричала Гвидо, обнаживъ саблю. Военная музыка заиграла, и ополченіе, при радостныхъ восклицаніяхъ, двинулось съ мѣсна.

Гордо выступалъ передъ взводами конь неустрашимого юноши. Старый Цено, пропустивъ мимо себя малое войско сіе, глядѣлъ въ слѣдъ ему дошолъ, пока послѣдняя ширента скрылась въ чащѣ лѣса. „Я сдѣлалъ все, что только можешь сдѣлать человѣкъ“ — сказалъ онъ, упавъ на колѣна: „но одинъ шокмо ты, Боже, вершишь и ввнчаешь дѣла наши!“

27.

Союзная непріятельская армія, перешедъ чрезъ горы, пересѣкающія Государство, расположилась въ долину, недалеко отъ столицы, ожидая конца переговоровъ. Но мужественный Государь не захошѣлъ половиною своихъ владѣній и рукою любимой племянницы купить посмѣдный миръ, и съ

армією пошелъ на-встрѣчу прикрасы сильнѣйшему непріятелю. — Гвидо съ своимъ отрядомъ, издавѣка слѣдовавшій за врагами опечества, засѣлъ въ разсѣлинахъ горъ наканунѣ того дня, въ которой должно было ожидаться рѣшительнаго сраженія. Одна полько громада камней опдѣляла его отъ горнаго прохода, гдѣ былъ расположенъ сильный непріятельскій артиллерійскій отрядъ.

Гвидо призвалъ къ себѣ вѣрнаго Ральфа и всѣхъ офицеровъ, для составленія военнаго совѣща.

„Силы наши“ — говорилъ онъ: „слишкомъ слабы, чтобы надѣяться побѣды при открытомъ нападеніи. Только хитрость, соединенная съ мужествомъ, можете доставить намъ успѣхъ въ нашемъ предпріятіи. Мѣстоположеніе мое уже извѣстно; я хочу сего дня въ полночь перевести пѣхоту чрезъ эту громаду, и во время сна атаковать и разбить непріятельскій артиллерійскій отрядъ. На разсвѣтъ подоспѣешь къ намъ конница, и тогда, ежели въ долину начнется сраженіе, то мы неожиданно нападѣмъ на непріятеля съ тылу и тѣмъ рѣшимъ участь битвы.“

„Планъ сей отваженъ, но хорошъ!“ отвѣчалъ Ральфъ: „и будешь мастерскою шпунгою, когда удася.“ Всѣ офицеры единодушно согласились. Солдатамъ было прика-

зано отдохнувь и въ полночь бышь гошовами къ нападенію.

Гвидо не могъ уснувь ни на одну мину; наконецъ, ушомясь ошь безпокойства и ожиданія, вскочиль, пошель между спящими воинами, кошорыхъ спокойныя лица, освѣщенныя луною, сильно поразили его, и остановясь, со спраданиемъ гядѣль на нихъ. „Каково зрѣлице?“ спросиль подошедшій Ральфъ. — „Хошь я иду сражашься и за правое дѣло“ ошвѣчалъ Гвидо: „но при всемъ шомъ жалосшь обяла меня, когда вздумаль, что многіе изъ шѣхъ, кошорые шакъ мирно покояшся шеперь въ обяшяхъ сладкаго сна, назавшра успокояшся сномъ смерши или будущъ спенашь ошь полученныхъ ранъ; я начинаю ужѣ сомнѣвашься, справедливо ли поступаю, подвергая опасности жизнь споль многихъ храбрыхъ воиновъ.“

„Творецъ запишеть это сомнѣніе въ число добрыхъ дѣлъ вашихъ“ — ошвѣчалъ пронувшій Ральфъ. „Такія мысли могушь происшекашь шолько изъ добраго, исполненнаго чувствительности сердца. Однако же не вздумайше въ самомъ дѣлѣ мучишься угрызениемъ совѣсти: вспомните шолько всѣ бѣдшвія, распроспраненныя непріателемъ въ завоеванной спранѣ. Опустошен-

ныя поля, пылающія деревни, убитые и ограбленные жишели повсюду знаменують кровавые слѣды его. И шакъ не шолько справедливость, но даже самая обязанность шребуешь, чшобы каждый, кто можетъ держашь въ рукахъ оружіе, шель на помощь угнешеннымъ, и всѣми силами спарался положишь преграду шакимъ жестокостямъ. Эшо священная война, за которую нѣкогда воздася вамъ опъ Всевышняго. Но представъше себя, напрошивъ, на мѣсць молодого, пыкаго, шщеславнаго Государя, который, единственнo изъ жадности къ воинской славы и завоеваніямъ, подъ пусшымъ предлогомъ нападаешь на сосѣдственныя владѣнія. Представъше себѣ, какъ билось бы ваше сердце, при взглядѣ на пысячи покоящихся воиновъ, которые назавшра должны бышь жертвою безчеловѣчнаго шщеславія и любоспяжанія!“

„Боже избави меня опъ подобной войны!“ вскричалъ Гвидо съ содроганіемъ, и помолчавъ немного, присовокупилъ: „большія преимущества имѣють владыки земные, но велика и ошвъшшвенность ихъ; какъ часшо и сильно ни желалъ я въ безумной гордости моей бышь полномочнымъ власшешдиномъ, но шеперь благодарю Создателя, и въ глубинѣ души моей признаю, чшо Онъ

лучше знаешь мою пользу. Если бы, увлеченный спрашьями и людскими предразсудками, я упошребилъ во зло власшь, данную мнѣ моею пороодою; если бы рука моя, долженшвовавшая осыпашь народъ благодвянїями, обременила его злосчасїемъ; если бы щысячи произносили имя мое со вздохами и прокляшїями, и если бы наконецъ лучъ истины озарилъ ослвпленные глаза мои: какъ бы перенесъ я шогда угрызения совѣспи?“

„Вошь чувшва и мысли, достпойныя всякаго владыки земнаго!“ вскричала Ральфъ. „И хошя вы не Государь, однако же удержите ихъ навсегда въ сердцеъ вашемъ; они двлаюшь чесшь всякому, не смошря на сословіе, къ какому принадлежишь онъ.“

28.

Луна скрылась, и Гвидо въ величайшей пишинѣ вель свою пѣхошу по узкой пропинкѣ, между скалами и пропасшьями, прямо къ горному проходу, заняшому непрїашельскимъ арріергадомъ. Часовыхъ нигдѣ не было; предводишель онаго, почишя сіи скалы и пропасши непроходимыми, полагаль всякое нападеніе съ сей шпороны невозможнымъ, и Гвидо безпрепашшвенно проникъ до самой середины лагера. Тушь въ расплохъ напалъ

онъ на спящихъ, и непріятель, объятый внезапнымъ ужасомъ, по крашкомъ и безпорядочномъ сопроивленіи, положилъ свое оружіе къ ногамъ опважнаго побѣдителя. Съ восходомъ солнца появилась кавалерія. Гвидо, оставивъ Ральфа съ половиною пѣшихъ воиновъ для охраненія горнаго прохода, самъ ошправился съ конницею и оспальною пѣхошою прямо въ долину. Доспигнувъ до крайнихъ холмовъ, скрылъ онъ за ними своихъ воиновъ и, сошедъ съ коня, взошелъ на вершину одного бугра.

Тамъ невдалекъ спояла, обращенная къ нему шиломъ, непріятельская армія, въ боевомъ порядкѣ, и ожидала знака къ нападенію на Королевскіе полки, швердымъ шагомъ шедшіе къ ней на-вспрѣчу. Позади оныхъ, сквозь ушрепній шуманъ, блисшали золотые верхи церквей и развѣвались флаги на башняхъ шполицы, долженшвовавшей служить наградою побѣдителю. Съ жаромъ началось сраженіе. Королевская армія спояла сначала крѣпко, но, вскорѣ, спѣсенная превосходною силою непріятеля, начала медленно ошступать; одинъ только центръ ея, кошорымъ командовалъ самъ пресшарвльмй Государь, держался, но и шопъ началъ наконецъ колебаться при сильномъ нашискѣ шврое сильнѣйшаго непріятеля.

„Теперь цора!“ вскричалъ Гвидо; проворно сбѣжалъ съ холма, и вскочивъ на коня, быстро помчался съ кавалерією по долинь. Пѣхоша слѣдовала за нимъ форсированнымъ маршемъ.

Вскорѣ достигъ онъ непріятеля. Еще однажды окинулъ взоромъ дружину свою, обнажилъ саблю, и показавъ на самый центръ, гдѣ развѣвались знамена союзныхъ Государей, вскричалъ: „за мной, друзья!“ и прищпорилъ свою лошадь.

Сильно ударили кавалеристы въ штыль непригошовившагося къ сему внезапному нападенію непріятеля, и кровь полилась ручьями. Чѣмъ глубже врубалась конница въ штыльные ряды густыхъ непріятельскихъ колоннъ, тѣмъ болѣе разрывала ихъ, между тѣмъ, какъ подоспѣвшая пѣхоша, идучи по очищенной уже дорогѣ причиняла еще большій беспорядокъ въ разспроенныхъ рядахъ непріятеля, и никакъ не позволяла ему снова построиться.

Гвидо пробился уже почти до самыхъ знаменъ, гдѣ союзные Принцы, командуя своею гвардією, штылили Королевскихъ гренадеръ. „Теперь дружище, друзья!“ закричалъ юный герой своимъ сподвижникамъ, и ударилъ шуда, гдѣ развѣвались высокія перья и пурпуровыя манші. Тамъ сражался Принцъ

Флореншинъ съ самимъ Королемъ, и поразилъ его шакъ сильно, что спарець зашатался на конѣ своемъ: „Сюда, Герцогъ Флореншинъ, сюда!“ кричалъ ему Гвидо издали: „здѣсь, вмѣсто слабаго спарца, ожидаешь васъ юноша!“ Но Флореншинъ, нимало не имѣя охоты испытать съ нимъ силы свои, началъ болѣе шѣснить спарца, между шѣмъ какъ Базиль и Ашпольфъ направили коней своихъ на храбраго юношу.

Въ сію минушу престарѣлый Король свалился съ лошади. „Правосудный Боже!“ вскричалъ Гвидо; однимъ скачкомъ очутился между Принцами, мечъ его сверкнулъ — и обливаясь кровію, упали на землю — шупъ Ашпольфъ, шамъ Базиль.

„Возьмите ихъ!“ сказалъ онъ своимъ рейшарамъ, кошорые успѣли овладѣть знаменами, и поскакалъ на помощь къ Государю, лежавшему еще на землѣ: „впередъ, солдаты!“ кричалъ онъ Королевской гвардіи: неужели хошите поспыднымъ образомъ оставишь Государя вашего въ рукахъ непріятели?“ Сямъ возбудилъ онъ снова въ гренадерахъ мужество; они кинулись на защиту лежавшаго въ безчувствіи спарца, ошбили его, и ошнесли въ безопасное мѣсто. Между шѣмъ Гвидо оборотился къ непріятельскимъ рядамъ, кошорые, подъ пред-

водительствомъ Флореншина, сильно пѣснили еще его соопщичей.

„Теперь ешь у меня и для васъ минута!“ вскричалъ Гвидо, быстро напавъ на него. Флореншинъ, узнавъ юношу, поблѣднѣлъ отъ ярости, и, скрежеща зубами, замахнулся на него саблею. Но въ ту самую минушу Гвидо мощною рукой схватилъ своего противника поперегъ пѣла, и съ непонятною силою выбросилъ вонъ изъ сѣдла.

„Эпо ненавистный начинщикъ войны!“ — вскричалъ онъ подскакавшимъ рейшарамъ: „и драгоценная для насъ добыча; берегите его, но шощасъ же заколите, если будущъ покушашься освободить его силою.“

„Принцы въ пѣвну!“ раздалось въ разспрошенныхъ рядахъ непріятельской гвардіи, кошорая обратилась въ бѣгство. „Принцы въ пѣвну!“ кричалъ Гвидо Королевскому войску: „за мной, друзья! испребимъ эту ненавистную шолпу!“ — „Принцы въ пѣвну!“ кричали Гвидовы кавалеристшы и соединившіеся съ ними Королевскіе солдашы, и съ новымъ жаромъ бросились на оробѣвшаго непріятеля. Вскорѣ вся союзная армія обратилась въ бѣгство и въ величайшемъ безпорядкѣ спремилась къ горному проходу, преслѣдуемая поблѣдителями. Но шамъ бѣглецы были жестоко встрѣчены храбрымъ

Ральфомъ, и не имѣя возможности пробишь-ся сквозь швердую опору сію, принужденны были, положивъ оружіе, просить о пощаду. Остатки разбишыхъ полковъ непріятельскихъ, успѣвшіе занять крайніе холмы, также сдались. Здѣсь Гвидо, остановивъ усталого коня, снялъ съ себя каску, и опирая съ разгорѣвшагося лица пыль и кровь, съ чувствомъ самодовольствія глядѣлъ на побѣжденные полки, кошорые, медленно проходя мимо побѣдителей, и повергая въ одну груду оружіе, барабаны и знамена, съ поникшими взорами возвращались на мѣста и въ уныніи ожидали рѣшенія своей участи.

Тогда храбрый юноша обратилъ взоры свои въ ту сторону, гдѣ былъ замокъ сшараго Цено, и радостно вскричалъ: „родитель мой, непріятель разбитъ, и буря прекращена! достоинъ ли я шеперь узнать твои шайны?“

„Да, сынъ мой, ты заслужилъ это“ — сказала Цено, внезапно ему предшавшій; „проводи меня къ Государю.“

29.

Престарѣлый Государь сидѣлъ на позолоченныхъ креслахъ въ своей палашкѣ. Тѣло его спрадало еще ошъ полученныхъ ранъ

и излишняго напряженія силъ; но душа наслаждалась полнымъ удовольствіемъ одержанной побѣды, и глаза блискали огнемъ необыкновеннымъ. Принцесса Роза, со спрахомъ и шрепешомъ ожидавшая рѣшишельной минушы въ укрѣпленномъ замкѣ, позади арміи, при первомъ благопріятномъ извѣстіи поспѣшила къ пресшарѣдому дядѣ, съ неизъяснимо-милою попечительностью перевязывая раны на груди его, роняла на нихъ слезы благодарности и восшорга.

Недалеко отъ намеша спряли обезоруженные Принцы подъ спражею. Съ поникшими взорами помышляли они о внезапной перемѣнѣ величайшаго земнаго могущества на цю печальное состояніе, въ кошоромъ шеперь находились.

Тушъ вошелъ Гвидо и съ почшеніемъ преклонивъ колѣна, сказалъ: „Оспашокъ неприяшельской арміи, Государь, положивъ оружіе, ожидаешъ рѣшенія судьбы своей отъ великодушія Вашего Величества.“

Гвидовы сподвижники принесли завоеванные знамена и положили ихъ къ ногамъ Государя. Пльнники невольню отшращающъ взоры отъ оскорбительнаго для нихъ зрѣлица, и слезы горешши шекущъ по блѣднымъ щекамъ ихъ.

„Герой и избавитель!“ вскричалъ Государь: „чѣмъ могу доспойно возблагодарить себя?“

Гвидо величественно поднялъ голову, взглянулъ на Государя и его племянницу, кошорая шеперь шолько, узнавъ въ немъ неустрашимаго гренадера, невольню вскрикнула ошъ радости и удивленія.

„Позволь мнѣ, сынъ мой“ — продолжалъ Король: „прижашь къ шрепещущему моему сердцу руку, кошорая освободила ошъ шягосшной неволи, меня и мои владѣнія.“

Гвидо подошелъ къ нему; но Государь въ ужасѣ подался назадъ и, закрывъ руками лице свое, съ горесшю вскричалъ: „Боже! мершвые встаюшъ изъ гробовъ своихъ!“ . . .

Устрашенный юноша обращается назадъ и видишь спараго Цено, кошорый съ блѣднымъ, почшеннымъ лицомъ, подходиль къ Государю.

„Я живъ еще, Арно“ — сказалъ онъ ему нѣжнымъ голосомъ: „и несу шевъ мое прощениѣ.“

Государь вспалъ съ кресель и шрепещущимъ голосомъ объявилъ, что онъ желаетъ ошпашься съ ними наединѣ. Всѣ присущившующіе, въ недоумѣніи и ужасѣ, вышли, и Король оспался съ племянницею, шресшарьлымъ Цено и его воспитанникомъ.

„Ты приносишь мнѣ прощеніе?“ сказала Государь болѣзненнымъ голосомъ. „Ахъ, зачѣмъ не девятнадцатью годами прежде? Девятнадцать лѣтъ уже шерзаешь меня раскаяніе въ жестокомъ моемъ поступкѣ, и мучишь горесью о швоей пошерѣ.“

„Когда за двадцать лѣтъ предъ симъ“— продолжалъ Цено: „сынъ мой палъ, по швоему приказанію, за дерзкія слова, которыхъ чернаго смысла юное сердце его было непричастно, тогда, омочивъ руки мои въ крови его, въ горести поклонялся я вѣчнымъ тебѣ мщеніемъ. Распусшивъ слухъ о моей смерти, удалился я въ развалины пограничнаго моего замка, чшобы безпрепятственнао заняться изобрѣшеніемъ мспишельныхъ плановъ моихъ. Вскорѣ нашелъ я одинъ, который казался мнѣ лучшимъ, пошому, что долженъ былъ поразить сердце швое жесточайшимъ ударомъ. Переодѣвшись, прокрался я въ дворцовый садъ, напалъ на няньку швоего сына, ошнчалъ у нее дшя и скрывъ его подъ плащемъ, перенесъ въ нагорный свой замокъ. Тамъ долго колебался я между различными намѣреніями: похотѣлъ умершвить его, чшобы на ошпшъ узналъ шы, какъ горестно бышь бездѣльнымъ; но хотѣлъ, возрашвивъ его разбойникомъ и убійцею, пущишь въ швои вла-

двѣна на грабежи, и объявишь его происхождение тогда, когда рука швоя подписала бы уже смершнй ему приговоръ. Но мальчикъ былъ шакъ милъ, онъ улыбался мнѣ шакъ прелесшно, чшо я, совершенно побѣжденный, рѣшился воспитать его, какъ собственнаго своего сына, образовать въ немъ podporу швоей старосши и достойнаго Государя швоихъ владѣнй. Это будетъ приличнѣйшимъ для меня мщеніемъ, думаль я, и намѣреніе мое удалось. Въ прекрасномъ, сильномъ пѣлѣ юноши обиаешъ великая душа, непобѣдимое мужештво, образованный умъ и превосходное сердце, незараженное ядомъ лешши, пресмыкающейся у подножя шроновъ. Опышношъ, кошорая была ему нужна, чшобъ нѣкогда достойно управлять Государшвомъ, купилъ онъ цѣною собственныхъ шраданй, перенесенныхъ въ прохожденіи различныхъ должносшей. Въ неизвѣсносши о своемъ назначеніи, узналъ онъ собственными чувствами всѣ злоупошребленя, кошорыя невидимо ошъ правшелей, подобно пѣвицамъ, сосушъ кровь изъ сердца Государшва. Онъ будетъ шевъ вѣрнымъ сыномъ, а подданнмъ, нѣжнѣйшимъ ошцемъ. Искусство же свое въ военномъ дѣлѣ доказаль онъ въ послѣднемъ сраженіи. Сынъ швой и избави-

пель, славно за меня опмспившій, вопшь
вшошь юноша!“

„Сынъ мой, Гвидо!“ вскричалъ въ вос-
шоргъ Государь, и юноша бросидся въ рас-
просшершыя его объашія.

„Гвидо!“ воскликнула Роза, зардѣвшисъ
прелесшнымъ румянцемъ, и прошагивая ему
бълую руку.

„Позволяетсѣ ли сыну предложисъ
опеческому сердцу вашему первую, убди-
пельнѣйшую свою просьбу?“ сказалъ Гвидо,
не спуская глазъ съ прелесшной дѣвущки и
нѣжно пожимая ея руку.

„Я, можешъ бышь, уже опгададь ея“ —
опвѣчалъ отецъ, улыбаясь и пожимая руки
молодой чешы: „будше счастливы, дѣши
мом!“ — присовокупилъ онъ, и первый поцѣ-
луй любви напечатлѣлся на устахъ ихъ.

Оба старца, восхищенные благополу-
чьемъ дѣшей своихъ, бросились другъ другу
въ объашія и вскричали въ одинъ голосъ:
„кровавая пѣнь! примирисъ съ нами, и мы
друзья на вѣки!“

30.

Въ кругу знашнѣйшихъ военныхъ и
сшашскихъ чиновниковъ и первосшашейныхъ
гражданъ Государшва, въ великолѣпно убран-

ной пронной залъ сшоялъ величешвенно Гвидо, признанный опцемъ своимъ, и назначенный имъ въ Правители Государства.

„Многя злоупотребленія“ — говорилъ онъ важнымъ голосомъ: „вкрались во всѣ части Государственнаго управления, и злоба высоко подняла свое жало на уязвленіе моего народа. Время прекрашишь ея неистовство. Вы, господа военные, въ послѣднюю войну вновь приобрьли мое уваженіе, которое нѣкогда теряли въ глазахъ моихъ. Когда храбросшь осквернена пороками, она подобна орлу, кошоры йвъ сообществѣ хищныхъ врановъ, питаешся падалью. Прошедшее все забышо; но что бы впредь не было ничего подобнаго, новые строгіе законы положашь шому преграду. Впредь военачальники лично будушь опвѣшшсшвовашь мнѣ за каждый безчешный пощупокъ, за каждую жешшкочесшь, кошорыя подчиненные ихъ дозволяють себѣ съ солдатами. Въ опвращеніе же всякихъ своекорышшсныхъ пощупковъ со спороны офицеровъ, поручу я удовлетворяшь пощребношямъ солдатъ особымъ чиновникамъ, надъ кошорыми будушь имѣшь надзоръ совокупно военные и шашскіе чины. Поединокъ въ арміи ешь шакое чудовище, кошорое смѣшно было бы не укрошишь, въ опвращеніе продишя множешшва невинной кро-

ви, кошороу оно упиваешся. По возмозно-
 сши я посшараюсь положишь преграду его
 свирѣпосши, и для шого намѣренъ учредишь
 судъ чесши, кошорый будешъ блюсти, чшо-
 бы мечи ваши не обнажались за всякую без-
 дѣлку, и чшобы наглый оскорбитель ни-
 когда не оспавался безъ досшойнаго наказа-
 нія. Приговору сего судилища должны вы
 оказывать безусловное повиновение, и кшо
 осмѣлишся воспротивишся оному, шопъ,
 какъ возмушишель прошивъ законовъ и Го-
 сударя, безъ всякой пощады будешъ казненъ,
 хошя бы онъ былъ первый и лучший Пол-
 ководець.“ Служители Беллоны со спрахомъ
 опшшупили при грозныхъ словахъ сихъ, и на
 всѣхъ лицахъ можно было чшпашъ, сколь
 сильно подѣйствовала на нихъ воля Госуда-
 ря, объявленная швердымъ, рѣшишельнымъ
 голосомъ.

Пошомъ Гвидо подозвалъ къ себѣ Глав-
 наго Судью, кошорый съ шрепетомъ прибли-
 зился. „Вы сами лучше всѣхъ можете чув-
 ствовашъ“— сказалъ онъ ему: „почему вѣсы
 правосудія не должны долѣе оспавашься въ
 рукахъ вашихъ; но эшого еще не довольно.
 Человѣкъ, присягнувшій предъ лицомъ Бога,
 бытъ спрощайшимъ блюстишелемъ право-
 судія, и изъ своекорыстія не шолько нару-
 шившій кляшву сію, но пренебрегшій всеми

законами Божескими и человеческими, есть чудовище, недоспойное взирать на лучезарное свѣшило дня. Вы будете заключены въ темницу на всю жизнь; имѣніе ваше, награбленное безчеловѣчными поступками, оплещенъ, не на Государя, но на несчастныхъ; пущенныхъ вами по міру. Я бы приказала васъ повѣсиль, въ примѣръ всемъ неправеднымъ судьямъ; но вы имѣли счастье оскорбить меня лично, и это только одно спасаетъ васъ отъ позорной казни. Спуйпайте!“

Между тѣмъ, какъ гренадеры выводили его изъ залы, Гвидо обратился къ Первому Министру, которому совесть уже сказала, чего долженъ былъ ожидать онъ.

„Вы также“—продолжалъ Гвидо: „ужаснымъ образомъ употребляли во зло довѣренность пресарялаго отца моего; и потому не можете болѣе оставаться на той ступени, которую до сихъ поръ занимали; но васъ не буду съ выпускать изъ дому, пока не отдадите отца въ своихъ поступкахъ мнѣ и моему Государству. Ваша совесть скажетъ вамъ, что вы заслужили суровѣйшее наказаніе; но я однажды видѣла, что вы имѣете еще состраданіе къ страдающему человѣчеству. Вспомните слова несчастной супруги, умолявшей васъ о

милости: пророчество ея теперь сбывается надъ вами; одинъ только эпошь поступокъ влагаетъ въ ножны мечъ правосудія, висѣвшій уже у васъ надъ головою. Мѣсто ваше займетъ достойный мой воспитатель, кошорый, изложивъ мнѣ нѣкогда шрудность моихъ обязанностей, долженъ теперь помогать мнѣ своими совѣсами въ исполненіи оныхъ. Но какъ и онъ человекъ, кошорый также подверженъ иногда заблужденіямъ, шо всегда и всякій можешь имѣть ко мнѣ свободный доступъ и смѣло доносишь объ угнетеніяхъ и прищѣснителяхъ. Адвокатъ, кошорый нѣкогда шоль вѣрно защищаль права народа противъ несправедливостей, я ояшь утверждаю въ прежнемъ его званіи, и не только позволяю, но даже приказываю, не спрашась ничего, съ каждою жалобою обращаешь прямо ко мнѣ. Царствованіе мое, если Богу будешь угодно, должно бышь страхомъ для порочныхъ, ушщеніемъ и радостію для добродѣтельныхъ.“

„Да благословишь Господь Богъ добраго Государя нашего и достойнаго преемника его!“ вскричалъ пронухый симъ, истинно Царскимъ обшщаніемъ, шарвѣйшій изъ народныхъ представителей. „Да здравшвуешь Принць Гвидо!“ вскричало все собраніе шоржешвеннымъ голосомъ, и съ бла-

готовѣніемъ преклонивъ колѣна, единогласно
присягнуло ему въ вѣрности.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и на постепенность успѣховъ просвѣщенія и Словесности въ Россіи.

(*Окончаніе.*)

До сего времени мы говорили объ однихъ Наукахъ и Словесности, не по тому чтобы въ Россіи Изящныя Художества не оказали никакихъ успѣховъ съ самаго учрежденія Академіи Художествъ Императрицею Елисаветою, но, бывъ обязанными обращать вниманіе читателей только на предметы, истинно онаго достойные, мы почитали приличнымъ не затруднять ихъ подробностями о первыхъ опытахъ Россійскихъ Художниковъ. Нынѣ Живописцы, какъковы Егоровъ, Шебуевъ, Кипренскій, Варникъ; Ваятели, какъковы Маршосъ, Демущъ, позволяющъ намъ наименовать ихъ, не подвергаясь обвиненію въ приспращеніи. Въ по-

слѣднее время Парижъ видѣлъ въ Луврѣ гравюры Ушкина (№ 2,029 и 2,030, выставки 1824) и опдалъ справедливостъ опдалкъ его работы. Жаль, что прочіе Россійскіе Художники не подражаютъ Ушкину. Ихъ произведенія, выставленные на ряду съ произведеніями лучшихъ нынѣшнихъ Художниковъ, скоро уничтожили бы предубѣжденіе южныхъ народовъ пропивъ сѣвернаго климата. Россійскіе Зодіе не менѣе достойны похвалы. Они ежедневно украшаютъ новыми памятниками города своего отечества. Я упомяну единственно о воздвигнутомъ въ С. Пешербургѣ Соборѣ Казанскія Божія Матери. Великолѣпное сіе зданіе, въ сооруженіи и украшеніи котораго не участвовалъ ни одинъ иностранецъ, есть неопровергаемое доказательство цвѣтущаго состоянія всѣхъ отраслей Художества въ Россіи.

Собственно такъ называемая Словесность не замедлила воспріять свой прежній блескъ въ царствованіе Александра.

Читатели наши могли замѣтить, что во все времена Лирическою Поэзіею занимались въ Россіи съ большимъ успѣхомъ, нежели прочими родами Поэзіи. Россійская Словесность и въ послѣднюю свою эпоху не уклонилась отъ хода сего, который ка-

*

жестя естественнымъ ея ходомъ. И пакъ мы начнемъ Поэтами лирическими.

Воспоковъ, одинъ изъ первыхъ, началъ удаляясь отъ пуши, проложеннаго Писателями предшествовавшей эпохи. Его стихотворенія особенно замѣчательны разнообразіемъ размѣровъ, копорыхъ большая часть была неизвѣстна въ Россійскомъ стихосложеніи.

Около сего времени (1805) началъ издавать свои сочиненія Жуковскій. Онъ особенно занимается подражаніемъ и переводомъ Поэтовъ Нѣмецкихъ и Англійскихъ. Ему Россія обязана романшическимъ вкусомъ, дѣлающимъ въ ней ежедневно новые успѣхи. Ныпѣ сомнѣнія, что невозможно порицать сей вкусъ, но желательна, чтооь онъ въ Россіи облекся въ характеръ болѣе народный. Словесность Нѣмецкая и Англійская можеть почестъя споль же классическою для Россіянъ, какъ Французская и Италіанская. Истинный Романшизмъ состоишь въ выборѣ предметовъ народныхъ, и въ употребленіи красокъ, копорыя поражали бы взоры народа безъ предварительнаго имъ изученія климата, нравовъ и понятій народовъ иноспранныхъ. Такова *Святлана*, одна изъ лучшихъ балладъ Жуковскаго. Слогъ сего Поэта вообще чистъ, но, по

причинъ крапкости, часто бываетъ шепель. Блистательнѣйшая часть его стихотвореній есть описательная часть оныхъ; напрошивъ того, изображеніе спраспей слабѣе прочаго, ибо спраспи неудобно согласуются съ мисшикою, повсюду встрѣчающеюся въ его сочиненіяхъ.

Башюшковъ, помѣщаемый обыкновенно Россійскими Крипиками близъ Жуковского, превосходитъ его чистотою слога, пріятностью и согласіемъ стихосложенія; но у него менѣе силы и еще менѣе оригинальности. Вообще у него мало характеристическаго; онъ подражаетъ по Парни, по Оссіану. Впрочемъ сладоспраспие и нѣга, царствующія въ его стихахъ, дѣлають чтение ихъ весьма увлекательнымъ. Его лучшимъ оригинальнымъ произведеніемъ почитается *Элегія на смерть Тасса*. Намъ болѣе нравятся нѣкоторыя изъ его переводовъ.

Въ то время, когда сіи два Стихотворца привлекали общія похвалы, одинъ Писатель, исполненный оригинальности, былъ незамѣчаемъ толпою. Прильпившись, можетъ быть, слишкомъ къ языку Славянскому, Князь Шихматовъ впалъ въ ту же погрѣшность, въ которой мы обвиняли Пепрова и Косцова, въ погрѣшность, болѣе нежели вознаграждаемую силою и мужественными

красошами его слога. Съ нѣкопорога времени начинающъ ему ошдавать болѣе справедливости, и, нѣшъ сомнѣнїя, что стихотворенїя его въ разныхъ городахъ приобрѣшущъ ему почетное мѣсто на Россійскомъ Парнассѣ. Его Лирическая Поэма Пётръ Великій сохранишъ ошъ забвенїя даже сдѣланную на нее эпиграмму, подобно какъ Гоодїя сохранила сочиненную Фоншенелемъ на сію Трагедїю.

Другой Поэшъ, предметъ кришикъ, еще болѣе вѣдкихъ и еще менѣ заслуженныхъ, начинаешъ равнымъ образомъ наслаждашся принадлежащею ему извѣстностїю. Поэшъ сей ешъ Капешнїнъ, кошорый съ оригинальностшю, шодь рѣдкою въ Россійской Словесности, соединяешъ достоинство слога, всегда правильнаго и иногда прїашнаго, иногда сильнаго, сообразно съ описываемыми имъ предметами. Его справедливо упрекающъ въ небрежности о своемъ стихословенїи. Мы полагаемъ, что его послѣднее лирическое произведенїе *Міръ Поэта* не подлежишъ сему упреку. Въ стихотворенїи семъ находшся большїя красоты; вымысль его истинно пїщическїй, и ошдѣлка не оставяешъ почти ничего желашъ.

Мы назовемъ здѣсь еще одного лирическаго Поэша, Пушкина, кошорый хотя еще

молодъ, но приобрѣлъ извѣстность, зашмѣвающую многихъ другихъ. Мы упомянемъ объ немъ съ большею подробностію, говоря объ Эпической Поэзіи.

Сія отрасль Словесности въ недавнемъ времени обогатилась въ Россіи переводомъ Иліады экзаметрами, надъ кошорымъ прудился Гнѣдичъ. Экзаметры Россійскіе, подходящіе близко къ Греческимъ и Латинскимъ, были испытываемы многими Сочинителями XVIII вѣка, но ежели открытіе ихъ и не принадлежишь Гнѣдичу, Россія ему будетъ обязана окончательнымъ ихъ пріятіемъ въ число размѣровъ, утвержденныхъ общимъ вкусомъ. Гнѣдичевъ переводъ извѣстенъ донинѣ по нѣкошорымъ опривкамъ, помѣщеннымъ въ Журналахъ, но просвѣщенные люди не сомнѣвающихся въ его достоинствѣ, и ожидающъ съ нешерпніемъ окончанія. Напитанный чтеніемъ Греческихъ Писателей, Гнѣдичъ издалъ Поэму: Рожденіе Омира, въ кошорой съ большимъ искусствомъ воспользовался піипическими преданіями о семь пѣвцѣ Ахилла. Лирическія стихопворенія Гнѣдича не многочисленны и не важны, но онъ явилъ себя Поэтомъ въ Идилліи, о кошорой мы будемъ говорить ниже.

Россійской Словесности недоставало перевода Тассовой Поэмы. Въ послѣднее время ихъ сдѣлано два: первый въ прозѣ, Шишковымъ, вшорой Александрійскими стихами, Мерзляковымъ. Послѣдній еще ненапечатанъ. Опрывки изъ него, помѣщенные въ Журналахъ, не удовлетворили всѣмъ желаніямъ знатоковъ. Ежели справедливо, что хорошіе Писатели не выбираютъ размѣровъ на удачу, и что попомъ размѣръ имѣетъ большое вліяніе на формы, въ копорыя они облакають свои мысли, справедливо и то, что переводчики должны подражать, сколь возможно, самому стихосложенію подлинниковъ. Нѣкоторыя опыты Кашенина доказываютъ, что Италіянскія октавы могутъ бытъ присвоены Россійскими Стихотворцами, съ измѣненіями необходимыми по малому количеству риѣмъ въ Россійскомъ языкѣ, въ сравненіи съ изобиліемъ ихъ въ Италіянскомъ, и по обязанности дѣлать въ стихахъ сочешаніе мужескихъ и женскихъ окончаній.

Романшическія Поэмы въ родѣ Байроновыхъ, съ нѣкошораго времени, очень въ модѣ въ Россіи. Мы упомянемъ здѣсь только о сочиненныхъ молодымъ Пушкинымъ, копорый, въ своемъ *Кавказскомъ плѣнникѣ*, подалъ первый оныхъ примѣръ. Послѣ оныхъ на-

писалъ ихъ еще нѣсколько, и всѣ онѣ имѣюшъ шѣ же погрѣшности и шѣ же красоты. Первые, безъ сомнѣнія, шѣмъ сильнѣе поражаютъ читателя, что послѣднихъ несравненно болѣе. Стихосложеніе легкое, сладкозвучное и исполненное сладострасія; описанія вѣрныя и піишическія составляютъ красоты стихотвореній Пушкина. Недоспапокъ въ расположеніи и въ согласіи частей между собою, особенно же единообразіе въ чувстввахъ, и повшоренія нѣкопрыхъ любимыхъ выраженій составляютъ ихъ погрѣшности. Намъ шягостно укоряць его ими, но, къ несчастію, его подражатели насъ къ шому принуждаютъ. Лучшее изъ произведеній Пушкина, по нашему мнѣнію, естъ *Людмила*, кошорой содержаніе заимствовано изъ баснословныхъ преданій времени Владимира, сего Россійскаго Карла Великаго. Пушкинъ въ семъ случаѣ не имѣлъ инаго пушеводителя, кромѣ несчастнаго примѣра, оставленнаго однимъ извѣстнымъ Писателемъ, примѣра, предварявшаго его, подобно маяку, объ опасностяхъ, кошорыхъ должно было убѣгать. Жаль, что Пушкинъ не занялся болѣе сочиненіями сего рода, истинно народными, и не польстился приобрьшеніемъ имени Россійскаго Аріосша.

Мы не можемъ перейши къ другому роду Поэзіи, не сказавъ нѣсколькихъ словъ о Героикомиической Поэмѣ Князя Шаховскаго *Расхищенныя шубы*. Она хотя и напоминаеть слишкомъ часто Поэму Буало, но опъ шого не менѣ забавна и написана хорошими стихами.

Драматическое Искусство также сдѣлало нѣкошорые успѣхи въ эпоху, описываемую нами; но ходъ его кажется медленнымъ, въ сравненіи съ ходомъ прочихъ частей Словесности.

Озеровъ, съ 1804 до 1809 года, написалъ четыре Трагедіи, изъ которыхъ двѣ заимствованы изъ Французскаго Театра, и двѣ принадлежатъ ему вполне. Къ чести Озерова должно сказать, что двѣ послѣднія: *Фингалъ* и *Димитрій Донской*, лучше первыхъ. Объемъ нашего сочиненія не дозволяетъ намъ войти въ дальнѣйшія подробности о сихъ Трагедіяхъ. Впрочемъ онѣ переведены на Французскій языкъ, и мы сужденіе о нихъ предославляемъ иностраннымъ критикамъ. Можеть бытъ, они будутъ намъ благодарны за возбужденіе ихъ любопытства. Что касается до слога Озерова, онъ часто неправиленъ, но всегда благороденъ и сшрашенъ. Озеровъ умеръ въ 1816 году, послѣ

продолжительной болѣзни, не въ спарыхъ еще лѣсахъ.

Озеровъ имѣлъ много соперниковъ, какъ по Грузинцева, Крюковского (оба уже умерли), Висковашова и пр., но всѣхъ ихъ оставилъ позади себя. Мы упомянемъ здѣсь однако о *Царь Эдипъ*, Грузинцева, по причинѣ расположенія совершенно древней красоты и безпримѣрной въ Россійской Словесности, и о *Пожарскомъ*, Крюковского, за хорошіе его стихи. Нынѣ Россія считаешь мало оригинальныхъ прагическихъ сочинителей. Одинъ Кашенинъ подаетъ надежду Россійской Мельпоменѣ.

Лучшіе прагическіе переводчики суть: наименованный нами Писатель, Жандръ, Гвидичъ, Лобановъ, Шаховской и многіе другіе. Они всѣ переводящъ съ Французскаго языка. Театры Италіанскій, Нѣмецкій и Англійскій почти чужды Россійской сценѣ. Недавно Жуковскій издалъ переводъ въ стихахъ Шиллеровой *Юанны д'Аркъ*, но Трагедія сія не была представлена.

Ежели Князь Шаховской не занимаетъ болѣе опличнаго мѣста между Трагиками, то ему принадлежишь первое между современными ему Комиками. Живое его воображеніе заславляетъ его умножаетъ ежедневно свои произведенія, уже довольно многочис-

сленныя. Нѣкоторыя изъ его Комедій имѣли успѣхъ безпримѣрный на Россійскомъ Театрѣ. Главное ихъ достоинство состоишь въ вѣрности нѣкоторыхъ характеровъ и въ комическихъ положеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ; сцены въ нихъ нѣсколько небрежны, и планы иногда не довольно обдуманы. Сіе достоинство и сей недостатокъ доказываютъ, что Шаховской обладаетъ истиннымъ комическимъ дарованіемъ, но что ему должно бы отказаться ошъ желанія видѣть на С. Петербургскомъ Театрѣ одни собственныя свои произведенія.

Прочіе комическіе Писатели сей эпохи суть: Крыловъ, оставившій сей родъ сочиненій, послѣ нѣкоторыхъ очень счастливыхъ опытовъ, и Загоскинъ, котораго піесы заключаютъ въ себѣ много комическаго и оригинальнаго.

Лучшіе Переводчики Комедій суть: Хмельницкій, Катенинъ, Жандръ, Грибовдовъ и пр. Грибовдовъ въ послѣднее время написалъ оригинальную Комедію, которая не была и представлена. Мы о ней не имѣемъ никакого понятія (*).

(*) Все убѣждаетъ, что хотя сцены сія и писана въ Парижѣ въ 1825 году, но сочинитель оставилъ Россію около начала 1823 года. *Пр. Пер.*

Опера и Водевиль, равно какъ Комедія, много одолжены Князю Шаховскому. Нѣкоторыя его произведенія въ семь родъ сушь, можеть бышь, лучшія изъ его сочиненій.

Драмою съ успѣхомъ занимались Ильинъ и Неваховичъ.

Оканчивая спашью о Драмашическомъ Искусствѣ, мы скажемъ, что донинѣ, переводы, или подражанія лучшимъ Французскимъ сочиненіямъ въ семь родъ, составляющъ большую часть Россійскаго репершуара, и что Театръ въ Россіи весьма мало имѣеть народнаго. Справедливо, что нѣкоторыя комическіе Писатели изобразили карпину нравовъ своего ошечества, но писателей сихъ не много. Что касается до Трагедіи, то, не смощря на покушеніе почти всѣхъ Россійскихъ Писателей обработывать ошечественныя содержанія, она всегда сохраняла видъ иношпранный. Мы воспользуемся симъ случаемъ, чтобы замѣшить Сочинителямъ, даже и въ другихъ родахъ, что, дабы бышь Романшиками, въ смыслѣ присвоенномъ выше сему слову, недоспащочно одного выбора содержанія изъ ошечественной Ишпоріи.

Собшвенно шакъ называемая Дидактическая Поэзія не обогатила въ послѣднее время ничѣмъ, кромѣ перевода *Опыта о критикѣ* Попе, Княземъ Шихмашовымъ.

Прочія опрасли Дидакшической Повзїи, какъ то: Сашира и Басня, были счастливые. Милоновъ, (умершій въ 1821 году) оставилъ большое количество Саширъ, которыя уважаются. Двѣ Саширы Князя Шаховскаго суть, можешь бышь, лучшія произведенія, въ семь родъ во всей Россійской Словесности. Наконецъ, Крыловъ, шотъ самый, котораго мы видѣли въ числѣ комическихъ Писателей, написалъ Басни, въ которыхъ ко всѣмъ достоинствамъ Хемницера, о которомъ мы говорили выше, присовокупилъ большія пїищическія красоты. Послѣ такой похвалы, насъ не обвиняшь въ несправедливости, ежели мы скажемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ его Басень онъ погрѣшаетъ: слишкомъ высканнымъ нравоученіемъ, и напыщенностью слога. Лучшія Басни Крылова переведены на Французскій и Испанскій языки, и изданы въ Парижѣ въ 1825 году. Успѣхъ, который онъ имѣли, освобождаетъ насъ отъ дальнѣйшихъ объ нихъ сужденій.

Поэзія описательная была всегда слабѣйшею отраслю Россійской Словесности. Нѣсколько оригинальныхъ Идиллій Панаева и одна Гибдича составляютъ почти все, о чемъ мы можемъ упомянуть, говоря о настоящей эпохѣ. Последняя изъ нихъ, *Рыбаки*, особенно замѣчательна шѣмъ, что

Гнѣдичу первому пришла счастливая мысль сдѣлать Идиллію опечесдивенною для Россіи, введя въ нее шакія лица, какъ Невскіе рыбаки. Онъ изобразилъ образъ ихъ жизни въ видѣ истинномъ и піитическомъ.

Проза, оставленная нами жертвою дурнаго вкуса и ложныхъ правилъ, снова пошла въ началѣ настоящаго спольшія путемъ болѣе вѣрнымъ, и сдѣлала быстрые успѣхи, особенно въ слогахъ историческомъ и дидактическомъ. Послѣдній родъ обнимаешь всѣ человѣческія познанія, и попому мы не можемъ войти о немъ въ подробное объясненіе, и ограничимся сказаннымъ уже нами о успѣхахъ просвѣщенія во время царствованія Александра; но мы почишаемъ себя обязанными упомянуть о Прозаикахъ, принадлежащихъ собственно Изящной Словесности.

Чистый и правильный слогъ, бывшій во время Екатерины II удѣломъ шокмо немногихъ Писателей, одаренныхъ великими дарованіями, нынѣ сдѣлался общимъ всѣмъ воспитаннымъ людямъ. Должно однако же признаваться, что не всѣми родами прозы занимались съ одинакимъ успѣхомъ.

Единственныи Проповѣдникъ настоящей эпохи, о кошоромъ можно упомянуть, послѣ Мишрополиша Пашона, есть Архі-

епископъ Августинъ, его преемникъ въ управленіи Московскою Епархією. Къ несчастію, онъ умеръ недавно, во всемъ цвѣтѣ своихъ силъ. Съ того времени Духовенство Россійское можешь похвалиться множествомъ добродѣтельныхъ и ученыхъ сочленовъ, но, краснорѣчіе Плашеново не раздается болѣе на кафедрахъ.

Мы уже видѣли выше, что Карамзинъ своею Исторією Государства Россійскаго приобрѣлъ славу во всей Европѣ. Прочіе Историки въ Россіи сущь: Архіепископъ (нынѣ Митрополитъ) Евгенийъ, Каченовскій, Глинка (Григорій) (*), и пр. Говоря объ Исторіи Россійской, невозможно умолчать безъ несправедливости о трудахъ Малиновскаго, Калайдовича и Спроева, которые, открывшіемъ многихъ древнихъ рукописей, объяснили много сомнѣній.

Лучшіе повѣствователи сего времени: Каченовскій, котораго мы упомянули въ числѣ Историковъ; Башюшковъ и Жуковскій, которыхъ мы видѣли въ числѣ Поэтовъ, и Нарѣжный, котораго *Славянскіе вечера* заслуживающъ бытъ болѣе извѣстными.

(*) Вѣроятно, Сочинитель хотѣлъ сказать: Сергій. *Пр. Пер.*

Намъ оспается наименовань Сочинителей, оплотившихся шрудями надъ теорією языка Россійскаго, и кришикою сочиненій; шаковы: Шишковъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Гречь. Послвдній даже издалъ *Опытъ Исторіи Россійской Словесности*, кошорый былъ намъ весьма полезенъ при соспавленіи сего обозрвнія, хотя мы часпо съ нимъ не согласны въ мнвніяхъ.

Принявъ на себя шрудъ сей, по просьбъ Г. Бальби, и за недоспашкомъ другихъ болве способныхъ выполнишь его полезныя виды, мы слвдовали единственно собственному своему чувству въ сужденіи о достоинствахъ Сочинителей, слвдовашельно, въ случаѣ нашей ошибки, и вся укоризна должна обратишь на насъ.

Съ Французскаго *Д. К....въ.*

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

БОРЬБА ГРЕЦИИ И ВЪРОЯТНОСТЬ
ЕЯ ВЪДУЩЕЙ УЧАСТИ.

Все населеніе Греціи простирается до трехъ милліоновъ душъ. Изъ этого почти половина соснояла во власти превосходнѣйшаго числа Турокъ и не могла принять участія въ возстаніи. Только нѣкоторой части Румелии, Моревъ и нѣсколькимъ островамъ суждено было поднять знамя брани.

Извѣстно, каково было положеніе Греціи подъ Турецкимъ владычествомъ. Земледѣліе и промышленность находились въ совершенномъ упадкѣ; торговля служила только средствомъ къ переселенію въ чужіе края. Науки и Литература дремали, Искусства погрузились въ прежнее свое дѣйство.

Народонаселеніе съ каждымъ годомъ уменьшалось въ Греціи. Изобиліе и внутреннее достоинство укрывались отъ непрерывно угрожающаго меча. Почти во всѣхъ странахъ Европы завелись Греческія колоніи.

Возмущившаяся часть Эллады была не самая просвѣщенная. Лучшія училища, зна-

чисельнѣйшія учебныя пособія, находились только въ сѣверной части, особливо въ Констаншинополѣ — сѣдалищѣ гнѣшущаго Правительсва, средоточіи всевозможныхъ козней и послѣднемъ прибѣжищѣ торговли, куда мало по-малу спекались ошличнѣйшіе мужи Греческой націи.

Тамъ жили Фанариюшы. Своею учено-стью и униженностью пріобрѣли они предпочтеніе между рабами. То дѣлались они могущественными Министрами, по владѣтельными Князьями въ обласяхъ за-Дунайскихъ. За свое рабское повинненіе, за свое уничтоженіе передъ чалмоносцами, вознаграждали они себя спѣсью и заносчивостью передъ прочими Раями. Но, за всѣмъ шѣмъ, они оказали народу весьма важныя услуги.

Въ Констаншинополѣ же находилась и такъ называемая *Великая Церковь*, копорую сами завоеватели поставили главою Греческой націи. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, Патріархъ, окруженный своимъ Синодомъ, въ качествѣ верховнаго сановника между своими единовѣрцами, былъ бы опаснѣе для Султана, нежели подъ непосредственнымъ надзоромъ его. Можеть бытъ, вошелъ бы онъ въ переговоры съ Западною Церковью и вымолилъ бы пособіе Греціи отъ Христіанскихъ Государей. Тогда не пало бы споль-

ко несчастныхъ жертвъ. Тогда не были бы опвергаемы представленія почтенныхъ мужей Западной Церкви, какъ революціонныя, и Греческая нація не подверглась бы ужаснѣйшему истребленію.

Война возгорѣлась. На сухомъ пуши была она ввѣрена спарщинамъ Армаполисовъ и Клефшовъ. Всякій, кто былъ въ состояніи носить оружіе, присоединился къ нимъ. На морѣ купеческій флотъ обратился въ военный. Послѣдствія перваго года были столь же смутны, какъ и неожиданны.

Собрались, чтобы учредить Правительствво. Не смотря на демократическія и представительныя формы, на которыя не попустились, ибо Сенату и исполнительнои власти, состоящей изъ пяти членовъ, надлежало ежегодно возобновляться — въ то же время замѣтно было, что олигархическое вліяніе Примасовъ и спаршинъ оспанешся первенствующимъ. Тогда же начались партіи. Одна приспала къ Димитрію Ипсиланши, который доселѣ имѣлъ въ рукахъ своихъ полную власть; другая къ Александру Маврокордапо, избранному Президентомъ, и къ Федору Негри, наименованному Первымъ Министромъ. Всѣ шрое были изъ Константинополя, оспашки шамощныхъ Фаріошовъ.

Духъ паршій служитъ къ обогащенію нѣкошорыхъ шолько лицъ. Отъ него раждаешя слѣпое довѣріе въ шѣмъ средшвамъ, кошорыми хотяшъ произвешти успѣхъ въ дѣлѣ. Къ шому присовокупляющя честподлюбіе, самолюбіе, своекорыстіе. Возникаешъ раздоръ, ненависть пускаешъ гаубокіе корни.

Оспровишяне обвиняюшъ Морейцевъ въ скупосши, Румелійцевъ въ бездѣйшвіи. Эши шо же не жалюшъ упрековъ. Учреждено было Правительштво ; но не сосредоточена власть, не обуздано самоуправштво. Планы были начерпаны; но послѣдшвія имъ не соощвѣшшвовали.

Ужасное побоище Хіосское и капитуляція Суліи были первыми послѣдшвіями сего безпорядка. Вскорѣ многочисленная непріятельская армія вшорглась въ Акарнанію и Эшолію; но должна была отшшупишъ съ большимъ урономъ. Новое вшорженіе имѣло такую же участь. Незадолго предъ шѣмъ сѣверо-востокъ Морей былъ позорищемъ подобныхъ же происшешвій. Нѣсколькo сошъ Грековъ смѣлымъ маневромъ восторжешшвовали надъ 40-тысячною Турецкою арміею, кошорой со всѣхъ сторoнъ пересѣкли сообщеніе. Ошраженіе сизъ шрехъ набѣговъ внушило Греческому народу довѣ-

ріе въ будущей судьбѣ его. Онъ предався пріятнѣйшимъ мечтамъ.

Послѣ продолжительнаго оскуднѣнія, нашлась возможность позаботиться о воздѣлываніи полей. Изданіе нѣсколькихъ вѣдомостей послужило замѣною многихъ потребностей и подало средство къ сосредоточенію мнѣній. Учреждены были школы и другія заведенія на пользу общую. Въ то же время Правительствово озобошилось конечно и улучшеніемъ крѣпостей, укомплектованіемъ гарнизоновъ, пригошовленіями къ наступательной войнѣ и къ сильной осадѣ Цашраса, Корона и Модона? Армія и флотъ были конечно усилены, финансы приведены въ порядокъ, предпріяты сношенія и связи съ иностранцами?

Нѣтъ. Въмѣсто Маврокордапо, былъ избранъ Президентомъ Мавромихали, предводитель Майношовъ, а шопъ замѣнилъ Негри (который съ тѣхъ поръ сдѣлался его врагомъ) въ званіи Государственнаго Секретаря. Сенатъ присудилъ сего послѣдняго сложить съ себя это званіе. Колокопрони былъ Членъ Сената. Хотѣли требовать виновныхъ къ суду. Къ нимъ на защиту явилась ихъ партія. Воскипѣла междоусобная война.

Третье народное собраніе призвало въ Президенты Георга Кондуріюши изъ Идры.

Онъ избралъ Маврокордашо Первымъ своимъ Министромъ. Опечество провозглашено находящимся въ опасности. Оппадшіе объявлены въ закона. Ихъ преслѣдуютъ, доспигаютъ, обезоруживаютъ. Румелійская и осировская партіи шоржествуютъ. Онъ вторгающа въ Морею, какъ побѣдители, и нѣтъ никому спуска.

Между Румелійцами является человекъ, кошораго прежде вшянулъ въ общественныя дѣла Маврокордашо, вовсе не предполагая найши въ немъ нѣкогда непримиримѣйшаго себѣ прошивника. Колешши, родомъ изъ Эпира, врачъ и царедворецъ сына Али-Паши, пошомъ папріошъ, депушашъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Членъ Исполнительнаго Сословія, перешель такимъ образомъ, какъ говоришся, огонь и воду.

Во время перваго Президентства дипломатическое посольство Мешаксы въ Верону осшалось безуспѣшно. При второмъ испощіе финансовъ сдѣлало необходимымъ заемъ. Орlando и Луріопи опсправились для сего въ Лондонъ. Извѣстно, какъ повредили они своему краю. Зодогъ казалось единственнымъ ихъ идоломъ. Поведенія ихъ нелзя исполковашъ.

Едва кончилась междубсобная война, какъ Турки овладѣли оспровами Ипсарою

и Кассо, а равно и большею частію Канди. Наступало рѣшительное время. Внутренние добрыми совѣшомъ, воспользовались Турки прежними своими ошибками. Послѣ неудачныхъ экспедицій Пашей Омера и Скорды прошивъ Миссолунги, а Хуршида прошивъ Мореи, надѣялись Решидъ и Ибрагамъ бышь счастливые.

Ибрагимъ, сынъ Египетскаго Саграпа, наименованъ Пашею Морейскимъ. Но ему надлежало завоевашь свой Пашалыкъ. Отець его покровительствовалъ просвѣщенію земли своей, а онъ презираешь его и осмается вѣреть варварству, въ кошоромъ родился и взмужалъ. Онъ не побѣждаетъ, а душишъ. Все его стараніе состоишъ только въ томъ, чшобъ испребляшъ — людей мечемъ, произрашенія огнемъ. Онъ хочешъ дышашъ только въ такой атмосферѣ, въ кошорой была бы смѣсь крови съ дымомъ.

Первые успѣхи его неожиданно быстры. Жители Мореи, смущенные поперею ошличивѣйшихъ вождей своихъ и недовольные правительствомъ, осмается въ бездѣйствіи, за кошорое должны плашшъ своимъ имуществомъ и кровью. И Румелійцы пришли въ такое же недоумѣніе, ибо ихъ Колешии былъ врагъ Маврокордама. И такъ ничего не было приготоовлено къ оборонѣ. Она бы-

да слаба, и Ибрагимъ не находилъ преяпствій!

Онъ осадилъ Наваринъ, овладѣлъ Триполицею, явился подъ стѣнами Наполи. Почши весь полуостровъ былъ наполненъ и опустошенъ Арабами. Въ шеченіе почши цѣлаго года Решидъ Паша, Генералиссимусъ Румелии, осаждалъ Миссолонги, могилу храбраго Брицари, новое опечество Байрона. Гарнизонъ состоялъ изъ отборныхъ людей Греческаго народа. Тамъ находились герои Эполии: Ноши, Цавелла, Фотомара, Веико, Зерва. *Fortunof! ... nulla unquam dies memori vos adimet aevo!*

Христіане собираются и кричатъ: „все, кромъ рабства!“ мечъ обогреть кровью Турокъ, знамена разорваны пысячью пудей. Онь пасшырскаго благословенія энпузіазмъ воспламеняешся до крайности. Дѣлають вылазку. Христіанскіе ратники врѣзываются далеко въ густыя массы врага. Мечъ прокладываетъ имъ путь. Но малочисленность должна уступитъ превосходящей силѣ. Миссолонги палъ.

Люди, неожиданныя такихъ послѣдствій, чрезвычайно перепугались. Тѣмъ показали они свое отчаяніе, что прибѣгли къ Англіи съ просьбою о вспоможеніи Греціи. Маврокордашо считался изъ первыхъ, принявшихъ

сію мѣру, почему Колешпи объявлялъ себя прошивъ нея. Образуются двѣ партіи: Французская и Англійская. У всякой свои пронырства, свои эмиссары, свои корреспонденты.

Вскорѣ за шѣмъ первоначальная форма Правительствва измѣняется. Двѣ Коммисіи, каждая изъ нѣсколькихъ Членовъ, замѣняютъ Законодательное и Исполнительное сословія. Одной поручаются дѣла вѣшнія, другой внутреннія. Онѣ пышались, посредствомъ Бришанскаго посольства въ Константинополь, всунуться съ Поршою въ переговоры; но безъ успѣха.

Турки готовились напасть на Аѣины. Подъ стѣнами ихъ явился Решидъ Паша съ сильною арміею. Созвано было общее народное собраніе. Тушъ партіи оказали себя двѣпельные, чѣмъ когда либо. Нѣкоторые депуташы собрались въ Эгинь, другіе въ Каспри. Наконецъ различіе мнѣній исчезаетъ на минушу, и Графъ Іоаннь Каподистрія избирается *единогласно*, Народнымъ собраніемъ въ Дамаль, на семь лѣтъ, Президентомъ Греціи. Но никакими мѣрами нельзя было спасти городъ Минервы, и Аѣины пали.

Здѣсь оканчиваются побѣды и надежды Турокъ. Подписанъ Лондонскій шракташъ.

Во все время продолжительной распри,

какую вела Эллада съ варварами, между сынами сей несчастной страны нашелся только одинъ измѣнникъ, гнусный Варнакавши.

Ипсиланши вель себя прямодушно, какъ храбрый солдашъ, — желалъ добра, но не былъ въ состояніи достигнуть его. Маврокордапо былъ всѣми уважаемъ, какъ мужъ образованный, умѣренный, неупомимый и безкорыстный. Онъ разорился опъ излишней щедрости. Но, можешь бышь, ему недоставало твердости правилъ, и природою назначенъ онъ болѣе для втораго, нежели для перваго ранга. Мало по-малу прибрѣлъ онъ довѣріе всѣхъ паршій.

Негри показаль себя искуснымъ въ проискахъ, одареннымъ шонкою наблюдашельноспью и прозорливостію, болѣе Ораторомъ, нежели Писателемъ. Мавромихали есть глава фамиліи, оказавшей своимъ геройствомъ въ битвахъ большую услугу Греціи. Георгій Кондуріоши, счастливый на Президентскомъ мѣстѣ, ибо ему удалось прекрашити первоначальныя междоусобія, былъ несчастливъ на полѣ битвы. Колокопрони, честолюбивый предводитшель, склонный къ безпорядкамъ, шоль же чуждый познанія законовъ, какъ и воинскаго искусства. Никиша, скромный воинъ, всегда первый передъ врагомъ, неуспрашимъ, какъ левъ.

Богдари, котораго, по чисной, возвышен-
ной славѣ, сравнивали съ Леонидомъ, не за-
служилъ упрека при жизни и пріаль смертъ,
досшойную удивленія. Томбази—храбрый мо-
рякъ. Мілули—новый Аякъс. Сахпури—храбрь
до наглосши. Канари — былъ ужасомъ вра-
говъ своими брандерами. Наконецъ — Кара-
искаки, слишкомъ рано похищенный смер-
шю, увлекалъ за собою предводителя и
соддаша, своею блиспашельною славю, пре-
восходствомъ своего генія и внезапными
своими вдохновеніями. Таковы люди, досшой-
но подвизавшіеся за Элладу.

Разительный феномень представляется
при всемъ шомъ уму наблюдательному: без-
участіе, неподвижность Западной Церкви
при спраданихъ Воспочной сеспры ея. Сто-
льшія Урбана II и Евгенія III ужѣ минова-
лись. Но еще бодрствуетъ для Греціи сим-
пашія Европейскихъ народовъ. Образован-
ность подаешь ей спасительную длань. Взы-
ваютьъ Германія и Швейцарія. Англія и
Франція ошвѣщсшвуютъ имъ. Король Ба-
варскій, Лудовикъ ободряетъ Филеллиновъ
своимъ благоволеніемъ. Эйнаръ въ Женевѣ
даетъ новую жизнь всеобщему участію.

Обратимъ теперь вниманіе на ввропш-
ныя послѣдствія двухъ главнѣйшихъ проис-

шеспвій, ошь коихъ зависишь, по видимо-
му, будущая учась Греціи:

1. Наименованіе Графа Каподистрія гла-
вою Греческаго Правительсва.

2. Лондонскій пракшаь.

Въ основахъ сего послѣдняго не сколько
принимались въ разсужденіе великія пожер-
швованія, принесенныя Греціею къ пріобрѣ-
шенію вновь ея политическаго существова-
ніа, сколько прѣбованія публичнаго Евро-
пейскаго права и крайняя необходимосшь вос-
препятсшвовашь совершенному испребле-
нію Греческой націи. Но первыя положенія
сего пракшаа въ шой мѣрь будущь ра-
спросшраняшья, въ какой Судшань будешь
упорсшвовашь въ ушвержденіи за собою
шакъ называемыхъ правъ своихъ.

Народъ Греціи прѣбуешь шого шолько,
что ему принадлежишь — земли предковъ
своихъ. Провозглашеніе его независимосши
было бы дѣломъ богоугоднымъ. Новая Гре-
ція должна пріобрѣсти силы, чшобъ сдѣ-
дашья крѣпкимъ, дѣяшельнымъ полезнымъ
членомъ Европейской конфедераціи. Мѣшо
въ сисшемѣ общесшвеннаго равновѣсія, на-
значено ей, по видимому, столько же геогра-
фическимъ ея положеніемъ, какъ и богат-
сшвомъ края, въ кошоромъ свобода не замѣя-
лашь развнншъ и выросшншъ всѣ зародшнш.

Она должна служить преддверіемъ образованности Запада, твердою оборонительною стѣною Христіанства.

Призваніе Каподистрія обнаруживаетъ внезапную, единогласную рѣшимость націи. Въ такихъ крипическихъ обстоятельствѣхъ она могла вѣрять судьбу свою только глубокому шаланшу, испытанному патриотизму и Европейскому кредиту такого ошличнаго гражданина. Онъ одинъ сочтенъ былъ способнымъ возстановить гармонию, устроить внутреннее управление, доставить ему уваженіе извнѣ и опразить варваровъ.

Корай сравнивалъ его съ Тимеономъ, который некогда призванъ былъ къ защитѣ Сицилійскихъ колоній Коринѣа, своего опечешва. Да увѣнчается такимъ же счастливымъ успѣхомъ его рвеніе!

Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы преобразовать націю, уже несколько шольвій еовращенную съ праваго пути дурными примѣрами, расперзанную сильнѣйшими штрасшми и даже опъ войны неисправившуюся; чтобы ушвердить свободу въ такой землѣ, съ которой насильно она похищена и которой шоль долгое время пребывала она чуждою; наконецъ, чтобы устроить неколебимое могущество, со всею необходимою опшорожношью, какая шребуется для себе-

реженія споль драгоцѣннаго блага, какова свобода сія.

Можешъ ли Каподиспрія все сіе привести въ исполненіе? Надѣмся.

(Изъ Пгм. Ж.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАДЕЖДА.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышнюю судьбою
 Лишь слезы смершнымъ суждено;
Надежды свѣшлою звѣздою
 Ихъ бышіе озарено.
 Съ тѣхъ поръ изъ сѣни неба шайной
 Свой ушѣшительный, оспрадный
Она свѣтъ сыплеть надъ землею,
 Унылой горести спраной.
 Съ тѣхъ поръ съ улыбкой животворной,
 Съ учасьемъ дружбы непришворной,
 Небесной красошы полна,
 Какъ дѣва юная, — *она*
 Привѣтно всѣхъ насъ посѣщаетъ,
 Ко всѣмъ объашья простираетъ.

Заглась любви къ *ней* искра въ насъ:
 Мы *ею* дышимъ всякой часъ,
 Мы *ей* живемъ; — предъ симъ свѣшломъ
 Споемъ всѣ съ жершвой и бадмошъ.

Свѣтаешь ея Трою Царя ,
 Который чистою горя
 Любовью къ подданнымъ и славу,
 Ждешь счастья своей Державы ;
 И, будущихъ сквозь мглу времянь ,
Надежды чувствомъ оживленъ ,
 Лучи безсмертія лобзаешь ,
 Помощью коими вѣнчаешь
 Въ благословіяхъ священныхъ
 Ощевъ ошечства благихъ .

Герой, среди кипящей брани,
 Къ *Надеждѣ* просшираешь длани, —
Надеждой духъ его горитъ ;
 И онъ, враговъ сражая, мнитъ ,
 Что скоро съча пересчанешь ,
 Побѣды славный часъ насчанешь ,
 И съ нимъ — кровавый будешь щипъ
 Оливой, лаврами обвишь :
 Онъ ждешь, — врагу ошмивъ шпорицей ,
 Возвѣшь въ побѣдной колесницѣ .

Любишель роскоши, чешей ,
 Сокровищъ, нѣги сладострастной ,
 Идя дорогою своею
 Постылою, однообразной ,
 Мнитъ новую пропу пробишь
 И кругъ желаній расширишь .
 Желанья умъ его шуманяшь ,
 Мечши всё дальше, выше малянъ ;
 И онъ *Надежды* на крыль ,
 Лещишь къ невѣдомой землѣ ,
 Гдѣ розы спелюшя грядани ,

Ручьи злыми бьютъ волнами,
Гдѣ свѣшишь новыхъ звѣздъ полна
Желанная ему страна.

Пловецъ, раскинувъ парусъ бѣлый,
На море ширишь взоръ веселый,
Плывешь къ Колхидѣ золотой. . . .
Но небо вспыхнуло грозой,
Взбурлилась гладкая стихія,
И въ небо волны бьютъ сѣдыя.
Внимая спонъ валовъ, бурь свисшь,
Трепещешь онъ, какъ тонкій листъ;
Въ немъ кровь ошъ сшраха засшываетъ;
Погибъ на вѣбъ! . . . но и шогда
Надежды свѣшлая звѣзда
Несчастнѣму сѣвозъ мракъ сіяешь:
Онъ мнишь: „авось пройдешь гроза,
Авось просвѣшашъ небеса!“
И жершва влажныя могилы, —
Послѣднія собираешь силы;
И ухвашься за доску, — онъ
На ней спасаетъ ошъ волнь.

Когда весенней шеплошою
Повѣешь съ неба воздухъ намъ,
Орашай радостной ногою
Идешь къ воскреснувшимъ полямъ:
Онъ землю плугомъ раздираешь,
Ей зерна голя ввѣряешь,
Исполненъ поша и шруда;
И ждешь споричнаго плода;
Надеждою въ немъ сердце бѣшся, —
Чшо скоро поле разольшся;

Какъ море , жашвой золошой ;
 Чшо онъ съ родимую семьей ,
 Въ румяну осень , Крезомъ будешь ,
 И шагосшь всѣхъ шрудовъ забудешь .

Задумчива , шоски полна ,
 Мила , прекрасна , какъ весна ,
 Когда о другѣ дѣва спонешь
 И вся въ слезахъ по миломъ шонешь ;
Надежда гениемъ благимъ
 Въ ея свѣшлицу прилешаетъ ,
 И шайнымъ говоромъ своимъ
 Ея шраданье облегчашетъ .
 И въ дѣвѣ ожила любовь ;
 И красошы увядшей вновь
 Цвѣшъ юный на челѣ блисшашетъ ;
 Спокойно дѣва уповашетъ ,
 Свиданья съ другомъ сердца ждешъ ; —
 И спашъ для ней милѣ свѣшъ .

Бѣднякъ , кому судьба сурова
 Судила вѣчно бышь безъ крова ,
 И всю жизнь отъ руки чужой
 Хлѣбъ черштый принимашъ , сухой ;
 Бродяшъ въ зной , въ холодъ , безъ одежды , —
 И шощъ живешъ лучемъ *Надежды* ,
 И шощъ имъ радуешъ себя .
 Жизнь безошрадную любя ;
 Любви свяшой отъ сожалѣнья
 И шощъ себѣ ждешъ ушщенья .

Темницы брошennyй во мракъ ;
 Томишся узникъ шамъ въ неволѣ ;

Онъ свѣша въ ней не видя бога,
 Могилой дышишь, какъ призракъ :
 Звучація на немъ желѣзы
 Лишь дикія родящъ въ немъ грезы,
 И сонъ бѣжишь его очей.
 Но и въ обителѣ цѣпей,
 Зари лучемъ *Надежда* всходишь,
 И шамъ спрадальца духъ находишь
 Ошраду, ушѣенье въ ней:
 Мечта свободы золошая
 И шамъ его порой живишь ;
 И шамъ *Надеждой* онъ горишь
 Увидишь свѣшь роднаго края :
 И будшо легче цѣпи съ ней,
 И пракъ шюрмы — ему свѣшлѣй !

И вы друзья, любимцы Феба,
 Не шакже ль вѣспницъ сей Неба
 Приносише свой лиры даръ ?
 Не ею ли горишь въ васъ жаръ,
 Когда ошъ свѣшлхъ Музь селеній
 Вы ждете Феба вдохновеній ?

Блаженъ, кому *Надежды* лучъ,
 Среди шумановъ, грозныхъ шучъ,
 Звѣздою свѣшишь пушеводной ;
 Кшо съ швердосшію благородной
 Къ мещъ указанной шечешъ,
 И помощи ошъ Неба ждешъ !
 Но слабъ и низокъ шощъ душою,
 Кшо и предъ легкою грозою
 Въ ошчаянье вдаешъ себя,
 Прешушно ждешъ свою губя.

Не чаяшь свыше утѣшеня ;
 Врагомъ бышь значишь Провидѣннѣ,
 Которое въ *Надеждѣ* намъ
 Свою эгиду просшираешь,
 И пушь терновый къ небесамъ
 Ея цвѣтами ушлаешь.

В.....ій.

V.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

25. *Question de littérature légale: du plagiat; de la supposition d'auteurs, des supercheries qui ont rapport aux livres; par Mr. Charles Nodier.* (Вопросъ, касающійся до судебной Словесности: о литературныхъ хищеніяхъ, о подмѣненіи Авторскихъ именъ и о плутовствахъ по части книжнаго дѣла; соч. Карла Нодье, Кавалера Почетнаго Легіона, Королевскаго Библіотекаря при Арсеналѣ, Члена Общества любителей книгъ и разныхъ Академій. Изд. 2-е. Парижъ, 1828 года. 230 стр. въ 8 д. л.)
 „Любишели Нумизмашики ошь искренняго сердца изъявляли благодарность свою

Г. Бове (Beauvais), когда онъ напечаталъ при своей Исторіи Императоровъ, крашкія замѣчанія о хипросяхъ, употребляемыхъ нѣкопорыми поддѣльщиками, для продажи дорогою цѣною маловажныхъ медалей. Г. Нодье оказалъ такую жь услугу Липпературь, или, лучше скажешь, уму человѣческому; ибо онъ не ограничился выводомъ наружу вещественныхъ плушней, дѣлаемыхъ нѣкопорыми сочинителями и продавцами книгъ для сбыта своего шовара; но съ опличнымъ искусствомъ распространяешь о подражаніи, выписываніи съ присвоеніемъ (plagiat), литературной кражѣ, школахъ Словесности, особенностяхъ слога у разныхъ Писателей, особенно ихъ *умьнь* и пр. Всѣ сіи вопросы пребующь, для разрѣшенія ихъ, ума шонкаго, вкуса образованнаго и глубокихъ познаній въ Словесности. Г. Нодье доказалъ, что имѣешь всѣ сіи условныя качества.

„*Подражаніе* вообще извиняешь въ писателѣ шолько тогда, когда онъ заимшвовалъ изъ сочиненій, написанныхъ на чужомъ языкѣ; и тогда однако жь оно дѣлаешь явнымъ хищеніемъ, ежели списокъ рабски сходень съ подлинникомъ. Знаменишвейшіе Французскіе писатели: Моншань, Корнель, Ж. Б. Руссо и Вольшеръ, не слишкомъ бы-

ли совѣспливы на сей счетъ: примѣчанія Г. Карла Нодье содержатъ въ себѣ любопытныя образчики ихъ хищеній въ стихахъ и прозѣ. Опъ *подражанія до присвоенія* (plagiat) разшояніе не слишкомъ далеко. *Присвоеніе*, по мнѣнію Г. Нодье, состоишь въ томъ, когда заимствуюшь изъ Сочинителя (особенно современнаго, или новѣйшаго и содременнаго заимствовашелю по рожденію и языку, на кошоромъ оба они пишушь: сіе весьма увеличиваешь вину присвоителя), когда, повшоримъ, заимствуюшь изъ шакаго Сочинителя собственно имъ созданный предметъ его сочиненія, поясненіе какихъ-либо новыхъ или мало извѣстныхъ понятій, выраженіе одной или нѣсколькихъ мыслей. Такимъ образомъ Шарронъ рядился въ доскушки, вырванныя у Моншана; Паскаль, въ своей книгѣ *Мыслей* (Pensées), сдѣлалъ сборникъ выписокъ, извлеченныхъ имъ изъ швореній древнихъ мудрецовъ, Церковныхъ Опцевъ, Моншана и Шаррона; Рамзе (Ramsay), по собственному его признанію, *удачно* встрѣшилъ съ Фенелономъ въ нѣкошорыхъ прекрасно написанныхъ страницахъ, кои слово въ слово списаны съ Телемака; О. Барръ вспавилъ въ свою *Исторію Германіи* болѣе 200. страницъ изъ Вольшеровой *Исторіи Карла XII*, и пр. и пр.

Въ лихературномъ хищничествѣ есть еще преступленіе, кошорое гораздо превышаетъ присвоеніе чужихъ мыслей и выраженій въ частности, и кошорое безъ грѣха можно назвать кражею. Таково было преступленіе нѣкотораго *Фабра д'Юзе* (Fabre d'Uzez), напечатавшаго подъ своимъ именемъ собраніе *Лангедокскихъ пѣсень*, ввѣренное ему другомъ его *Пеиромъ-де-Валиерасъ* (Peuge de Valieras.) Такова еще недавно была *дерзость* Г. Эдуарда Ландіе, усупившаго ученому шипографу, Г. Ренуару, рукопись д'Агессо подъ видомъ собственнаго сочиненія. Подобныя лихературныя грѣхи рѣдки, когда дѣло идетъ о большихъ сочиненіяхъ; но весьма обыкновенны въ отношеніи къ легкимъ стихотвореніямъ и мелкимъ ошпылкамъ въ прозѣ (*).

(*) А цѣлая печатная книга, отъ доски до доски выкраденная и перепечатанная почти собственными словами подлинника? А Разсужденіе о какомъ-либо предметѣ по части Наукъ или Лихературы, писанное съ печатныхъ, съ разными уѣчьями, недоумовками и перемовками, кошорыя показываютъ, что *заимствователь* не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что присвоиваетъ себѣ съ такою дерзостью? Видно, или Г. Карлъ Нодье не всѣ роды *присвоеній* исчислилъ, или Французскіе лихературныя *мародеры* еще сколько имѣють совѣсти, что не списываютъ вполнѣ печатныхъ сочиненій. Въ этомъ

„Г. Карль Нодье разсуждаешь поспешно, и съ одинаковою силою ума, объ уступкѣ сочиненій; о подмѣненіи имени Социнишеля (на сей счетъ, самое удивительное и самое оспроумное въ наше время, есть безъ сомнѣнія подмѣненіе имени спаринной спихопворицы *Клотильды Сюрвилль*) (*); о вспавкахъ чужихъ сочиненій,

случаѣ, за недоспашкомъ примѣровъ во Франціи, мы бы могли ему прислужиться Русскими? Довольно было бы указашь на спашью о *Калмыкахъ*, помѣщенную въ С. О. 1821 года однимъ изъ нашихъ Литераторовъ, и списанную съ начала до конца съ напечатанной въ 1810 году книжки Г. Спрахова: *Нынѣшнее состояніе Калмыцкаго народа*. Если бы къ эпому прибавишь еще спашью *Объ экзаметрѣ*, доставленную тѣмъ же Литераторомъ въ *Словарь Древней и новой Поэзіи* (см. ш. 1, подъ словомъ: экзаметрѣ), и заимствованную имъ изъ одной спашьи Г. Гнѣдича (кромя ошибокъ и промаховъ, кои всѣ сполна принадлежашь присвоишелю), шо конечно Г. Карль Нодье, подивясь шакому смѣлому способу выдавашь чужое за свое, повшорилъ бы съ нами Лапинскій *диктонъ*: Nil mortalibus arduum est.

(*) Но есть подмѣненія именъ не удивительныя и не оспроумныя, а просшо показывающія, что зашѣйникъ, выдумавшій оныя или приписывающій нѣкопорымъ Писателямъ сочиненія, никогда ими не писанныя, имѣлъ въ виду лзвишь сихъ писателей кос-

грубомъ плушовствѣ, каковое духъ парсій
внушаетъ во времена невѣжества; о *поддѣл-
кахъ* (postiches), состоящихъ въ почномъ
подраженіи слогу извѣстныхъ писателей; о
аишерашурныхъ школахъ (или, какъ у насъ
съ нѣкошораго времени называють, *раско-
лахъ*), и пр. Совѣтуемъ людямъ со вкусомъ
подумають хорошенько надъ симъ парагра-
фомъ, кошорый ошличаетъ духомъ наблю-
денія, глубокомыслиемъ и здравымъ разсуде-
ніемъ.

„Тѣсныя предѣлы журнальной спашьи
едва позволяють намъ входить въ нѣкошо-
рья сухія подробности, шогда, какъ все со-
чиненіе Г. Карла Нодде занимательно и на-
спавишательно. Сочинишель конечно ничего
ошъ сего не пошеряеть. Люди, любящіе чи-
шашъ шаковья сочиненія вполнѣ, поспѣ-
шашъ прочешъ его книгу, и вѣрно про-
спшашъ намъ за шо, чшо мы поспавили ихъ
въ сію необходимость. Между шѣмъ, мы за

венными и едва ли позволительными средствами.
Доказательствомъ шому можешъ служить одна изъ
последнихъ книжекъ недѣльнаго Журнала: *Славянскъ*.
Тамъ, подъ ложнымъ заглавіемъ библиографическихъ
извѣстій, приписаны нѣкошорымъ доспойнымъ ува-
женія лицамъ шакія сочиненія, кошорыхъ они не ду-
мали ни сочиняшь, ни издавать.

долгъ себя поспавляемъ упомянуть еще объ одномъ параграфѣ, подъ заглавіемъ: *О подмѣненіи книгъ*. Здѣсь читашедли найдуть Исторію нѣкогда славнаго шракшаша: *De tribus impostoribus*, который еще не существовалъ въ то время, въ какое вообще полагають изданіе его въ свѣтъ, и котораго рѣдкіе экземпляръ, на перехвашъ раскупаемые библіоманами на продажахъ съ публичнаго шорга, напечатаны были около 1753 года иждивеніемъ и шрудами Вѣнскаго книгопродавца Шшаубіуса, просидѣвшаго за сіе долгое время въ Брауншвейгской шюрмѣ (*). Хишросши, вымышляемые для обмана библіофиловъ, подмѣненіе мѣспъ и листовъ, года печашанія, рѣдкостн изданія, заглавія, имени Сочиншела и пр., описаны съ шюю увѣренностію, каковую долговременное наблюденіе даешъ Г. Нодье; а разсужденія его оживлены множешвомъ занимашельныхъ и малоизвѣсшныхъ анекдотовъ, касашельно лишерашурныхъ грѣховъ и шому подобнаго.

„Примѣчанія содержашъ въ себѣ многочисленныя примѣры подражаній, липературныхъ, хищеній, поддѣлокъ и пр. Слѣдующее“

(*) Такъ прешупленія сего рода назншваются иногда шюрмою? *Avis au lecteur*.

за ними доиолненіе заключаешъ въ себѣ библиографію главнѣйшихъ присвоишелей чужихъ сочиненій. Въ началѣ книги приложены: предисловіе Сочинишеля, посвященіе оной Г. Вейссу, ученому библиошекарю въ Безансонѣ, и таблица упоминаемыхъ въ ней Писателей.“

Переводя изъ одного лучшаго Французскаго Журнала замѣчанія о сей любопытной и полезной книгѣ, мы надѣемся доставить извѣстіемъ объ оной, удовольствіе читающей нашей публикѣ. Предметъ, изложенный Г. Нодье, заслуживаешъ общее вниманіе не шолько во Франціи, но и у насъ, особенно съ шѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ законъ о лишературной собшвенности и правахъ Писателей, Высочайше дарованный намъ въ 22 день Апрѣля сего года въ одно время съ Цензурнымъ Усшавомъ. Теперь никто уже не осмѣлился безнаказанно присвоивашъ себѣ чужіе шруды; а если и найдутся такіе смѣльчаки, то они будутъ преслѣдуемы закономъ. Желашельно, чшобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ Лишературовъ взялся перевести книгу Г. Нодье, кошорой явная цѣль ешъ та, чшобы заклеимить въ общешвенномъ мнѣніи пѣ лишературныя посягашельства, кои, по сущности своей,

ограждены ошъ наказаній, полагаемыхъ законами.

О. Сомовъ.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

П о э з і я.

18. *Киргизскій Пльнникъ, повѣсть въ стихахъ. Н. Муравьева. (Взятая съ истиннаго произшествіа Оренбургской линіи).* М. Въ шип. Августа Семена, при Императорской Мед. Хирург. Академіи, 1828. IX — 48 стр. въ 8 д. л.

(Сочинишель на заглавномъ листѣ помѣшилъ слѣдующій эпиграфъ изъ А. Пушкина:

„Не для зависшливыхъ судей,
Не для сбирашелей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣшей,
Но для друзей шаланша шрогихъ,
Священной истины друзей!

Эти строгіе друзья шапанша и священной истины конечно захопашь оправдашь сіи лесныя названія, и скажущь Г. Сочинишелью *Киргизскаго Пльвника*, что онъ взялъ основу и содержаніе своей повѣсти изъ Кавказскаго Пльвника, съ пою разницею, что *Уралецъ молодой*, ушедъ изъ пльва, увель съ собою молодую Киргизку, Баяну и женился на ней. За ними, правда, гнались Киргизцы, но не догнали, и все кончилось по желанію Уральца Федора, Киргизки Баяны, и, вѣроятно, самого Сочинишеля. Стихи, не смощри на явное подражаніе Пушкину, и на часшья у него заимствованія, шакъ сказашь, не сладки и очень, очень незрѣлы. Ршемы шакія шакъ: *безъ тебл, сна, меня; мила, вѣрна; не разлюби, не измѣни; весела, струя, чиста* и пр. и пр., встрѣчающся не рѣдко. Для образчика слога и стихосложенія, выпишемъ шолько одно мѣсто. Сочинишель, на стр. 47, вѣчаешь Федора и Баяну:

Вошь наконецъ предъ алшаремъ
 Они предшали, обвѣчались,
 Союзомъ искренней любви
 Взаимно въ храмъ сочешались;
 И дни блаженшва ихъ текли
 Въ туманъ дневныхъ наслажденій,
 И сладощь млыгъ упоеній

То ихъ манила, но опять
Имъ говорила: „подожди!“

Довольно! Пожелаемъ читателямъ *днейшихъ*
наслаждений при чтеніи сей Поэмы.)

КОНЕЦЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Надежда 389

VII. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Новыя Англійскія книги 97

2. — Французскія — 206

3. — — — — — 305

4. — — — — — 394

VIII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ 101

208

308

402

1382

Digitized by Google

